

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Н. Ангерман, д-р наук, проф. (Гамбургский университет, Германия)

Й. Бэкман, д-р наук (Хельсинкский университет, Финляндия)

С. Г. Веригин, д-р ист. наук, профессор (директор Петрозаводского Института истории, политических и социальных наук)

Р. Жерелик, д-р ист. наук, проф. (директор Института истории г. Вроцлава, Польша)

Н. Кент, д-р наук, проф. (Кембриджский университет, Великобритания)

М. Клементи, д-р наук (исследователь Восточной Европы департамента социальных и политических наук университета Калабрии, Италия)

А. В. Лихоманов, канд. ист. наук, доцент (зав. отделом РНБ)

Д. Ливен, д-р наук, проф. (Кембриджский университет, Великобритания)

Д. Мэтлок, д-р наук, проф. (Принстонский и Колумбийский университеты, США).

М. Ниендорф, д-р наук, проф. (Университет Грайфсвальда, Германия)

Г. Оселюс, д-р наук (Шведский национальный военный колледж)

М. Пауэлл, д-р наук, проф. (Фредерик Коммьюнити Колледж, США)

М. Рио-Сарсе, д-р наук, проф. (Университет Париж VIII, Франция)

В. В. Рогинский, д-р ист. наук (Институт всеобщей истории РАН)

В. В. Сергеев, д-р ист. наук, проф. (Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта)

Э. Чапевский, д-р ист. наук, проф. (Институт по вопросам безопасности и международных прав, Университет Нижней Силезии во Вроцлаве, Польша)

А. Г. Шкваров, канд. ист. наук (Хельсинкский университет, Финляндия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

В. Н. Барышников (председ.), д-р ист. наук, проф.

В. А. Ушаков, д-р ист. наук, проф.

В. Е. Возгрин, д-р ист. наук, проф.

А. А. Петрова, канд. ист. наук, доцент

В. Н. Борисенко, канд. ист. наук, доцент

Т. Н. Гончарова (отв. ред.), канд. ист. наук, доцент

Л. В. Сидоренко (дизайн), канд. ист. наук, ст. преп.

Санкт-Петербургский государственный университет
Институт истории
Кафедра истории Нового и новейшего времени

**ТРУДЫ КАФЕДРЫ
ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО
ВРЕМЕНИ**

St-Petersburg State University
Institute of History
Department of Modern and Contemporary History

**PROCEEDINGS OF THE DEPARTMENT
OF MODERN AND CONTEMPORARY
HISTORY**

19 (1)

2019

ББК 63.3(0)

Т78

Редколлегия выпуска: д-р ист. наук, проф. *В. Н. Барышников* (председ.); канд. ист. наук, доцент *Т. Н. Гончарова* (отв. ред.); канд. ист. наук, доцент *Л. В. Сидоренко*.

Т 78 Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 19 (1) /
Сост. Т. Н. Гончарова. – Санкт-Петербург, 2019. – 222 с.

ISSN 2227-3824

В Трудах представлены материалы научных исследований, подготовленные на кафедре истории Нового и новейшего времени Института истории СПбГУ. Среди них научные статьи, доклады, историографические обзоры, публикации источников, рецензии, хроника и т.д. Труды адресованы специалистам и всем, кто интересуется западноевропейской и американской историей.

The collection contains research materials prepared by the Chair of Modern and Contemporary History of the Institute of History of St. Petersburg State University. It includes scientific articles, reports, historiography, source publications, reviews of books, chronicles etc. The collection is addressed both to experts and anyone interested in the West-European and American history.

ББК 63.3(0)

ISSN 2227-3824

© Авторы статей, 2019

© Институт истории СПбГУ, 2019

**ЮБИЛЕЮ
ВЛАДИМИРА НИКОЛАЕВИЧА
БАРЫШНИКОВА
ПОСВЯЩАЕТСЯ**

СОДЕРЖАНИЕ

Российский историк скандинавских стран и Финляндии профессор В. Н. Барышников. Поздравление с 60-летним юбилеем. 10

Библиография научных трудов профессора В. Н. Барышникова / составитель Т. Н. Гончарова. 14

ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ

Kamenoff L. Le baron de Breteuil, un agent de secret du Roi à la cour de Saint-Petersbourg (1760–1763). 20

Сафонов М. М. Российско-американская компания и 14 декабря 1825 г. 33

Терюков А. И., Йоутсен Н. Л. Роль морского министра адмирала И. И. де Траверсе в организации полярных исследований. 55

Гончарова Т. Н. Критерии отбора персонала для консульской службы Франции в России (1814–1848). 74

Васильева А. Ю. «Наши усилия будут должным образом оценены общественностью»: деятельность фирмы «Томас Кук и сын» в британской Индии в конце XIX в. 88

ИСТОРИЯ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ СТРАН ЗАПАДА

Веригин С. Г., Барышников В. Н. Участие представителей финских спецслужб в Гражданской войне в Карелии (1918–1922 гг.) 100

Корчагин О. В. Ленинградское отделение Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (1920-е гг.). 120

Чепик В. Н. Политика Великобритании в ЕЭС: вопросы экономического и валютного союза в первой половине 1970-х гг. 143

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Таньшина Н. П. «Забытая» Июльская монархия: к вопросу о «модных тенденциях» в историографии. 155

Сергеев В. В. Современные российские диссертационные исследования по истории дипломатии и международных отношений Нового времени: систематизация и тематические тренды. 174

Возгрин В. Е. Особенности шведской историографии позднего Средневековья – XVIII века. 185

РЕЦЕНЗИИ

Ли Инин. Новое исследование битвы под Полтавой (по поводу монографии П. А. Кротова). 210

Требования к подаче материалов в журнал. 218

CONTENTS

Russian historian of the Scandinavian countries and Finland Prof. V. N. Baryshnikov. Our congratulations on the 60th anniversary10

Bibliography of the scientific works of Prof. V. N. Baryshnikov / compiler Docent T. Goncharova14

MODERN HISTORY OF WESTERN EUROPE AND AMERICA

Kamenoff L. The Baron de Breteuil, an agent of the “King’s Secret” at the court of Saint-Petersburg (1760–1763) 20

Safonov M. M. Russian-American company and December 14, 1825 33

Teryukov A. I., Joutsen N. L. The role of the Naval Minister Admiral I. I. de Traversé in the organization of polar research 55

Goncharova T. N. Appointment criteria for the French consulates in Russia (1814–1848) 74

Vasilieva A. J. “Our efforts will be duly appreciated by the public”: Thomas Cook & Son’s activities in British India at the end of the 19th century 88

CONTEMPORARY HISTORY OF WESTERN COUNTRIES

Verigin S. G., Baryshnikov V. N. Participation of Finnish special services in the Civil war in Karelia (1918–1922).100

Korchagin O. V. Leningrad departement of the Communist university of the National minorities of the Wesr (1920s) 120

Chepik V. N. The British EEC policy: the issues of economic and monetary union in the first half of 1970s. 143

**HISTORIOGRAPHY, CRITICAL STUDY OF SOURCES,
METHODS OF HISTORICAL RESEARCH**

Tanshina N. P. The “forgotten” July monarchy: for the question of “fashion trends” in historiography 155

Sergeev V. V. Latter Russian dissertation researches on the history of diplomacy and international relations of Modern history: systematization and thematic trends. 174

Vozgrin V. E. Features of the Swedish historiography of the late Middle Ages — 18th century. 185

REVIEWS

Li Yining. New study of the battle under Poltava (on the monography of P. A. Krotov). 210

Requirements for submitting materials to the journal 218

РОССИЙСКИЙ ИСТОРИК СКАНДИНАВСКИХ СТРАН И ФИНЛЯНДИИ ПРОФЕССОР В. Н. БАРЫШНИКОВ.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ С 60-ЛЕТНИМ ЮБИЛЕЕМ

*Двадцать третьего апреля 2019 года
исполнилось 60 лет заведующему кафедры истории Нового
и новейшего времени,
профессору Владимиру Николаевичу Барышникову.*

Большая часть научной и преподавательской деятельности Владимира Николаевича тесно связана с кафедрой истории Нового и новейшего времени Исторического факультета / Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ). Профессор В. Н. Барышников пользуется широкой известностью как в России, так и за рубежом как крупнейший специалист по истории Финляндии.

После окончания Исторического факультета Ленинградского государственного университета (ЛГУ) в 1982 г. Владимир Николаевич в течение ряда лет работал в качестве старшего научного сотрудника, затем заведующего отделом в Дирекции объединения музеев Ленинградской области. Защита кандидатской диссертации «Обострение социально-экономического положения и развитие внутривойенного кризиса в Финляндии в годы Второй мировой войны» в 1989 г. положила начало его преподавательской деятельности. Сначала — в Ленинградском государственном институте культуры им. Н. К. Крупской, а с 1993 г. — на кафедре истории Нового и новейшего времени Исторического факультета СПбГУ. В 1990-х гг. Владимир Николаевич преподавал также в Российской Христианской гуманитарной академии (РХГА).

Важной вехой в научной биографии Владимира Николаевича стала блестящая защита в 1997 г. докторской диссертации «От прохладного

мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы», следствием чего стало присвоение ему ученой степени доктора исторических наук. С 1998 г. В. Н. Барышников — действительный член Академии военно-исторических наук, с 1999 г. — профессор кафедры истории Нового и новейшего времени.

Одна из самых прославленных и старейших в Институте истории СПбГУ, наша кафедра обрела поистине новую жизнь после избрания Владимира Николаевича на должность заведующего в 2003 г. Его активная и плодотворная деятельность выдвинула кафедру на ведущие позиции на Историческом факультете / Институте истории, а также превратила ее в один из главных центров по изучению стран Запада в Санкт-Петербурге. Все учебные и научные достижения кафедры за последние 15 лет прочно ассоциируются с именем ее заведующего.

В настоящее время кафедра является наиболее востребованной по направлению «Всеобщая история», ее коллектив отвечает за выполнение обширного учебного плана, а набор преподаваемых на ней дисциплин, как показывает практика, более всего привлекателен для студентов.

Научная деятельность, осуществляемая на кафедре под энергичным и умелым руководством проф. В. Н. Барышникова, также радует своими достижениями. Сотрудники кафедры регулярно издают монографии, публикуют результаты своих исследований в высокорейтинговых научных журналах, регулярно принимают участие в международных научных конференциях и круглых столах, как в России, так и в зарубежных странах. «Труды кафедры истории Нового и новейшего времени», основанные в 2007 г., продолжают издаваться дважды в год и постоянно расширяют свою читательскую аудиторию.

Под неусыпным и чутким руководством проф. В. Н. Барышникова кафедра стремится активно использовать возможности различных грантов на научные исследования. Что же до международных контактов кафедры, то они выражаются в разнообразных формах сотрудничества с Институтом истории Вроцлавского университета (Польша), с Институтом истории Грайфсвальдского университета (Германия), с Манчестерским университетом (Великобритания).

Проф. Барышников ведет активную общественную и просветительскую работу. Он является сопредседателем Центра по изучению скандинавских стран и Финляндии при Санкт-Петербургской Ассоциации международного сотрудничества и членом правления Санкт-Петербургского Совета мира и согласия. Член Ученого совета СПбГУ, он также участвует

в заседаниях специализированного диссертационного совета Исторического факультета Российского государственного университета им. И. Канта (Калининград).

Несмотря на загруженность административной, общественной и иной просветительской работой, Владимир Николаевич находит время и возможности для углубленных научных исследований. Сфера его научных интересов — история международных отношений XX века, история Второй мировой войны, проблемы новейшей истории скандинавских стран и Финляндии. Труды проф. Барышникова получили известность и признание не только в России, но и за рубежом, прежде всего, в Финляндии.

Монографии В. Н. Барышникова тематически и логически составляют целый цикл книг, раскрывающих важные этапы в истории существования северного соседа России — Финляндии после обретения ею независимости, а также цикл работ о происхождении, ходе, итогах и уроках Второй мировой войны. В целом активная научная и публикационная деятельность В. Н. Барышникова и его коллег-скандинавистов способствовала тому, что кафедра за последние 15 лет стала признанным российской и международной общественностью центром по изучению стран Северной Европы и Балтии.

Преподавательская деятельность В. Н. Барышникова также в первую очередь сосредоточена вокруг проблем исторического прошлого и настоящего стран Северного региона. Так, неизменным успехом среди студенческой молодежи пользуются читаемые им курсы лекций «История стран Северной Европы», «История Финляндии» (для студентов Филфака), спецкурсы и спецсеминары.

Дорогой Владимир Николаевич! Коллектив кафедры истории Нового и новейшего времени, как и всего Института истории СПбГУ, сердечно поздравляет Вас со знаменательным событием в Вашей жизни – 60-летием со Дня рождения!

Вы пользуетесь заслуженной известностью в России и за рубежом как крупнейший специалист по истории скандинавских стран и Финляндии. Ваши труды получили признание в России, Финляндии, Польше, Норвегии, Германии, Великобритании, США.

Неутомимый исследователь, Вы – автор более 200 научных трудов. В их число входит два десятка монографий, многие из них неоднократно переиздавались. Высокий научный уровень, глубокое знание российских и зарубежных архивов – таковы отличительные черты Ваших работ.

Поздравление с юбилеем...

При этом Вы находите время и силы с энтузиазмом заниматься общественной деятельностью. На протяжении вот уже пятнадцати лет Вы с успехом осуществляете энергичное руководство кафедрой истории Нового и новейшего времени. Ваша научная компетентность и прекрасные человеческие качества по достоинству оценены студентами и коллегами-историками, среди которых Вы пользуетесь большим авторитетом.

Искренне желаем Вам сохранить на долгие годы творческую энергию и молодость души. Пусть крепкое здоровье, счастье, бодрость, жизненные силы никогда не покидают Вас, а исполнение желаний, успех, благополучие, новые свершения всегда сопутствуют Вам!

С глубоким уважением,

Коллектив кафедры истории Нового и новейшего времени
Института истории СПбГУ

БИБЛИОГРАФИЯ НАУЧНЫХ ТРУДОВ ПРОФЕССОРА В. Н. БАРЫШНИКОВА

2015-2019 гг.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ МОНОГРАФИИ

Historian kosto: Suomen Talvisota kehyksissään. Helsinki. 2015. S. 403.

От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX-XX вв. СПб., 2016. 620 с.

Балтийский регион в Новое и Новейшее время: истории и региональная политика. Калининград, 2016. 322 с.

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Барышников В. Н. К вопросу об объективности выхода Финляндии из Второй мировой войны на стороне Германии в 1944 г.: экономический аспект // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2015. С. 73-86.

Барышников В. Н. Проблемы международного научного и учебного взаимодействия на примере кафедры истории Нового и новейшего времени Института истории СПбГУ // Межкультурный диалог в современном мире: материалы международной конференции в Санкт-Петербургском государственном университете. СПб., 2015. С. 34-40.

Барышников В. Н. Тамвортские манифесты Роберта Пиля и процесс консолидации консерваторов в первой половине 1830-х гг. // Управленческое консультирование, 2015. № 9. С. 149-158 (в соавторстве).

Барышников В. Н. Дипломат Б. Е. Штейн и советско-финляндские отношения середины 1930-х гг. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2015. № 15. С. 79-103 (в соавторстве).

Барышников В. Н. У истоков современной российской «нордистики»: Профессор А.С. Кан и история стран Северной Европы // Клио, № 10 (106), 2015. С. 227-231 (в соавторстве).

Барышников В. Н. Боевые действия моряков советского Балтийского флота в обороне Выборга и Карельского перешейка в начале Великой Отечественной войны // «Наше дело правое»: страны и лидеры в социокультурном и философско-историческом измерениях. СПб., 2015. С. 231-241.

Барышников В. Н. Некоторые новые тенденции в оценках участия Финляндии во Второй мировой войне на стороне нацистской Германии в современной финской историографии // Карельский фронт и Европейский Север в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 2015. С. 36-42.

Барышников В. Н. Бомбардировка советской авиацией Хельсинки в феврале 1944 г.: особенности и значение // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2016. № 17 (1). С. 129-140.

Varyshnikov V. N. Prussian phenomenon and its historical distortion // Былые годы, 2016. Т. 39, № 1. С. 196-203 (в соавторстве).

Барышников В. Н. Финляндия и Советский Союз: к вопросу об обстоятельствах и времени принятия в СССР решения о начале войны против Финляндии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2016. Вып. 2. С. 18-36.

Барышников В. Н. Колониализм и империя в «истории обеих Индий» Аббата Рейная // Клио. 2016. № 114. С. 13-22 (в соавторстве).

Varyshnikov V. N. Russian Observations of European Experience in Agricultural Development in 1840s (based on the printed output of the Imperial Agricultural Societies of Russia) // Былые годы, 2016. Т. 40. № 2. С. 412-419 (в соавторстве).

Барышников В. Н. 180-летие изучения истории Нового и новейшего времени в Санкт-Петербургском университете // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2016. № 16. С. 18-66 (в соавторстве).

Барышников В. Н. К вопросу о выходе Финляндии из Второй мировой войны: визит финской правительственной делегации в Москву в марте 1944 г. и его значение (по материалам Архива министерства иностранных дел Финляндии) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2016. № 16. С. 140-156.

Барышников В. Н. Историографические представления в Финляндии об отношениях с СССР периода Второй мировой войны и их восприятие в современной России // Память и время: влияние войн и вооруженных конфликтов XX в. на российское общество. Сборник статей. Пенза. 2016. С. 327-334.

Барышников В. Н. Роль финской военной разведки в сражении за Выборг в августе 1941 г. // Россия, Финляндия и Скандинавия: Пробле-

мы взаимососприятия. Материалы шестых Барышниковских чтений. Выборг, 2016. С. 81-89.

Baryshnikov V. N. Multiculturalism in the Modern World // International Journal of Environmental & Science Education. 2016, Vol. 11, №. 18. P. 10777-10787 (в соавторстве).

Baryshnikov V. N. Studies in modern French history at Saint Petersburg State University // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2016. Вып. 3. С. 162-169 (в соавторстве).

Барышников В. Н. Англо-французская военная помощь Финляндии в годы «зимней войны»: взгляд из Москвы // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2016. № 16 (2). С. 86-99.

Baryshnikov V. N. Interaction of cultures and diplomacy of states // Kaset-sart Journal of Social Sciences. XXX (2016) P. 1-5 (в соавторстве).

Барышников В. Н. Неизвестные страницы обороны Выборга: боевые действия на Карельском перешейке летом 1941 г. // К 75-летию начала Великой Отечественной войны: На грани катастрофы» Международная научная конференция (Москва, Центральный музей Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. (22 - 23 июня 2016 г.) Часть II. М., 2016. С. 79-90.

Барышников В. Н. Почему в 1946 г. К. Г. Э. Маннергейм не был осужден как «главный военный преступник»? // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2017. № 17 (1). С. 129-140.

Baryshnikov V. N. From the enlightenment to National Socialism // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2017. Вып. 1. С. 91-105 (в соавторстве).

Baryshnikov V. N. The Right and the Theory of the Empire in the Thought of European Enlightenment of the Second Half Of The XVIII Century // Былые годы, 2017. Т. 44. № 2. С. 387-395 (в соавторстве).

Барышников В. Н. К вопросу об определенных причинах поражения советских войск в сражении за Выборг в августе 1941 года // Карельский перешеек. Страницы истории. Кн. первая. СПб., 2017. С. 294-313.

Барышников В. Н. Угроза советской оккупации Финляндии в 1935 г. и полпред в Хельсинки Э. А. Асмус // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2017. № 17 (1). С. 44-61.

Барышников В. Н. Отношение финских эсэсовцев к гражданскому населению на юге России и востоке Украины: к постановке проблемы // В поисках исторической истины. Сб. науч. статей, посвященный 70-летию профессора В.Г.Буркова. М., 2017. С.342-350.

Baryshnikov V. N. Cultural mega-events as an International, Cultural, and Political tool // *Codrul Cosminului*. Vol. XXIII, 2017, No. 2. P. 293-306 (в соавторстве).

Baryshnikov V. N. The Oxford movement and the English reformation // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2017. Вып. 4. С. 826-838 (в соавторстве).

Baryshnikov V. N. Research project “Communities of Print in Early Modern Europe” // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып.7. СПб., 2017 (в соавторстве).

Барышников В. Н. Игорь Павлович Шаскольский – создатель ленинградской школы историков-скандинавистов // «Моя специальность – древняя Русь»: сборник к 100-летию со дня рождения И. П. Шаскольского. СПб., 2018. С. 7-16.

Барышников В. Н. К вопросу о роли и значении дореволюционной российской историографии в изучении стран Северной Европы и формировании современной скандинавистики // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2018. № 19 (1). С. 215-231.

Барышников В. Н. Забытые источники: к проблеме дальнейшего изучения боевых действий на Карельском перешейке в «зимнюю войну» // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. СПб., 2018. Серия 2, № 1. С.125-133.

Барышников В. Н. Маннергейм и проблема начала советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. – начало XXI в.) Витебск, 2018. С. 57-61.

Барышников В. Н. Карл Густав Маннергейм // Лица Войны. М., 2018. С. 60-73 (в соавторстве)

Baryshnikov V. N. Cultural contacts of the Nordic countries with Soviet Russia and the USSR in the 1920s -1930s // *Kasetsart Journal of Social Sciences*. xxx (2018) P. 1-7 (в соавторстве).

Барышников В. Н. Проблема изучения в СССР в 1920-1930-к гг. истории революции и гражданской войны в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Россия, Финляндия и Скандинавия: Ключевые события в истории Тематический выпуск: К истории Великой русской революции и независимости Финляндии. Выборг, 2018. № 19 (2). С.56-67.

Барышников В. Н. Наступление в 1939-1940 годах на Карельском перешейке частей Красной армии глазами советского командования // Карельский перешеек. Страницы истории. Кн. вторая. СПб., 2018. С. 329-350.

Baryshnikov V. N. Civil War in Finland and Colonel Svechnikov // Вестник СПбГУ. История. 2018. Т. 63. Вып. 3. С. 917–934 (в соавторстве).

Барышников В. Н. Радиоразведка Финляндии и Зимняя война 1939-1940 годов // Защита информации. INSIDE. 2018. №5. С. 86-91.

Барышников В. Н. Международное признание в 1917 г. советского правительства и Финляндия // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Исследование и публикации по истории античного мира. Вып. 18. № 2. СПб., 2018. С. 215-234.

Барышников В. Н. «Чудо зимней войны»? Экономический аспект участия Финляндии в войне против СССР в 1939-1940 гг. // Przyjacieł – друг. Polska, Rosja i Europa Zachodnia – zagadnienia polityczne w XVIII-XX wieku. Wrocław, 2018. S. 24-45.

Барышников В. Н. Латышский большевик И. Т. Смилга и его роль в революции и гражданской войне в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Россия, Финляндия и Скандинавия: Ключевые события в истории Тематический выпуск: К истории Великой русской революции и независимости Финляндии. Выборг, 2019. № 20 (1). С.26-38.

Барышников В. Н. «Скандинавский сборник» и особенности изучения в СССР истории стран Северной Европы (1950- 1960 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2019. № 20 (2). С. 177-190.

Барышников В. Н. Отечественная историография по истории стран Запада: взгляд из Санкт-Петербурга // Новая и новейшая история. 2019, № 2. С. 204-207 (в соавторстве).

Baryshnikov V. N. The Russian Newspapers and the Struggle for Independence of the German Population of Schleswig-Holstein 1863–1864 // Былые годы, 2019. Т. 52. № 2. С. 726-735 (в соавторстве).

Барышников В. Н. Маршал К. Г. Маннергейм и наступление советских войск в июне 1944 г. на Карельском перешейке // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2019. № 21 (1). С.60-73.

Барышников В. Н. «Экспорт революции» или борьба с итогами «контрреволюции»? (к проблеме изучения в Финляндии деятельности «терий-окского правительства») // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2019. № 21 (1). С. 266-282.

Барышников В. Н. Карельский перешеек: наступление советских войск 1944 г. в исторической памяти финских солдат // Карельский перешеек. Страницы истории. Кн. третья. СПб., 2019. С 200-216.

Барышников В. Н. Политический кризис 1939 г. и Финляндия // Антигитлеровская коалиция 1939 — формула провала. М., 2019. С. 112-129.

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

Барышников В. Н. Финляндия на пороге рождения «Второй Республики»: 1944 год: и его значение для финской истории // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2015. №14. С. 198-218.

Барышников В. Н. Динамика и логика развития Запада в новейшее время // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2015. Вып. 1. С. 139-141.

Барышников В. Н. Одно сражение и «долгий путь в Европу»: Полтавская баталия — новый взгляд российского ученого // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2015. Вып. 3. С. 91-94.

Барышников В. Н. XIX Научная конференция «Санкт-Петербург и страны Северной Европы» (Санкт-Петербург, 25-26 апреля 2017 г.) // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2017, № 3. С.166-169 (в соавторстве).

Барышников В. Н. Отто Вилле Куусинен без маски // Вестник СПбГУ. История. 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 660-672 (в соавторстве).

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

Финляндия. Исторический очерк: Финляндия в составе Швеции (кон. 12 в. – 1809); Финляндия в составе Российской империи (1809-1917); Независимая Финляндия в 1-й половине 20 в.; Финляндия во 2-й пол.20-нач. 21 вв. // Большая Российская энциклопедия. Т. 33. М., 2017. С.390-392.

Финляндская революция 1918 г. // Большая Российская энциклопедия. Т. 33. М., 2017. С. 401.

Финляндское королевство // Большая Российская энциклопедия. Т. 33. М., 2017. С. 401.

УЧЕБНИКИ, УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

Барышников В. Н. История Второй мировой войны. Учебник для бакалавриата и магистратуры // М., 2018. 335 с. (в соавторстве).

ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ

L. Kamenoff

Kamenoff Lydia, attachée temporaire d'enseignement et de recherche à Paris I Panthéon-Sorbonne, enseignante d'histoire au Collège Universitaire Français de Saint-Pétersbourg.
E-mail: lydiakamenoff@gmail.com

LE BARON DE BRETEUIL, UN AGENT DU SECRET DU ROI A LA COUR DE SAINT-PETERSBOURG (1760-1763)

La mission de Louis-Auguste le Tonnelier de Breteuil (1730-1807) en Russie entre 1760 et 1763 est révélatrice de la fragilité du nouveau rapprochement diplomatique franco-russe et de la complexité des liens entre les deux puissances. Cette mission permet de saisir pourquoi la France entretenait, en ce milieu du XVIIIe siècle, des relations ambivalentes avec une Russie incontournable, mais surtout, inquiétante. L'ambassade du baron fut à cheval sur trois règnes : celui d'Élisabeth, de Pierre III, puis celui de Catherine II. Le jeune baron de Breteuil, avait tout pour plaire à la cour de Russie : jeune, militaire de formation, Louis-Auguste était issu d'une famille qui s'était illustrée, tout au long du XVIIe et du XVIIIe siècle, au service du Roi. La représentation, au coeur de la mission du diplomate, fut menée à la perfection : Breteuil, par son mode de vie luxueux à la française, a mené à bien l'art du paraître et l'art de la table et de la réception à la cour de Saint-Pétersbourg. Du côté des négociations, Breteuil était un diplomate français en Russie un peu particulier, puisqu'il était investi de deux missions : l'une officielle, et l'autre secrète. Il était l'un des fameux agents du Secret du Roi de Louis XV. Cette double diplomatie devait permettre au roi de France, Louis XV, d'accroître l'influence française en Europe orientale, et majoritairement en Pologne, en parallèle de sa diplomatie officielle. Cependant, elle fut très difficile à mettre en place, car elle plongeait l'ambassadeur dans une sorte de "schizophrénie" diplomatique.

Mots-clés : Breteuil, diplomates français en Russie, Secret du Roi, Catherine II, Saint-Pétersbourg

L. Kamenoff

Kamenoff Lydia, temporary attached of teaching and research in Paris I Panthéon-Sorbonne, history teacher at the French University College of Saint-Petersburg.

E-mail: lydiakamenoff@gmail.com

**THE BARON DE BRETEUIL, AN AGENT OF THE
“KING’S SECRET’ AT THE COURT OF SAINT-PETERSBURG
(1760-1763)**

The mission of Louis-Auguste le Tonnelier de Breteuil (1730-1807) in Russia between 1760 and 1763 is indicative of the weakness of the new diplomatic rapprochement carried out by France and Russia, and of the complex linkages between these two powers. This mission allows for the possibility of catching the reason why French Kingdom, in the mid-XVIIIth century, maintained ambivalent relations with an indispensable, but above all worrying Russia. This diplomatic mission straddled three reigns : the reign of Elisabeth I, Peter III, and the reign of Catherine II. The young baron de Breteuil had all the assets to please the Russian court : young, of military education, Louis-Auguste came from a brilliant family which has strived in the service of the King in XVII and XVIII century. The representation, at the core of diplomatic mission, was carried out to perfection. Breteuil, by his lavish french lifestyle, has successfully completed the art of apparences and the art of the table and receptions at the court of Saint-Petersburg. On the side of negotiations, Breteuil was a French diplomat a little particular in Russia since he was vested with two missions : one official, and one secret. He was one of the well-known “Secret du Roi” agents. This diplomatic doublespeak would allow for the French king Louis XV to enlarge the french influence in Eastern Europe, mostly in Poland, at the same time with his official diplomacy. However, it was tough to develop this influence, because the diplomat was immersed in a kind of “diplomatical schizophrenia”.

Keywords: Breteuil, French diplomats in Russia, Secret du Roi (King’s Secret), Catherine II, Saint-Petersburg

D) LE BARON DE BRETEUIL, REPRESENTANT DU ROI DE FRANCE : L'ART DE VIVRE A LA FRANCAISE A SAINT-PETERSBOURG

Jouer le rôle de représentant du roi de France à la cour de la Russie impliquait, tout comme le faisait le roi, de suivre la mode européenne, participer au monde des apparences exigeait de se vêtir avec ostentation et de suivre les règles de bonne hygiène. L'art du paraître du diplomate passait aussi par l'art de la table et de la réception. L'étude du mode de vie, ou plutôt de l'art de vivre du baron de Breteuil à Saint-Petersbourg entre 1760 et 1763, a été rendue possible. L'exploitation de ces précieuses informations permettent d'étudier ce que fut matériellement la vie d'un représentant de sa Majesté Très Chrétienne.

A) Habillement et statut de dignité : la garde-robe comme instrument de pouvoir

La garde-robe du baron Breteuil et de sa femme s'inscrivait dans ce que l'historienne Natacha Coquery appelle le « marché du luxe » au XVIIIe siècle. Le statut de dignité et son coût social dictaient une silhouette imposante et contrôlée. En effet, dans les sociétés de cour du XVIIIe siècle, la présentation de soi était le reflet du statut de l'individu, et l'habit était l'élément essentiel - marqueur de distinction d'une élite sociale¹. Grâce à l'état des effets du baron de Breteuil, il est possible de connaître et d'analyser le contenu de vingt ballots partis en mai 1761 de France pour la cour de Saint-Petersbourg. Ils mettent en lumière non seulement les effets envoyés au baron de Breteuil, mais aussi les effets destinés à sa femme, la baronne de Breteuil, ainsi que les effets des différents domestiques qui rejoignirent leur maître en Russie. À bord du navire partant de Rouen en 1761 en direction de la Venise du Nord, la garde-robe du baron de Breteuil se dévoile abondante, d'une extrême variété, d'une grande richesse.

C'est dans l'abondance du linge et des accessoires recensés, dans l'analyse de l'ornementation des vêtements, tels les boutons, les broderies, les motifs, ainsi

¹Simon Surreaux, « La distinction d'une élite sociale par l'habit au siècle des Lumières. Les maréchaux de France et leur garde-robe », *Apparence(s)* [Online], 4 | 2012, Online since 07 February 2012, Connection on 21 July 2017.

que dans celle des étoffes et des coloris choisis, que se révèle particulièrement le luxe de l'apparence vestimentaire du baron de Breteuil. De textiles luxueux composaient les ballots : on ne peut qu'être frappé par la variété et la multitude des pièces et des matières : velours, draps, étoffes, ras, moire, taffetas, camelot, castor, soie, allant des couleurs sombres aux plus colorées. On retrouvait quatre pièces et un coupon de drap jaune, trois pièces de serge bleue, un surtout de draps gris, un coupon de drap écarlate, un coupon de damas bleu, une pièce de velours bleu, une étoffe de soie et d'argent, des poches de cuir, des peaux de chamois, etc. La couleur bleue était omniprésente, elle rappelait la couleur de l'écu du roi de France, et elle était indéniablement liée aux symboles de la royauté française. Les effets envoyés au baron de Breteuil étaient représentatifs de la mode du XVIIIe siècle : un juste-au-corps veste (vêtement du dessus), ainsi que deux culottes de draps de Silésie à boutons d'or, et un habit de cour sont retrouvés dans l'état des effets envoyés au diplomate. Les hommes de cour se vêtaient de l'habit de cour, qui se composait invariablement de trois éléments au XVIIIe : une veste ou un gilet, un habit porté par-dessus, et une culotte. Revêtu à la cour, il était appelé habit habillé, il était coupé dans de riches étoffes, et était souvent finement brodé⁶⁴. La présence de jarrettières dans les effets du baron de Breteuil fait penser que la culotte est portée à la bavaroise, c'est-à-dire collante (à pont), elle descendait au-dessous du genou, et elle était serrée au genou par une jarretière². La veste se composait d'un tissu ordinaire pour le dos, d'un très riche pour les devants et les extrémités des manches, et elle se refermait seulement à la taille pour laisser passer le jabot de dentelle de la chemise. Une robe de chambre pour le baron de Breteuil est répertoriée dans l'inventaire. Cette dernière avait rencontré un réel succès dans les vestiaires masculins du XVIIIe siècle. Les broderies, en soies de couleur, à paillettes, à fils d'or ou d'argent, étaient d'une richesse étonnante, et ce fut la Fabrique lyonnaise de la soie qui affirma sa suprématie dans tout l'Europe³.

B) Breteuil et l'art de la table

« La maison doit être réglée et toujours splendide en toutes ses parties, principalement en la table et cuisine, à quoi les étrangers, surtout les

²François Boucher, *Histoire du costume en Occident des origines à nos jours*, 1996, Paris, p. 282.

³Voir *L'Encyclopédie* de Diderot et d'Alembert, pl. V, IXe vol., Planches sur les sciences, les arts libéraux et les arts mécaniques, tailleurs d'habits, habillements actuels. Musée de la Mode et du Costume de la ville de Paris.

septentrionaux, regardent plus qu'à toute autre dépense » Hotman de Villiers, 1603.

L'art de la table était aussi au cœur de la mission diplomatique du baron de Breteuil. Il devait se constituer un carnet d'adresses et bien recevoir : avoir un bon cuisinier et une bonne cave étaient des atouts. Beaucoup d'indices et de sources permettent d'avancer l'idée que le baron tenait table ouverte dans sa demeure pétersbourgeoise du 25 rue Millionaya (*Миллионная улица*), non loin du Palais d'Hiver⁴. Ce nouvel art de la table s'accompagnait des nouvelles formes de consommation ; les élites consommaient des produits coloniaux, bien présents dans les valises diplomatiques du baron de Breteuil : sucre, confitures, chocolats. Le sucre était devenu de première nécessité chez les élites sociales françaises au XVIIIe siècle. De nombreux produits d'origine coloniale (thé, café, chocolat, sucre, tabac), ainsi que de luxe et de demi-luxe ont connu une diffusion sociale croissante dans la seconde moitié du XVIIIe siècle. Le vin prenait aussi une place importante dans les dépenses du baron. La cave de Breteuil recelait de vins et de liqueurs d'origines différentes. Grâce à l'étude de ses comptes, on remarque que le baron de Breteuil emportât des vins de France en Russie, et qu'il appréciait tout particulièrement les vins de Bordeaux. En 1760, il acheta des vins de Bordeaux à Monsieur Gaulard de Journy pour plus de 1132 livres, et il renouvelait régulièrement les envois. Le vin fut aussi l'un des sujets de correspondance entre Breteuil et Vergennes⁵. Breteuil profitait de ses échanges épistolaires avec l'ambassadeur de France à Constantinople pour être fourni en vin de Chypre. Des vinaigres étaient aussi utilisés abondamment pour la conservation des aliments et pour la fabrication de condiments. Breteuil commanda à un vinaigrier dénommé Le Comte des moutardes de différentes natures, des fruits confits au vinaigre et des huiles. En 1760, le baron de Breteuil passa une commande de légumineuses (lentilles, fèves, pois) à Legrault, cuisinier de son oncle l'abbé de Breteuil. On retrouve le nom de l'épicier du baron de Breteuil, un certain Monsieur Gilet, situé Rue Neuve des Petits Champs, au coin de la rue Gaillon. En plus de ces produits alimentaires, le baron de Breteuil agrémentait sa cuisine de produits luxueux,

⁴Cette rue fut l'une des plus vieilles rues de Saint-Petersbourg. Elle apparut dans les premières années de l'existence de la ville. Dans les années 1720, des bâtiments en pierre commencèrent à être construits pour les aristocrates et les hommes d'État, et c'est pourquoi on l'appela dès les années 1740 "la Grande Millionnaire"

⁵Archives du château de Breteuil, 1re série L.A.B, 1762, Correspondance avec les ministres étrangers, de Vergennes à Breteuil, Constantinople, le 22 janvier 1762.

en recherchant la qualité, le goût et les nouvelles saveurs. On retrouvait dans ses effets cent cinquante demies bouteilles de crème royale de fleur d'oranger au vin de champagne, vingt-quatre d'huile d'orange, vingt-quatre d'huile de Provence, cinquante demies bouteilles de ratafia de fruits rouges, vingt de crème de pêche au vin de Champagne, dix bouteilles d'eau divine, trente bouteilles d'eau de lavande, etc.

Pour les élites, être à la pointe des modes était une nécessité sociale. Le luxe, l'abondance et le raffinement caractérisaient les manières de table des plus fortunés, contribuant à l'essor de la haute cuisine dans l'ensemble de l'Europe moderne. Les dépenses consenties par Breteuil pour la nourriture, et notamment pour les repas d'apparat, permettent d'affirmer son prestige et sa supériorité par rapport aux consommations ordinaires du peuple⁶.

II) BRETEUIL LE NEGOCIATEUR : AU COEUR DE LA GUERRE DE SEPT ANS ET DU SECRET DU ROI

Avec la représentation, la négociation était l'autre grande mission du diplomate. L'ambassadeur Louis-Auguste le Tonnelier de Breteuil⁷ arriva à Saint-Petersbourg le 30 juin 1760. La Russie, dirigée par Élisabeth Petrovna, fille de Pierre le Grand, est alors mal connue des Français. Depuis l'année 1748, les relations diplomatiques entre la France et la Russie étaient rompues. L'empire Russe avait été exclu des négociations d'Aix-la-Chapelle, et de plus, Élisabeth n'accepta pas que ses troupes, envoyées au secours de Marie-Thérèse à la fin de la guerre de Succession d'Autriche, soient considérées d'armée mercenaire. Mais cinq ans plus tard, l'impératrice Élisabeth, fit parvenir au roi Louis XV, les assurances du désir de rétablir les liens entre ces deux cours.

⁶Meyzie Philippe, « Chapitre 7 - Goûts alimentaires et manières de table des élites à travers l'Europe », *L'alimentation en Europe à l'époque moderne*, Paris, Armand Colin, « U », 2010, p. 143-168.

⁷Louis-Auguste, baron de Breteuil, est né à Azay-le-Ferron, le 7 mars 1730. Il est le fils de Charles-Auguste, Baron de Preuilly, premier Baron de Touraine, Seigneur d'Azay-le-Ferron, Fontbandry, Tournon et autres lieux, et de Marianne-Françoise Goujon de Gasville. Louis-Auguste est issu d'une famille qui s'est illustrée, tout au long du XVIIe et du XVIIIe siècle, au service du Roi. Cette tradition familiale remonte à 1572, lorsque le roi Charles IX appela Claude Le Tonnelier de Breteuil aux fonctions de Secrétaire de la Chambre et du Cabinet du Roi et lui remit les lettres de noblesse. Il est l'arrière-petit-fils de Louis de Breteuil (1609-1685), contrôleur général des finances sous Louis XIV, et petit-fils de l'Introduit des ambassadeurs de Louis XIV, Louis Nicolas de Breteuil (1648-1728).

C'est ainsi que face à Londres et à Berlin, le roi se tourna vers les deux impératrices, Marie-Thérèse d'Autriche et Élisabeth de Russie. Le traité de Versailles fut signé le 1er mai 1756 par Rouillé et Bernis, au nom de Louis XV, et par Starhemberg, au nom de Marie-Thérèse, et ce traité comprenait une convention de neutralité, un traité défensif, et une convention secrète. Mais cette nouvelle alliance franco-russe de la fin des années 1750, mit la cour de Versailles dans une situation complexe et embarrassante. Le rapprochement de la Russie et de la France posa un problème majeur : les deux grandes puissances se trouvèrent dans deux camps opposés. La France avait comme alliées héréditaires depuis le XVIIe siècle, la Pologne, la Suède et la Turquie. Ces trois États étaient considérés par la Russie comme ses ennemis, qui freinaient celle-ci dans son avancée vers les mers libres et dans ses contacts directs avec l'Europe occidentale.

A) Le Secret du Roi

Cette question épineuse fit naître l'idée d'une correspondance directe et privée entre Louis XV et Élisabeth dès 1757. L'échange épistolaire entre les deux souverains était strictement secret, et en cas d'interception des lettres, des mesures de précautions avaient été prises : les lettres du Roi furent écrites de la plume de Tercier, et les lettres de l'Impératrice, de celle de Vorontsov⁸. La préoccupation de Louis XV était d'éviter le développement et la création de grandes puissances sur les frontières continentales de la France. La France voyait avec inquiétude les avancées ambitieuses de la Russie sur sa frontière Ouest, les Russes devant être maintenus en lisières des affaires européennes. Tout en rétablissant les relations diplomatiques avec « l'Empire de Septentrion », les positions de Louis XV étaient claires : « *Le but de ma politique à l'égard de la Russie, c'est de l'éliminer autant que possible des affaires de l'Europe [...] tandis que la politique de rapprochement n'était qu'un moyen pour veiller à Saint-Petersbourg aux intérêts de la Pologne, pour procurer des avantages à la République polonaise et pour empêcher tout ce qui pourrait lui nuire dans le présent comme dans l'avenir*⁹ ». La double diplomatie de Louis XV prenait naissance avec le « Secret du roi ». Le Secret devait permettre à Louis XV d'accroître l'influence française en Europe, et majoritairement en Europe orientale, en parallèle de sa diplomatie officielle. La question polonaise était au

⁸Francine-Dominique Liechtenhan, *Une leçon de géostratégie : les Observations sur la Russie en 1761*, Paris, 2016, p. 52.

⁹Constantin de Grunwald, *Trois siècles de diplomatie russe*, Paris, 1945, p. 86.

cœur de l'établissement de ce Secret. Par le biais de cette organisation secrète, le roi voulait intervenir dans les affaires polonaises et dans la future élection au trône de Pologne. Tout en voulant protéger la Pologne, le « Secret du roi » voulait établir une relation de confiance entre la cour de Versailles et celle de Saint-Pétersbourg. Le comte de Broglie, au côté du roi, en fut l'un de principaux responsables. Cette double diplomatie, exercée par les agents du Secret du Roi, était difficile à mettre en œuvre, et elle déstabilisait l'ambassadeur dans sa mission. Louis XV dans ses instructions secrètes au baron de Breteuil évoqua ce problème : *« Je sens la difficulté à vous concilier les instructions que je vous envoie avec celles que vous recevez du Duc de Choiseul, mais j'exige de vous que vous fassiez tous vos efforts pour ramener mon Ministère à des principes plus favorables à la Pologne, sans cependant l'effaroucher ni lui donner des suspensions¹⁰ ».*

B) La Pologne au coeur des négociations

« C'est un pauvre Pays, qui dans l'espace de cinquante ans, doit être le partage de ses voisins » (Le baron de Breteuil au duc de Choiseul, Saint-Pétersbourg, le 15 novembre 1760)

Breteuil correspondait avec d'autres ambassadeurs français en mission à l'étranger. Il échangeait des lettres avec les diplomates en poste à Varsovie, Vienne, Copenhague, Stockholm, et Constantinople. La correspondance la plus active s'avéra être celle qu'entretenait Breteuil avec l'ambassadeur français Paulmy à la cour de Varsovie. La question polonaise fut la négociation la plus importante et la plus complexe du baron à Saint-Pétersbourg. Selon ses instructions remises par le duc de Choiseul, le baron de Breteuil devait veiller à la liberté des Polonais, et ne prendre aucune décision sans l'accord de l'Autriche et de la Russie. La Pologne fut surtout la raison d'être du Secret du roi. Au-delà de sa correspondance avec le marquis Paulmy, non initié au Secret du roi, le baron de Breteuil s'était tissé un réseau secret, et correspondait avec de nombreux agents installés en Pologne. C'est ainsi qu'on retrouve une correspondance avec Henin et Gérard, mais aussi avec le polonais Mokronosky, et avec le prince Poniatowski.

¹⁰Archives du château de Breteuil, Ire série L.A.B., Louis XV au baron de Breteuil, Versailles, 8 juin 1761

L'ambassadeur devait notamment intervenir secrètement en Russie sur les questions relatives à la succession au trône de Pologne. La maladie d'Auguste III, et l'annonce prochaine de sa mort, agitaient les cours européennes qui souhaitaient toutes prendre part à la prochaine élection du roi de Pologne. L'état de santé du roi de Pologne obnubilait tout le monde : depuis quelques années, Auguste III, attaqué par la goutte, disparaissait régulièrement de la scène politique¹¹. La cour polonaise attendait morbidement la mort de son roi.

Vainement, le diplomate français essayait de prendre des mesures pour altérer l'intégration des Russes en Pologne, afin qu'ils ne contrariaient pas les projets du roi de France au cours de l'élection¹²: « *Je ne suis pas assez fort pour détourner les principes contraires, je ne puis que les attaquer que par des démonstrations que je tire de ce que je vois ici, ce qui en effet fait ma conviction sur la nécessité de continuer à s'intéresser à la Pologne*¹³ » (Breteuil à Broglie, à Moscou le 5 décembre 1762). D'autres désagréments entachèrent la mission secrète du baron de Breteuil, et ainsi nuisirent à la politique secrète du roi à l'Est : les retards de correspondance furent l'une des causes de l'infortune du secret. Tercier exhorta Breteuil de mettre plus de régularité dans ses dépêches secrètes, car lorsqu'elles arrivaient à Versailles, elles n'étaient plus, pour ainsi dire, qu'une « lecture historique et non une relation sur laquelle le roi puisse faire parvenir ses ordres à temps¹⁴ ».

Le prince Poniatowski était très surveillé par les deux diplomates français à l'Est, Paulmy et Breteuil, car il représentait l'un des candidats rêvés sur le trône de Pologne pour la Russie. Stanislas Poniatowski (1732-1798) était l'amour passionné de Catherine. Les deux amants entretenaient une correspondance secrète, et Breteuil était leur homme de confiance : Poniatowski adressait des lettres à Breteuil pour l'impératrice, et inversement, Breteuil faisait passer les

¹¹AMAE, CP, Russie 65, f. 47, de L'Hôpital, au duc de Choiseul, Saint-Pétersbourg, 14 janvier 1761.

¹²BNR, Correspondance diplomatique des représentants de France à la cour de l'impératrice Catherine II (1762-1765), lettre de Breteuil à Louis XV à Moscou le 5 octobre 1762, p. 81

¹³BNR, Correspondance diplomatique des représentants de France à la cour de l'impératrice Catherine II (1762-1765), lettre de Breteuil à Broglie, Moscou, le 5 décembre 1762, p. 128. 280

¹⁴BNR, Correspondance diplomatique des représentants de France à la cour de l'impératrice Catherine II (1762-1765), lettre de Tercier à Breteuil le 10 septembre 1762, p. 56.

lettres de l'impératrice à Varsovie¹⁵. Le diplomate tenait une correspondance directe et secrète avec le polonais Mokronosky, et chargeait tout particulièrement Jean-Claude Gérard de faire passer ses dépêches à ce dernier. L'objet principal de leur correspondance était le prince Poniatowski¹⁶. Gérard et Mokronosky n'étaient pas des inconnus : ils étaient tous deux initiés au secret. Gérard fut admis au « Secret du roi » depuis 1757, en qualité de secrétaire du comte de Broglie. Puis il resta secrétaire du marquis de Paulmy, ambassadeur de France à Varsovie. Gérard était d'ailleurs consterné par la diplomatie que menait son supérieur, le marquis Paulmy, en Pologne. Il le critiquait, et partageait même ses exaspérations avec Breteuil : il parlait de Paulmy comme d'un homme « incorrigible », c'était selon lui un grand fléau pour les affaires de la France en Pologne¹⁷. Quant au général Mokronosky, il était lui aussi affilié au secret, c'était un célèbre patriote attaché à la France. Poniatowski occupait donc une place importante dans les correspondances que Breteuil entretenait avec les autres membres du secret. Breteuil, bien qu'intermédiaire de confiance entre Poniatowski et Catherine, avait eu l'intention de renoncer à une telle mission si elle s'était révélée peu utile : « *Mais si toutes ces bontés et sa confiance en moi n'aboutissent aujourd'hui qu'à me faire jouer le rôle de Conseiller Bonneau*¹⁸, *je ferai bientôt en sorte de m'en débarrasser*¹⁹ ».

Le roi de France et ses ministres, initiés ou pas au Secret, étaient tous très attentifs aux signes du démembrement de la Pologne, et ils présageaient les conduites des puissances européennes au moment de l'élection du nouveau roi de Pologne. Les traités de Paris et d'Hubertsbourg de février 1763, mirent fin à la guerre dite de Sept Ans, et consacrèrent l'humiliation de la France et de ses alliés. En Pologne, il était évident que l'influence française avait beaucoup diminué, et que le Secret du roi, organe trop complexe, avait plutôt affaibli l'action diplomatique de la France dans l'Europe orientale au lieu de la renforcer, provoquant l'indignation douloureuse du comte de Broglie. Malgré ses efforts

¹⁵BNR, Correspondance diplomatique des représentants de France à la cour de l'impératrice Catherine II (1762-1765), lettre de Breteuil à Broglie, Moscou, le 5 décembre 1762, p. 124.

¹⁶Archives du château de Breteuil, 1re série L.A.B., lettre de Gérard au baron de Breteuil, Varsovie, 5 janvier 1763.

¹⁷Archives du château de Breteuil, 1re série L.A.B., lettre de Gérard au baron de Breteuil, Varsovie, 5 janvier 1763.

¹⁸Thomas Bonneau, conseiller de Louis XIII et important homme des finances du royaume de France.

¹⁹AMAE, CP, Russie 70, f. 350, du baron de Breteuil, au comte de Choiseul, Saint-Pétersbourg, 13 septembre 1762.

diplomatiques et son vif intérêt pour les affaires polonaises, la France ne réussit pas à asseoir ses vues, et elle fut reléguée à une puissance de second rang dans les affaires de l'Est. La mission diplomatique du baron de Breteuil en fut l'exemple poignant : l'ambassadeur fut baladé par des instructions contradictoires, et les règnes de Pierre III et de Catherine II, souverains viscéralement francophobes, balayèrent presque d'avance tous les moyens d'action de l'ambassadeur. À la fin de sa mission en Russie, Breteuil disait qu'il menait la vie « *d'un exilé au milieu des cris de joie*²⁰ ». Pressentant les machinations de la Russie et de la Prusse à l'Est, ce qu'ils avaient prédit arriva : appuyé par la Russie, Poniatowski se fit élire roi de Pologne à trente-deux ans après le décès d'Auguste III de Saxe, par la Diète du 7 septembre 1764.

Conclusion

Le choix porté sur Louis-Auguste de Breteuil par le roi Louis XV, pour une mission à Saint-Pétersbourg, ne fut pas le fruit du hasard. Jeune, militaire de formation, et issu d'une famille au service des rois de France depuis plusieurs générations, le baron de Breteuil avait tous les atouts pour séduire la cour russe. Breteuil écrivit à Voltaire : « *Le devoir et l'A.B.C d'un ambassadeur est de mettre sans cesse en avant ce qui honore le plus son pays*²¹ ». Son devoir de représentant du roi fut mené à la perfection. Tout devait participer à son image d'exception, son statut de dignité lui dictait une silhouette imposante et contrôlée.

La négociation fut aussi au cœur du travail diplomatique de l'ambassadeur. Mener des négociations avec les Russes, c'était labourer un champ de pierre selon Breteuil. Baladé par des instructions contradictoires, le baron de Breteuil ne réussit pas à prendre des mesures concrètes pour altérer la mainmise croissante des Russes sur Pologne, et plus largement, sur tout l'Est de l'Europe. La double diplomatie de Louis XV s'avéra être un échec, l'influence française ne faisait que diminuer à l'Est, et le Secret du Roi avait plutôt affaibli l'action de la France au lieu de la renforcer.

²⁰Archives du château de Breteuil, 1re série L.A.B., lettre du baron de Breteuil à Paulmy, Moscou le 9 octobre 1762.

²¹Les oeuvres complètes de Voltaire, Correspondence and related documents, éd. Theodore Besterman, vol. 110, XXIV, D11366, de Breteuil à Voltaire, Paris, 1er août 1763.

BIBLIOGRAPHIE

- Antoine M., *Le gouvernement et l'administration sous Louis XV*, Paris, 1978.
- Antoine M., *Louis XV*, Paris, 1989.
- Bély L., *Espions et ambassadeurs au temps de Louis XIV*, Paris, 1990.
- Bély L., *Les relations internationales en Europe XVIIe-XVIIIe siècles*, Paris, 1992.
- Bély L., *La société des princes, XVIe-XVIIIe siècles*, Paris, 1999.
- Bély L., *L'art de la paix en Europe : naissance de la diplomatie moderne XVIe-XVIIIe siècle*, Paris, 2007.
- Berelowitch W., *Histoire de Saint-Petersbourg*, Paris, 1996.
- Bois J.-P., *L'Europe à l'époque moderne. Origines, utopies et réalités de l'idée d'Europe, XVIe-XVIIIe siècle*, Paris 1999.
- Bourgeois E., *La diplomatie secrète au XVIIIe siècle*, Paris, s.d., 3 vol.
- Brogie, A. de, *Le Secret du roi, 1752-1774 ; Louis XV et ses agents diplomatiques*, Cassel, 1878.
- Butler R., *Choiseul, Father and Son*, Oxford, 1980.
- Carrère d'Encausse H., *La Russie inachevée*, Paris, 2000.
- Carrère d'Encausse H., *Catherine II*, Paris, 2006.
- Grunwald C. de, *Trois siècles de diplomatie russes*, Paris, 1945.
- Heller M., *Histoire de la Russie et de son empire*, Paris, 1997.
- Hours B., *Louis XV et sa Cour. Le roi, l'étiquette et le courtisan*, Paris, 2002.
- Kamenskij A., *L'empire russe au milieu du XVIIIe siècle : tradition et modernisation*, Moscou, 1999.
- Kienlen S., « France-Russie : trois cents ans de relations privilégiées. Compte rendu du colloque, Paris, 79 octobre 2009 », Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin, 1/2010 (N° 31), p. 197-202.
- Labourdette J.-F., *Vergennes, ministre principal de Louis XVI*, Paris, 1990.
- Liechtenhan F.-D., *L'ours et le coq. Trois siècles de relations franco-russes. Essai en l'honneur de Michel Cadot*, Paris, 2000.
- Pavlenko N. I., *Les passions autour du trône. Histoire des révolutions de palais*, Moscou, 1996.
- Perrault G., *Le Secret du Roi*, Paris, 1992.
- Poumarède G., Bély L., *L'Incident diplomatique, XVIe-XVIIIe siècle*, Paris, 2010.
- Poussou J.-P., Mézin A., Perret-Gentil Y., *L'influence française en Russie au XVIIIe siècle*, Paris, 2003.
- Raeff M., *Origins of the Russian Intelligentsia, the Eighteenth Century Nobility*, New York, 1966.

Raëff M., *Politique et culture en Russie, XVIIIe-XXe siècle*, Paris, 1996.

Rey M.-P., *Le Dilemme russe : La Russie et l'Europe occidentale d'Ivan le Terrible à Boris Eltsine*, Paris, 2002.

Roche D., *La France des Lumières*, Paris, 1993.

Roubinski Y., Arzakanyan M. (dir.), *Russie – France. 300 ans des relations particulières* (Россия – Франция: 300 лет особых отношений), Moscou, 2010.

Schmidt S. O., « La politique intérieure de la Russie au milieu du XVIIIe siècle », *Questions d'histoire*, 3 (1987), pp. 42-58.

Stroev A., « Le conte merveilleux et l'image de la Russie », *Le Conte merveilleux au XVIIIe siècle*, Actes du colloque de Grenoble, 21-23 septembre 2000, Editions Kimé, 2002, pp.251-262. Stroev A., « Rossia glazami francuzov XVIII- nacala XIX veka » (L'image de la Russie, vue par les Français au XVIIIe et au début du XIXe siècle), *Logos* (Moscou), 8 (1999), pp.8-41.

Tcherkassov P., *La Russie et la France, XVIIIe-XXe siècles*, Moscou, 2006.

Vandal A., *Louis XV et Élisabeth de Russie. Études sur les relations de la France et de la Russie au XVIIIe siècle*, Paris, 1882.

М. М. Сафонов

Сафонов Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН, старший научный сотрудник.

E-mail: m.safonov@list.ru

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКАЯ КОМПАНИЯ И 14 ДЕКАБРЯ 1825 Г.

Автор статьи предпринял попытку рассмотреть участие Российско-американской компании в событиях 14 декабря 1825 г. в Петербурге как самостоятельного игрока, ставившего перед собой цель преобразовать образ правления России путем введения регентства и развернуть направление внешней политики страны в сторону американского континента. Для этого автор отказался от марксистско-ленинского истолкования декабризма как общественного движения, главными целями которого являлись отмена крепостного права и ликвидация самодержавия. Основываясь на целом ряде своих ранее опубликованных работ по истории генезиса декабризма и его содержании, автор стремился показать, что в основе деятельности декабристской конспирации лежало стремление российских верхов противодействовать планам императора Александра I восстановить Речь Посполитую как самостоятельное государство. Планы же царя понуждали его ставить во главу угла своей внешней политики европейские дела и избегать внешнеполитических конфликтов на американском континенте. Такое направление внешней политики самодержца оказалось в вопиющем противоречии с интересами Российско-американской компании, которая стремилась к расширению своих владений в Америке и государственной поддержке в противодействии Северо-американским штатам и Англии. Поэтому компания старалась объединить в своих рядах принципиальных противников «польского плана» императора. В период междуцарствия, во многом, спровоцированного польской политикой Александра, конспираторы, направляемые из дома Главного правления Российско-американской компании предприняли неудачную попытку реализовать свои планы, но она закончилась катастрофой. Новый царь Николай I **не был заинтересован** в объективном расследовании всех обстоятельств произошедшего. Поэтому

подлинная роль Российско-американской компании в событиях 14 декабря до сих пор оставалась невыясненной.

Ключевые слова: Российско –американская компания, декабристская конспирация, Речь Посполитая, Америка, регентство, Александр I, Николай I, великий князь Александр, императрица Мария Федоровна.

М. Safonov

Safonov Mikhail Mikhailovich, candidate of historical Sciences, St. Petersburg Institute of history of Russian Academy of Sciences, senior researcher, E-mail: m.safonov@list.ru

RUSSIAN-AMERICAN COMPANY AND DECEMBER 14, 1825

The author of the article made an attempt to consider the participation of the Russian-American company in the events of December 14, 1825 in St. Petersburg as an independent player, who set a goal to transform the image of the Russian government by introducing Regency and to expand the direction of the country's foreign policy towards the American continent. To this end, the author abandoned the Marxist-Leninist interpretation of decembrism as a social movement, the main objectives of which were the abolition of serfdom and the elimination of autocracy. Based on a number of previously published his works on the history of the Genesis of the Decembrists and its contents, the author has tried to show that the activity of the decembrist' conspiracy was the desire of Russian leaders to counteract the plans of the Emperor Alexander I to restore the Polish-Lithuanian Commonwealth as an independent state. The king's plans forced him to put European Affairs at the forefront of his foreign policy and to avoid foreign policy conflicts on the American continent. This direction of the autocrat's foreign policy was in flagrant contradiction with the interests of the Russian-American company, which sought to expand its holdings in America and state support in countering the North American States and England. Therefore, the company tried to unite in its ranks the principal opponents of the « Polish plan » of the Emperor. During the interregnum, largely provoked by the Polish policy of Alexander, the conspirators sent from the house of The main Board of the Russian-American company made an unsuccessful attempt to implement their plans, but it ended in disaster. The new Tsar Nicholas I was not interested in an objective investigation of all the circumstances of

the incident. Therefore, the true role of the Russian-American company in the events of December 14 has remained unclear.

Keywords: Russian-American company, Decembrist conspiracy, Polish-Lithuanian Commonwealth, America, Regency, Alexander I, Nicholas I, Grand Duke Alexander, Empress Maria Feodorovna.

В декабрьские дни 1825 года после известных событий на Сенатской площади Николай I допрашивал петербургского литератора Ореста Сомова. Услышав, что он служит столоначальником в Российско-американской компании, царь в сердцах воскликнул: «То-то хороша собралась у вас там компания!»¹. Глубинный смысл раздраженной реплики только что воцарившегося самодержца стал очевиден в полной мере лишь в наши дни.

По сей день наиболее полным описанием события 14 декабря 1825 г., так называемого «восстания декабристов» является сочинение Я.А. Гордина «Мятеж реформаторов», изданное тридцать лет назад. В этомopusе инсургенты весь день простояли у здания Сената и Синода на Сенатской площади². Между тем оба этих здания, соединенные аркой, были построены только в 1828-1834 г.³ И видеть, что там происходило 14 декабря 1825 г., естественно, никак не могли. Эта курьезная ошибка есть и в песне А.А. Галича: «От Сената к Синоду протянулись полки». А еще ранее художник В. Г. Перов на своей картине изобразил гвардейские полки возле Медного всадника на фоне еще несуществующих тогда зданий. Но А.А. Галич был песенником, а Перов живописцем, не претендуя на то, чтобы быть историком. Но этого не скажешь о Я.А. Гордине, писателе, пустившимся в исторические изыскания. Увы, все события 14 декабря, столь подробно представленные им доверчивым читателям, имело такое же отношение к исторической реальности, как и бессмертные творения Карла Росси. На самом деле на месте шедевров зодчего возвышались другие здания: дворец канцлера А.П. Бестужева, ближе к Неве и дом И.А. Кусовниковой, через Галерную улицу, ближе к Манежу. Кусовникова была обладательницей 13 акций Российско-американской компании

¹Памяти декабристов. Л., 1926. Т. 1. С. 242.

²Гордин Я. А. Мятеж реформаторов. Л., 1989. С. 301, 304.

³Памятники архитектуры Ленинграда. Л., С. 1969. С. 73-74.

и в ее доме пытались спрятаться инсургенты, после того, как над Сенатской площади засвистела шрапнель⁴. Правда сама И.А. Кусовникова не имела отношения к событиям 14 декабря, а вот Российско-американская компания была причастна к ним. И еще как причастна. Было бы наивно думать, будто эта причастность ограничивалось тем, что дом Главного правления Российско-американской компании на Мойке № 72 был только местом жительства руководителей декабристкой конспирации, где они собирались и вынашивали планы выступления. Характерно, что в писательском «исследовании» Я.А. Гордина Российско-американская компания как таковая отсутствует вовсе. Но стоит ли удивляться: она, как самостоятельный игрок на политическом поле в период междуцарствия не присутствует и в солидных исследованиях событий 14 декабря 1825 г., написанных профессиональными декабристоведами. Писатель же был способен по-своему, авторски и более чем своеобразно «перерабатывать» то, что историки уже написали до него⁵. Причина же, вследствие которой в исторических штудиях Российско-американская компания отсутствовала как самостоятельно действующее лицо, заключалась в том, что, когда заговорили пушки на Сенатской площади в доме на Мойке запылал камин и все компрометирующие документы были сожжены ее директором И.В. Прокофьевым⁶. В ходе же расследования существовал ряд тем, на которые были наложены табу. К числу тех, по которым следователи не производили изысканий, полностью игнорируя обнаруживавшиеся в ходе допросов улики, принадлежала Российско-американская компания, находившаяся под высочайшим покровительством, равно как и все, что касалось представителей династии Романовых, являющихся к тому же акционерами компании⁷.

Деятельность Российско-американской компании довольно подробно освещена в историографии⁸. Однако, как справедливо отмечал самый

⁴Восстание декабристов. (Далее: ВД) Т. I. М.:Л., 1925. С. 399, 206, 418.

⁵Сафонов М.М. 14 декабря. «Путешествие дилетанта». (План восстания 14 декабря 1825 года в советской историографии // Петербургский исторический журнал. 2014. № 3. С. 285-295.

⁶Завалишин Д. И. Записки декабриста. СПб., 1906. С. 94.

⁷Сафонов М.М. Процесс по делу декабристов как показатель консолидации российской элиты // Петербургский исторический журнал. 2017. № 1. С. 107-109.

⁸Болховитинов Н.Н. К 200-летию Российско-американской компании. Некоторые результаты исследований // Болховитинов Н.Н. Русская Америка, 1732-1867. Материалы международной конференции «К 200-летию образования РАК. 134-1999. М., 6-10 сентября 1799. М., 1999. С. 6-23; История русской

авторитетный исследователь Русской Америки Н.Н. Болховитинов, тема «Российско-американская компания и декабристы» изучена недостаточно⁹. За полвека, прошедших с того времени, когда прозвучало такое заключение пользовавшегося большим международным авторитетом российского эксперта, один из важных эпизодов деятельности этого акционерного объединения так и не получил должного освещения. Я имею в виду вопрос о том, почему дом на Мойке - Главное правление компании - стал центром подготовки выступления тайного общества 14 декабря 1825 г. Другими словами, по какой причине цели декабристкой конспирации и руководства этого акционерного объединения совпадали в этот период. Хотя ответ на этот вопрос, прямо не сформулированный (да это было и невозможно в конце 1930-хх гг.), а выраженный в виде завуалированной подсказки можно было найти в глубоком, можно даже сказать опередившем свое время исследовании моего учителя С.Б. Окуня «Российско-американская компания». Речь шла о том, что в первой половине 1820-хх гг. между интересами Российско-американской компании и императором Александром I **существовал труднопреодолимый конфликт**. Интересы компании требовали дальнейшего глубокого территориального проникновения на американский континент в Северной Америке и в Калифорнии. Однако это направление ее деятельности, невозможное без поддержки российского правительства, встречало все большее сопротивление со стороны Северо-американских штатов, Англии и Франции, Александр же I **всячески стремился избежать конфликта** с этими державами. Он поставил во главу угла своей внешней политики европейские дела. Русский царь стремился во чтобы то ни стало сохранить Священный союз. Ради этого ему приходилось отказываться от расширения своих владений в Америке и жертвовать интересами Российско-американской компании. Поэтому Главное правление «брало под свое крыло» и «давало приют» под своей крышей или лучше сказать, аккумулировало в своей кадровой политике оппозиционно настроенные по отношению к царю элементы, разделявшие планы компании по даль-

Америки. 1732-1867. Т. 2. М., 1999. Под. ред. академика Н.Н. Болховитинова. 472 с.; Петров А.Ю.1) Российско-американская компания: деятельность на российских и зарубежных рынках. М., 2006. 316 с.; 2) Российско-американская компания // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. : Энциклопедия. М., 2009. Т. 2. С. 536 -541.

⁹Болховитинов Н.Н. Декабристы и Америка // Вопросы истории. 1974. № 4. С. 98.

нейшему укреплению России на Американском континенте и готовые пойти на радикальные меры¹⁰. Правда, ленинградский ученый в своих представлениях о декабристах исходил из создававшейся в конце 1930-хх гг. М.В. Нечкиной сталинско-ленинской концепции движения декабристов, которая потом, в середине 1950-хх гг. стала называться ленинской, а по сути дела была сталинской¹¹. Сегодня наши представления о декабризме претерпели очень существенные изменения¹². В свете их вопрос о роли Российско-американской компании в событиях 14 декабря 1825 г. представляется следующим образом.

Доминантой внешней политики Александра I после Венского конгресса и создания Царства Польского была реализация «польского плана»: император ставший и Польским королем, стремился восстановить Речь Посполитую как самостоятельное государство. Тем самым он хотел создать форпост против западных держав. Но дворянство усматривало в этом предательство коренных интересов империи и угрозу собственному благосостоянию. Восстановление Речи Посполитой влекло за собой не только потерю земельных владений, перешедших в ходе разделов Польши в руки русских сановников, но и утрату крепостных, проживавших на этих территориях. Стремление царя встретило противодействие в самых различных кругах русского общества: против был генералитет, МИД, Главный штаб, высшая бюрократия, интеллектуалы – Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, П.Я. Чаадаев.

В 1815–1825 гг. польская политика Александра I стала средоточием разногласий между властью и обществом. Именно в ней, как в фокусе, отразилось «расхождение официального курса с оппозиционными настроениями, захватившими различные круги»¹³. Поскольку выработанного механизма разрешения противоречий между интересами дворянского сословия и верховной власти еще не было расхождение официального курса, носившего ярко выраженный личностный характер с

¹⁰Окунь С.Б. Российско-американская компания. М.:Л., 1939. С. 101-109.

¹¹См. подробно: Сафонов М.М. Из истории создания советской концепции восстания декабристов (Н.М. Дружинин против М.В. Нечкиной) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2015. Вып. 4. С. 55-65.

¹²Сафонов М.М. Процесс по делу декабристов как феномен общественно-политической жизни России // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. М., 2012. С. 279-286.

¹³Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815-1830. М., 2010. С. 469-470.

оппозиционными настроениями, привело к возникновению конспирации, которая впоследствии стала называться декабристкой. В основе ее лежало противодействие польской политики царя. «Союз Русских рыцарей», созданный самым из самых последовательных противников восстановления Речи Посполитой М.Ф. Орловым (впоследствии его организация слилась с «Союзом спасения»), ставил своей задачей «уничтожении самого имени Польши». Конституция же Н.М. Муравьева, одного из лидеров так называемого Северного общества вообще не предполагала существования Царства Польского как такового, его территория должна была быть расписана по российским губерниям, составляющим несколько «держав»

Декабристская конспирация традиционно трактуется как организация, ставившая целью отмену крепостного права и ликвидацию самодержавия. Это верно лишь отчасти. Такая трактовка является односторонней. В деятельности декабристских организаций прослеживается четкая схема: вначале противодействие намерениям царя присоединить к Польше российско-польские губернии, совокупно со стремлением противостоять проведению освобождения крестьян именно на этих территориях как первый шаг воссоединению с Королевством Польским, где освобождение крестьян уже было произведено при Наполеоне. Затем только создание собственных проектов решения крестьянского вопроса, предусматривающих сохранение помещикам их прежних доходов. Потом, разработка идеи представительного правления, при котором ни отторжение территории с 12 миллионным населением, ни освобождение крестьян по сценарию монарха, стремящегося прежде всего сохранить налогоплательщика, становится невозможным без согласия народных представителей. При этом обнаруживается некая синхронная связь между попытками Александра I **восстановить Речь Посполитую и появлением** проектов цареубийства, от совершения которого в действительности удерживали руководители конспирации. Причем эти эмоциональные проекты возникали с удивительной регулярностью накануне поездок царя на Сеймы Царства Польского или конгрессы Священного союза. Каждая попытка Александра приступить к реализации своего польского плана влекла за собой всплеск активности декабристкой конспирации, нарастание ее мнимого радикализма, а за каждым отступлением царя от своих планов, следовало затухание деятельности заговорщиков, почти полное ее прекращение.

1/13 июля 1817 г. вышел указ о формировании отдельного корпуса литовских войск. Указом 14 октября 1817 был определен состав этого корпуса. Он должен был набираться из уроженцев Вильнской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской губерний, а также Белостокского округа. Причем, уроженцы этих губерний в составе русской гвардии переводились в Литовский корпус. Корпус был обмундирован по польскому образцу. У него был особый герб – «Литовские погоны» - государственный герб Литвы на груди двуглавого российского орла, вместо Святого Георгия. Литовский корпус представлял собой самостоятельную единицу, обособленную от русской армии. Очевидно, он предназначался к слиянию с войсками Царства Польского. Корпус насчитывал 40 тысяч человек. Присоединение его к польской армии, главнокомандующим которой являлся цесаревич Константин, увеличило бы численность вооруженных сил Царства Польского почти вдвое.

Уезжая из Польши после открытия первого Сейма 1818 г., Александр приказал сенатору Н.Н. Новосильцеву подготовить перевод с латинских актов 1423 и 1551 гг., соединивших в союз Речь Посполитую и Великое княжество Литовское. 20 декабря 1819 г. Новосильцев предоставил царю итоговую справку о соединении Литвы и Польши вместе с переводом указанных актов на русский язык.

В 1817-1819 гг. в прибалтийских губерниях была проведена отмена крепостного права. Согласно донесениям прусского посла Шепера освобождение крестьян в Литовских губерниях считалось необходимою предпосылкой соединения «русско-польских губерний с королевством». Прусский консул в Варшаве Шмидт 9 февраля 1819 г. донес в Берлин о намерении присоединить Литовские губернии к Польше, как о деле решенном. Указом 9 августа 1823 г. Псковская губерния была присоединена к прибалтийскому наместничеству.

Никто из биографов династии Романовых не обратил внимания на то важное обстоятельство, что особый Литовский корпус во главе с Константином, был создан в тот же день, когда состоялось бракосочетание его младшего брата Николая с прусской принцессой Шарлоттой. Летом 1819 г. Александр впервые сообщил Николаю о своем намерении передать ему российский престол. В мае 1820 г. Константин женился на польке. Его супруга не получила титула великой княгини и осталась католичкой. Цесаревич вступил в мorganатический брак, дети от которого теряли права на российский престол. В январе 1822 г. Константин в письме на имя Александра просил уволить его от прав на российский престол, а

в феврале того же года он получил согласие царя. Затем двумя указами 29 июня 1822 г. Константин, глава Литовского корпуса, был назначен главнокомандующим в губерниях Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской и Белостокской области. Ему были присвоены «все права, власть и преимущества», предоставленные главнокомандующим по учреждению действующей армии от января 1812 г. По сути дела это означало, что все верховное управление на этих территориях перешло в его руки. Чиновники этих областей носили мундиры польского образца с малиновым воротником. Такое положение объявлялось «впредь до нашего указа», то есть временным.

16 августа 1823 г. Александр подписал манифест о передаче после его смерти престола Николаю. Манифест был положен в Успенский собор и в высшие государственные учреждения, но остался не опубликованным. На конверте была сделана надпись о том, что он может быть возвращен назад по первому требованию царя. То есть, допускалась возможность изменения в будущем устанавливаемого порядка. Складывалось впечатление, что Россия и Польша, объединенные одним престолом, будут управляться разными лицами, при этом Царство Польское окажется в руках цесаревича Константина. Но неизвестно с каким титулом. Манифест 16 августа упоминал о Николае как назначенном наследнике «единого неразделенного престола Всероссийской Империи, Царства Польского и Княжества Финляндского престола». Но поскольку генеральный акт Венского конгресса, упоминал о Царстве Польском как вечном владении всероссийского императора и его «наследников и преемников», не исключали, что преемником Александра в Польше станет Константин. Возможно, он получил бы должность наместника, определить которую особым указом предписывала Конституционная хартия Польши¹⁴. Не исключено, что Александр мог отречься от польского престола и тогда тот перешел бы к цесаревичу Константину.

Резкое изменение правительственного курса шло вразрез с интересами держателей акций, купеческих директоров, членов Особого совета, состоявшего из крупнейших бюрократов, вельмож акционеров. Чтобы поправить дела, руководство компании разработало обширные планы активной экспансии в Калифорнии, на Гаити и Сандвичевых островах. Но эти замыслы разбивались об упорство Александра I. Раздраженный

¹⁴См. подробно: *Сафонов М.М.* Декабризм и Речь Посполитая //Декабристы: Актуальные направления исследований : Сборник статей и материалов. СПб., 2014. С. 84-97.

настойчивостью компании, царь приказал в феврале 1825 г. министру финансов Е. Ф. Канкрину, поддерживающему претензии акционеров, сделать директорам строжайший выговор «за неприличность» предложений, «с тем, чтобы они беспрекословно повиновались распоряжениям и видам правительства, не выходя из границ купеческого сословия». Между тем компания для расчетов с персоналом использовала в американских владениях свои денежные знаки – напечатанные на пергаменте марки. Более того, были случаи, когда особо отличившихся лиц правление этой акционерной организации награждало золотыми медалями без высочайшего разрешения. Одним словом руководство действовало так, как если бы Российско-американская компания представляла бы собой некое государство в государстве. Для него с каждым днем становилось все очевиднее, что спасти положение могло только изменение общего политического курса. Но от Александра I этого ожидать не приходилось. В Главном правлении Российско-американской компании стали серьезно задумываться о том, как коренным образом переломить ситуации в свою пользу¹⁵. По мере того как дела компании ухудшались, акционеры все больше обращали свои взоры на двух императриц: царствующую — жену Александра I Елизавету Алексеевну и вдовствующую. Обе императрицы тоже были акционерами компании (каждая из них владела 4-мя акциями). Что же касается Марии Федоровны то она покровительствовала Александровской мануфактуре, осуществлявшей монопольное производство игральных карт, доходы от продажи которых шли в пользу возглавляемых матерью царя благотворительных заведений. Мануфактура же обладала 71 акцией компании¹⁶. Обе императрицы оказывали особое расположение адмиралу Н.С. Мордвинову.

Н. С Мордвинов был самой влиятельной и яркой фигурой Российско-американской компании в прошлом морской министр, председатель департамента Государственного совета, член Комитета министров, председатель Вольно-экономического общества. Этот «русский Аристид» был убежденным сторонником конституционной монархии, в которой власть императора ограничивалась бы двухпалатным органом; верхняя палата этого органа должна была состоять из наследственной аристократии, а нижняя наполнялась бы депутатами дворянства, купечества, фабрикан-

¹⁵Окунь С.Б. Российско-американская компания. М.:Л., 1939. С. 49-109; История русской Америки. 1732-1867. Т. 2. С. 420-441.

¹⁶Петров А.Ю. Российско-американская компания: деятельность на российских и зарубежных рынках. С. 131-132.

тов. Мордвинов хотел преобразовать на буржуазных началах судопроизводство, отменить систему чинов, уничтожить рекрутчину, сократить срок солдатской службы, добиться подъема отечественной промышленности, с помощью протекционизма укрепить ее независимость.

Адмирал располагал 20-ю акциями компании. «Адмиральша Мордвинова» - 35-ю. Адмиралтейств- коллегия, вице-президентом которой был Мордвинов, являлась коллективным членом компании и обладала 51 акцией. Компания имела свой собственный флот (он комплектовался офицерами морского ведомства), поэтому адмирал оказывал сильное влияние на подбор служащих компании. Он держал в поле зрения всех лиц, которые являлись сторонниками экспансии в Америке, отличались оппозиционным духом и были способны разделить его реформаторскую программу. Едва ли случайно, что «Союз спасения», первая декабристская организация, был создан А.Н. Муравьевым, капитанам Генерального гвардейского штаба, был племянником Н.М. Мордвинова. А.Н. Муравьев и жил во флигеле дома своего дяди и там встречался с членами созданного им тайного общества¹⁷. Мордвинов был близок к М. М. Сперанскому. Бывший государственный секретарь после провала своих реформаторских замыслов был назначен генерал-губернатором Сибири, а по возвращении оттуда возглавил Сибирский комитет и поддерживал планы Российско-американской компании.

Полковник Ф. Н. Глинка, чиновник особых поручений в канцелярии Милорадовича, был своим человеком в доме Мордвинова. Он ввел туда К. Ф. Рылеева, отставного поручика, одного из руководителей так называемого Северного тайного общества. По рекомендации адмирала Рылеев стал правителем канцелярии компании. Он превратился в обладателя 10-ти акций компании и в то же время являлся ее должником. Рылеев был хорошо принят в доме адмирала и «имел с ним сношения по делам компании и виделся у него по утрам, когда было нужно». Более того, Мордвинов и Сперанский оказывали Рылееву «наибольшую благосклонность». Рылеев поселился в доме компании на Мойке. Здесь же жил и Александр Бестужев - адъютант родного брата вдовствующей императрицы Марии Федоровны герцога А. Виртембергского. Брат Александра Бестужева Николай, был должником Российско-американской компании и мечтал стать капитаном дальнего вояжа. Как известно, Рылеев стал руководителем выступления 14 декабря. Александр же Бестужев под-

¹⁷Муравьев А.Н. Сочинения и письма. Иркутск. 1986. С. 74.

нял Московский полк, а его брат Николай привел Гвардейский экипаж на Сенатскую площадь.

Благодаря рекомендации Мордвинова в компанию был приглашен лейтенант 8-го флотского экипажа Д. И. Завалишин, принятый Рылеевым в тайное общество. Лейтенант владел 10-ю акциями компании. Он часто посещал дом Е. А. Архаровой, кавалерственной дамы вдовствующей императрицы. Частой гостьей в этом доме была и сама Мария Федоровна. Здесь нередко обсуждался вопрос о престолонаследии. Завалишин жил в доме своего родственника по мачехе генерала от инфантерии графа А.И. Остермана –Толстого на Галерной улице, соседа С.П. Трубецкого. Мария Федоровна частенько заезжала в дом графа «попить чая», когда вывозила на прогулку своих внуков. Мордвинов предназначал Завалишину место правителя колонии Росс в Калифорнии, но царь не утвердил это представление компании. Завалишин создал в Гвардейском экипаже тайное общество, в которое входили лица, мечтавшие служить в Российско-американской компании. Это общество являлось отделением несуществующего Ордена восстановления, который Д.И. Завалишин пытался создать с помощью Александра I якобы для «восстановления законных властей», а фактически для реализации планов компании в Америке¹⁸.

В ноябре 1825 г. на место правителя русских колоний в Америке был приглашен Г. С. Батеньков, подполковник, чиновник корпуса инженеров путей сообщения. Батеньков был дружен с директором Российско-американской компании И.В. Прокофьевым. Дядя Батенькова активно участвовал в освоении островов, принадлежавших компании. Ранее он служил в Сибири под начальством Сперанского, а после возвращения его начальника в Петербург стал правителем дел Сибирского комитета и жил в доме шефа на Невском проспекте. Как чиновник Корпуса инженеров путей сообщения, Батеньков был непосредственно подчинен родному брату Марии Федоровны принцу Александру Виртембергскому, возглавлявшему это ведомство и, служа по военно-сиротской части, имел главного начальника в лице вдовствующей императрицы. Батеньков посещал Гатчину и жил там у В. А. Жуковского, принадлежавшего к ближайшему окружению Марии Федоровны. Батеньков был членом тайного общества.

Теснейшим образом с компанией был связан и отставной подполковник В. И. Штейнгейль, в прошлом чиновник особых поручений при

¹⁸Сафонов М.М. Мальтийский орден и декабристская конспирация // Мальтийский орден и Россия. Материалы научной конференции ГМЗ «Гатчина» 21-22 ноября 2013 г. Гатчина., 2013. С. 143-162.

Сибирском генерал-губернаторе, женатый на дочери директора Кахтинской таможни. Он тоже являлся членом декабристской конспирации. Штейнгейль еще в 1806 г. собирался поступить на службу в компанию и отправиться в Америку, но этот проект не осуществился. Штейнгейль также был близок с И. В. Прокофьевым и являлся родственником другого директора Н. И. Кусова. Сестра Кусова, П. И. Хлопушина, была сватьей Штейнгейля. Батенков и Штенгейль имели теснейшие связи с петербургским и московским купечеством. В декабре 1825 года Штенгейль жил в доме Российско-американской компании. Здесь утром 14 декабря он написал «Манифеста к русскому народу», который предполагалось опубликовать в случае победы инсургентов.

К.Ф. Рылеев был особенно близок с директорами компании И.В. Прокофьевым и Н.И. Кусовым. Купец первой гильдии, петербургский городской голова Кусов стал директором компании в 1824 г. Его отцу принадлежало 36 акций. Кусов был тесно связан с Марией Федоровной, которая возглавляла ряд учебных и благотворительных учреждений страны и на почве благотворительности вела активную коммерческую деятельность. На почве благотворительности Мария Федоровна оказалась связанной с теми лицами, которые активно проявили себя как накануне, так и в день 14 декабря. Кусов был казначеем «Вольного общества учреждения училищ по методу взаимного обучения», т. е. ланкастерских школ. Эти школы были заведены в Петербургском и Гатчинском воспитательных домах, возглавляемых вдовствующей императрицей. В общество входили Ф. Н. Глинка, Г.А. Перетц, служивший вместе с Глинкой в канцелярии петербургского военного губернатора М.А. Милорадовича. (Вместе со своим отцом Перетц был обладателем 20-ти акций компании). Активную роль в обществе играл П. И. Греч, издатель «Северной пчелы» и соиздатель «Сына Отечества» Ф.В. Булгарина, обладавшего 10-ю акциями. Оба издателя часто присутствовал на обедах в Российско-американской компании. Греч и нередко появлялся за обеденным столом императрицы. Одно время журналиста прочили на место будущего воспитателя внука Марии Федоровны. Греч арендовал типографию Воспитательного дома для своих изданий, в которых пропагандировал идеи Российско-американской компании. К организации ланкастерских школ в Иркутске имел отношение и Г.С. Батеньков вместе со своим шефом Сперанским. Батенков был тесно связан с Кусовым, служа и на других постах по военно-сиротской части. Здесь же, в обществе по заведению ланкастерских школ, мы находим и В. К. Кюхельбекера, отец которого был «директором

Павловска», и что особенно важно, С. П. Трубецкого. Он тоже оказывается с одной стороны связанным с Марией Федоровной, а с другой — с Российско-американской компанией. Тесть Трубецкого И. С. Лаваль являлся членом Ученого комитета Главного правления училищ, теща же несостоявшегося диктатора 14 декабря А. Г. Козицкая происходила из рода миллионеров Мясниковых-Твердышевых. Наследники же Мясниковых имели 20 акций компании¹⁹. Мать другого лидера Северного общества Н.М. Муравьева, Екатерина Федоровна была держателем 10 акций компании²⁰.

Существование всех этих связей особенно ярко проявились, когда началось междоусобица, кульминацией которого стали события 14 декабря на Сенатской площади.

27 ноября 1825 года в Петербурге узнали, что в Таганроге умер Александр I. Смерть бездетного императора дала старт борьбе за престол трех претендентов: его братьев: цесаревича Константина и великого князя Николая, а также их матери вдовы Павла I. **Фактически в России оказалось два наследника.** Но ни один не имел бесспорных юридических прав, потому что документы о престолонаследии при жизни Александра I не были обнародованы. Николай немедленно присягнул Константину, надеясь, что цесаревич не посмеет принять престол, от которого он уже письменно отказался. Константин не принял этой присяги, но категорически отказывался официально отречься, побуждая тем самым Николая предпринять попытку самому захватить престол. Этими обстоятельствами пыталась воспользоваться Мария Федоровна. Будучи старшей в семье, она выступала как арбитр в вопросах престолонаследия и намеренно заводила династическую ситуацию в тупик, единственным выходом из которого стал бы переход власти в ее руки. Верным союзником императрицы стал М.А. Милорадович, С.-Петербургский военный генерал-губернатор, глава тайной полиции. Благодаря драгунскому капитану А.И. Якубовичу он имел подробные сведения обо всем, что делалось в доме на Мойке. После гибели генерала, смертельно раненного на Сенатской площади, на его столе нашли записную книжку, в которую рукой графа были вписаны почти все имена находившихся в столице заговорщиков. Но у него были свои планы. В том случае, если бы Николай, встретив сопротивление не желавших присягать ему войск, отказался от своих прав на

¹⁹ Сафонов М.М. Междоусобица // Дом Романовых в истории России. СПб. 1995. С. 169-172.

²⁰ Петров А.Ю. Российско-американская компания: деятельность на российских и зарубежных рынках. С. 285-310.

престол, по закону о престолонаследии, предусматривающему переход престола в мужском колене по нисходящей линии, трон должен был бы перейти к его сыну Александру. Но мальчику было всего 7 лет, поэтому при нем назначили бы опекуна или регента до совершеннолетия. Регент назначался из ближайший родственников. 67-летняя Мария Федоровна имела всю шансы стать им и управлять Россией до того, как цесаревичу Александру исполниться 16 лет. Милорадович был ближайшим союзником вдовствующей императрицы, заявившей свои претензии на власть еще 11 марта 1801 г., когда был убит ее муж Павел I. Генерал, являвшийся шефом тайной полиции столицы, был готов поддержать любое выступление против Николая. Даже если это будет акция Тайного общества. Надо было только дать возможность конспирации, шаги которой направлялись из дома на Мойке, действовать.

Примечательно, когда в Российско-американской компании узнали, что Николай присягнул Константину, конспираторы решили прекратить свою деятельность или заморозить ее на 10 лет²¹. Это в высшей степени интересное решение. Оно игнорировалось декабристоведами. А между тем, если главной целью конспирации была отмена крепостного права и ликвидация самодержавия, как утверждала марксистская историография, то эти институты остались бы в неприкосновенности равно как при Константине, так как при Николае. Совсем другое дело, если Константин становится императором Всероссийским, то вопрос об отделении Польши снимается сам собой. Воцарение же Николая было чревато разделом территорий или даже военными столкновениями между братьями. Декабристы прямо говорили об этом на следствии, как об одной из побудительных причин их выступления.

Так генерал-адъютант М.Ф. Орлова в записке, подданной Николаю I 29 декабря 1825 г., писал, что после смерти Александра I «по Москве пошел зловещий слух о разделе. Говорили, будто царское завещание устанавливало полное отделение Польши и русско-польских провинций, а также Курляндии, и что Священный союз гарантирует это отделение. ... Некоторые же истинно русские люди, и я в том числе, ... сокрушались по поводу отделения Польши ...»²². Примерно, то же 27 декабря 1825 г. показал на следствии и А.А. Бестужев: «Стали носиться слухи, что он (Константин - М.С.) отказывается; Польша с Литвой и Подолией отойдет

²¹Сафонов М.М. Об эволюции тайного общества в период междуцарствия // Декабристы в Україні : Дослідження й матеріали. Київ. Т. 6. 2009. С. 104-106.

²²ВД. Т. XX. М., 2001. С. 164

от России, чтобы не обделить экс-императора. . . тогда, признаюсь, закипела во мне кровь, неуместный патриотизм возмутил рассудок»²³.

Если же Константин воцаряется, то вопрос о неделимости территории Российской империи исчерпывается, и тайное общество с его антипольской направленностью становится ненужным. Но это вопрос возникает вновь, когда 12 декабря выясняется, что Константин престол не принял, а Николаю предстоит сесть на него самому. Вот тут тайное общество начинает лихорадочно действовать. Его основная задача состоит в том, чтобы не дать Николаю воцариться. При этом надо иметь в виду, что тайное общество стремилось прежде всего к тому чтобы заставить претендента отказаться от престола. Для этого в тот же вечер в Зимний дворец посылается Я. И. Ростовцев с письмом к великому князю Николаю. Главная цель этого визита - запугать претендента и заставить его отказаться от мысли вступить на престол. Характерно, что это письмо Ростовцев написал в доме своего тестя Сапожникова, акционера Российско-американской компании. Мать Ростовцева Александра Ивановна, была родной сестрой Н.И. Кусова. Сестра Ростовцева Пелагея Ивановна являлась женой купца А.П. Сапожникова. Купцы же Сапожниковы были теснейшим образом связаны с Куракиными, сторонниками вдовствующей императрицы. А.П. Сапожников имел 10 акций компании. Ростовцевы же обладали 10-ю акциями. Ростовцев потом утверждал, что написал письмо по наущению Сапожникова. Таким образом, к Николаю явился племянник директора Российско-американской компании, теснейшим образом связанный с кругом Марии Федоровны.

Запугивая Николая, Ростовцев, в случае успеха его миссии, лишал тайное общество возможности осуществить открытое выступление, так как, если бы повторной присяги не было, то и отпал бы основной мотив для вывода войск из казарм – верность уже принесенной присяге Константину. Таким образом конспираторы стремились не к открытому выступлению войск, которых у них в достаточной степени, как выяснилось, и не было, а к созданию тупиковой ситуации, легитимном выходом из которой было бы воцарение на основе закона о престолонаследии семилетнего сына Николая Александра Николаевича при регенте и регентском совете. Планы мирного переворота разрабатывались Г.С. Батеньковым и В.И. Штенгейлем, завсегдатаями дома Российско-американской компании. Программный манифест, написанный в доме на Мойке Штенгейлем, вовсе не предполагал отмены крепостного права,

²³ВД. Т. I. С. 436.

а как раз наоборот провозглашал неприкосновенность общественного и частного имущества. В манифесте говорилось о тупиковой ситуации вследствие отказа Константина и Николая от престола, об образовании Временного правления и созыве народных представителей. Батеньков же свидетельствовал на следствии, что в его планы входило провозгласить императором Александра Николаевича, а Временное правление, составленное из Н.С. Мордвинова и М.М. Сперанского обратиться в регентский совет²⁴. По видимому, существование этого плана, бросавшего тень на весьма высокопоставленных особ, включая бабушку семилетнего цесаревича, явилось причиной почти 20-летнего одиночного заключения Батенькова в Петропавловской крепости. Стоит отметить, даже весьма осведомленный американский посланник Г. Миддлтон, знал о том, что инсургенты собирались представить Сенату «план правления и учредить регентство». Дипломат находился на Сенатской площади 14 декабря, а его дочь Мэри была подругой дочери М.М. Сперанского, женатого на англичанке²⁵. Американец Г.У. Банкс, описывая произошедшее в письме к Дж. Грину, упоминал об «интригах императрицы-матери», как одной из составляющих этого события²⁶.

Таким образом члены тайного общества надеялись ввести представительное правление. Российско-американская компания - повернуть интересы державы лицом к Дальнему Востоку, а Мария Федоровна – получить верховную власть в России в статусе регентши. Предполагать же, что Российско-американская компания участвовала в выступлении 14 декабря, целью которого заключалась в немедленной отмене крепостного права и ликвидации самодержавия, было совершенно нерезонно. К тому же, как хорошо известно, Н.М. Мордвинов, намечавшийся в члены Временного правления, являлся категорическим противником немедленной отмены крепостного права²⁷. Цели же выступления, выше изло-

²⁴Сафонов М.М. «Жертвоприношение» 14 декабря 1825 года и цесаревич Александр Николаевич // Александр II: два века в памяти России (1818-2018). 17-19 декабря 2018 СПб., 2018. С. 341-343.

²⁵Вушкович П. Генри Миддлтон и восстание декабристов // Родина. 2015. № 4. С. 102.

²⁶Болховитинов Н.Н. Декабристы и Америка. С. 100-101.

²⁷ВД. Т. I. С. 293.

женные, вполне отвечали задачам, стоявшими перед этим коммерческим объединением.

События 14 декабря хорошо известны. Все компрометирующие компанию документы были уничтожены, как и материалы секретного расследования участия Н.С. Мордвинова в этих событиях. После разгрома выступления тайного общества Николай I создал официальную версию произошедшего. В ней не нашлось места для Российско-американской компании. Хотя после допросов В.И. Штенгейля и Г.С. Батенькова достаточно было арестовать и допросить И.В. Прокофьева или Н.И. Кусова, чтобы причастность ее к событиям на Сенатской площади стало бы очевидной. Но это было не нужно Николаю. Согласно официальной версии события 14 декабря были всецело делом рук тайного общества, состоявшего из каких-то там мелких военных чинов. В ходе расследования все свидетельства о контактах директоров компании с заговорщиками полностью игнорировались следователями. Это и понятно: новому императору выгодно было скрыть, что против него выступала влиятельная акционерная компания, покровительствуемая его родной матерью. Нельзя не признать, что Николаю в значительной степени это и удалось.

ЛИТЕРАТУРА

Болховитинов Н.Н. Декабристы и Америка // Вопросы истории. 1974. № 4. С. 91-104.

Болховитинов Н.Н. К 200-летию Российско-американской компании. Некоторые результаты исследований // Болховитинов Н.Н. Русская Америка, 1732-1867. Материалы международной конференции «К 200-летию образования РАК. 1799-1999. Москва, 6-10 сентября 1999. Москва : ИВИ РАН, 1999. С. 6-23.

Болховитинов Н.Н. История Русской Америки. 1732-1867. Т. 2. Деятельность Российско-американской компании. 1799-1829. Москва: Международные отношения, 1999. 472 с.

Восстание декабристов. Т. I. Москва : Ленинград: Государственное издательство. 1925. 537 с.

Восстание декабристов. Т. XX. Москва: Росспэн, 2001. 590 с.

Вушкович П. Генри Миддлтон и восстание декабристов // Родина. 2015. № 4. С. 98-104.

Гордин Я. А. Мятеж реформаторов. Ленинград: Лениздат, 1989. 398 с.

Завалишин Д. И. Записки декабриста. Санкт-Петербург: Сириус, 1906. 463 с.

Муравьев А.Н. Сочинения и письма Иркутск: Восточно-Сибирское издательство, 1986. 439 с.

Памяти декабристов. Т. 1. Ленинград: АН СССР, 1926. 248 с.

Памятники архитектуры Ленинграда. Ленинград: Издательство литературы по строительству, 1969. 483 с.

Петров А.Ю. Российско-американская компания // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. : Энциклопедия. Т. 2. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2009. С. 536 -541.

Российско-американская компания: деятельность на российских и зарубежных рынках. Москва: ИВИ РАН, 2006. 316 с.

Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815-1830. Москва: Индрик, 2010. 584 с.

Окунь С.Б. Российско-американская компания. Москва : Ленинград: Государственное Социально-экономическое издательство, 1939. 259 с.

Сафонов М.М. Декабризм и Речь Посполитая // Декабристы: Актуальные направления исследований : Сборник статей и материалов. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014. С. 84-97.

Сафонов М.М. «Жертвоприношение» 14 декабря 1825 года и цесаревич Александр Николаевич // Александр II: два века в памяти России (1818-2018). 17-19 декабря 2018 Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. С. 341-343.

Сафонов М.М. Из истории создания советской концепции восстания декабристов (Н.М. Дружинин против М.В. Нечкиной) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2015. Вып. 4. С. 55-65.

Сафонов М.М. Мальтийский орден и декабристская конспирация // Мальтийский орден и Россия. Материалы научной конференции 21-22 ноября 2013 года. Санкт-Петербург: ОАО Информационно-издательский центр Правительства Санкт-Петербурга «Петроцентр», 2013. С. 143-162.

Сафонов М.М. Междоусербие // Дом Романовых в истории России. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 1995. С. 166-181.

Сафонов М.М. Об эволюции тайного общества в период междоусербия // Декабристы в Україні : Дослідження й матеріали. Т. 6. Київ: СПД Цимбаленко Э.С., 2009. С. 104-106.

Сафонов М.М. Процесс по делу декабристов как показатель консолидации российской элиты // Петербургский исторический журнал. 2017. № 1. С. 106-126.

Сафонов М.М. Процесс по делу декабристов как феномен общественно-политической жизни России // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. Москва: Росспэн, 2012. С. 279-286.

Сафонов М.М. 14 декабря. «Путешествие дилетанта». (План восстания 14 декабря 1825 года в советской историографии // Петербургский исторический журнал. 2014. № 3. С. 285-295.

REFERENCES

Bolhovitinov N.N. Dekabristy i Amerika [Decembrists and America] in *Voprosy istorii* [Questions of history] 1974. № 4. P. 91-104. (In Russian)

Bolhovitinov N.N. K 200-letiyu Rossijko-amerikanskoj kompanii. Nekotorye rezul'taty issledovanij [The 200th anniversary of the Russian-American company. Some results of research] in Bolhovitinov N.N. Russkaya Amerika, 1732-1867. Materialy mezhdunarodnoj konferencii «K 200-letiyu obrazovaniya RAK. 1799-1999. Moskva., 6-10 sentyabrya 1999 [Bolhovitinov N. N. Russian America, 1732-1867. Proceedings of the international conference "The 200th anniversary of the formation of RAK] Moskva : IVI RAN Publ., 1999. P. 6-23. (In Russian)

Bolhovitinov N.N. Istoriya Russkoj Ameriki. 1732-1867. T. 2. Deyatel'nost' Rossijsko-amerikanskoj kompanii. 1799-1829 [The History Of Russian America. 1732-1867. Vol.2. Activities of the Russian-American company. 1799-1829]. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1999. 472 p. (In Russian)

Gordin YA. A. *Myatezh reformatorov* [The Rebellion of the reformers]. Leningrad: Lenizdat Publ., 1989. 398 p. (In Russian)

Murav'ev A.N. *Sochineniya i pis'ma* [Writings and letters]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe izdatel'stvo Publ., 1986. 439 p. (In Russian)

Okun' S.B. Rossijsko-amerikanskaya kompaniya [The Russian-American company]. Moskva : Leningrad: Gosudarstvennoe Social'no-ehkonomicheskoe izdatel'stvo Publ., 1939. 259 p. (In Russian)

Pamyati dekabristov [The memory of the Decembrists]. T. 1. Leningrad: AN SSSR Publ., 1926. 248 p. (In Russian)

Pamyatniki arhitektury Leningrada [Architectural monuments of Leningrad]. Leningrad: Izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu Publ., 1969. 483 p. (In Russian)

Petrov A.YU. Rossijsko-amerikanskaya kompaniya [Russian-American company] in Economic history of Russia from ancient times to 1917 EHkonomicheskaya istoriya Rossii s drevnejshih vremen do 1917 g. : EHnciklopediya [Economic history of Russia

from ancient times to 1917: encyclopedia] Т. 2. Moskva: Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya Publ., 2009. P. 536-541.

Petrov A.YU. Rossijsko-amerikanskaya kompaniya: deyatel'nost' na rossijskikh i zaru-bezhnyh rynkah [Russian-American company: activity in the Russian and foreign mar-kets]. Moskva: IVI RAN Publ., 2006. 316 p. (In Russian)

Pol'sha i Rossiya v pervoj treti XIX veka. Iz istorii avtonomnogo Korolevstva Pol'skogo. 1815-1830 [Poland and Russia in the first third of the XIX century. From the history of the Autonomous Kingdom of Poland.1815-1830]. Moskva: Indrik Publ., 2010. 584 p. (In Russian)

Safonov M.M. Dekabrizm i Rech' Pospolitaya [*The Decembrists and the Polish-Lith-uanian Commonwealth*] in Dekabristy: Aktual'nye napravleniya issledovanij : Sbornik statej i materialov [*The Decembrists: Current directions of research : Collection of arti-cles and materials*]. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya Publ., 2014. P. 84-97. (In Russian)

Safonov M.M. «ZHertvoprinoshenie» 14 dekabrya 1825 goda i cesarevich Aleksandr Nikolaevich [*"Sacrifice" 14 december 1825 and Tsarevich Alexander Nikolayevich*] in 17-19 December 2018] // Aleksandr II: dva veka v pamyati Rossii (1818-2018) [Alexander II: two century in memory Russia (1818-2018)]. 17-19 dekabrya 2018 Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo RGPUim. A.I. Gercena Publ., 2018. P. 341-343. (In Russian)

Safonov M.M. Iz istorii sozdaniya sovetskoj koncepcii vosstaniya dekabristov (N.M. Druzhinin protiv M.V. Nechkinoj) [From the history of the Soviet concept of the Decem-brist revolt (N.M. Druzhinin against M. V. Nechkina), in *Vestnik SPBGU. [Vestnik St. Petersburg University]*. Ser. 2. 2015. Vyp. 4. P. 55-65. (In Russian)

Safonov M.M. Mal'tijskij orden i dekabristskaya konspiraciya [*Maltese order and Decembrist conspiracy*] in Mal'tijskij orden i Rossiya. Materialy nauchnoj konferencii 21-22 noyabrya 2013 goda [*Order of Malta and Russia. Proceedings of the conference of the state Museum "Gatchina" on November 21-22, 2013 the town of Gatchina*]. Sankt-Peterburg: OAO Informacionno-izdatel'skij centr Pravitel'stva Sankt-Peterburga «Petro-centr» Publ., 2013. P. 143-162. (In Russian)

Safonov M.M. Mezhducarstvie [*Interregnum*] The house of Romanovs in the history of Russia], in *Dom Romanovyh v istorii Rossii [The house of Romanovs in the history of Russia]*. Sankt-Petersburg, 1995. P. 166-181. (In Russian)

Safonov M.M. Ob ehvolucii tajnogo obshchestva v period mezhducarstviya [*On the evolution of secret societies in the period of interregnum*] in Dekabristi v Ukraïni : Dosl-izhennyya j materiali [*Dekabristy in Ukraine : Researchs and materials*] Т. 6. Kiiv: SPD Cimbalkenko EH.S. Publ., 2009. P. 104-106.

Safonov M.M. Process po delu dekabristov kak pokazatel' konsolidacii rossijskoj ehliny [The Decembrist case as an indicator of consolidation of the Russian elite] in Peterburgskij istoricheskij zhurnal [St. Petersburg historical magazine]. 2017. № 1. S. 106-126.

Safonov M.M. Process po delu dekabristov kak fenomen obshchestvenno-politicheskoj zhizni Rossii [Decembrists Trial as an indicator of consolidation of the Russian elite in St. Petersburg historical journal] in Istoriko-kul'turnoe nasledie i duhovnye cennosti Rossii. Programma fundamental'nyh issledovanij Prezidiuma Rossijskoj akademii nauk [Historical and cultural heritage and spiritual values of Russia. Basic research program of the Presidium of the Russian Academy of Sciences]. Moskva:Rosspehn, 2012. S. 279-286.

Safonov M.M. 14 dekabrya. «Puteshestvie diletanta». (Plan vosstaniya 14 dekabrya 1825 goda v sovetskoj istoriografii [December 14. "Amateur's journey." (The plan of the uprising 14 December 1925 in the Soviet historiography] in Peterburgskij istoricheskij zhurnal [St. Petersburg historical journal]. 2014. № 3. S. 285-295.

Vosstanie dekabristov [Decembrist uprising]. T. I. Moskva : Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ. 1925. 537 p. (In Russian)

Vosstanie dekabristov [Decembrist uprising]. T. XX. Moskva: Rosspehen, 2001. 590 p. (In Russian)

Vushkovich P. Genri Middlton i vosstanie dekabristov [Henry Middleton and decembrist uprising], in Rodina [Homeland] 2015. № 4. P. 98-104. (In Russian)

Zavalishin D. I. Zapiski dekabrista [Memoires of a Decembrist]. Sankt-Peterburg: Sirius Publ., 1906. 463 p. (In Russian)

А. И. Терюков, Н. Л. Йоутсен

Терюков Александр Иванович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН,
E-mail: aiter2006@yandex.ru

Йоутсен Надежда Львовна, независимый исследователь.
E-mail: joutsen11@yandex.ru

РОЛЬ МОРСКОГО МИНИСТРА АДМИРАЛА И.И. ДЕ ТРАВЕРСЕ В ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛЯРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Деятельность адмирала маркиза И.И. де Траверсе как морского министра России в отечественной историографии чаще всего оценивается или нейтрально, или отрицательно. Чего стоит легенда о «маркизовой луже», которая часто упоминается до настоящего времени. Но при более подробном знакомстве с его деятельностью на благо России, становится обидно за то, что его дела не были оценены должным образом, как в прошлом, так и в настоящем. Данная статья посвящена его деятельности по организации арктических исследований. Впервые публикуется переведенная с французского языка записка И.И. де Траверсе по истории открытия Северо-Западного и Северо-Восточного проходов.

Ключевые слова: Северо-Западный проход, Северо-Восточный проход (Северный морской путь), Военно-Морской флот России, история российских арктических экспедиций, российские кругосветные путешествия.

A. Teryukov, N. Joutsen

Teryukov Alexander Ivanovich. PhD., Senior researcher of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS.

E-mail: aiter2006@yandex.ru

Joutsen Nadeyda Lvovna, independent researcher.

E-mail: joutsen11@yandex.ru

THE ROLE OF THE NAVAL MINISTER, ADMIRAL I. I. DE TREVERSE, IN THE ORGANIZATION OF POLAR RESEARCH

The activity of Admiral Marquis I. I. de Traverse as the Minister of the sea of Russia in the national historiography is often evaluated either neutral or negative. What is the legend of the «Marquis puddle», which is often mentioned to date. But at more detailed acquaintance to its activity for the benefit of Russia, it becomes offensive that its Affairs weren't estimated properly, both in the past, and in the present. This article is devoted to his work on the organization of Arctic research. For the first time published translated from French note I. I. de Traverse on the history of the opening of the North-West and North-East passages.

Keywords: Northwest passage, northeast passage (Northern sea route), Russian Navy, history of Russian Arctic expeditions, Russian round-the-world voyages.

Деятельность адмирала маркиза И.И. де Траверсе как морского министра России в отечественной историографии чаще всего оценивается или нейтрально, или отрицательно. Чего стоит легенда о «маркизовой луже», которая часто упоминается до настоящего времени. Это связано с тем, что из-за нехватки средств (вечная российская проблема) Балтийский флот совершал плавания в восточной части Финского залива. Но это не так. По архивным данным видно, что морской министр ежегодно организовывал гидрографические обследования побережья как Финского залива, так и части Балтийского моря, составления морских лоций и карт и т.д. Воз-

можно, что на возникновение подобного мнения свое влияние оказало то, что большую часть своей министерской деятельности И.И. де Траверсе провел в своем имении Романщина Лужского уезда. Для объяснения этого факта надо иметь в виду то, что здание Адмиралтейства в это время перестраивалось архитектором А. Захаровым и там еще не было квартиры морского министра. Но это не мешало его работоспособности. В его архивном фонде Государственного архива Военно-морского флота сохранились книги учета почтовой корреспонденции, которые позволяют судить о его постоянной переписке с многими государственными и морскими деятелями того времени. Император Александр I высоко ценил его как государственного деятеля. Он 11 раз приезжал в это имение для обсуждения различных важных государственных вопросов. И.И. де Траверсе был последним из петербургских вельмож, кто видел императора живым. Ибо Александр I навестил адмирала по пути из Петербурга на юг в 1825 г. Но при более подробном знакомстве с его деятельностью на благо России, становится обидно за то, что его дела не были оценены должным образом, как в прошлом, так и в настоящем.

Маркиз Иван Иванович де Траверсе (Жан Батист Прево де Сансак де Траверсе, *Jean-Baptiste Prévost de Sansac, marquis de Traversay*. 1754-1831) родился на острове Мартиника, в семье морского офицера и плантатора¹. Его отец происходил из знатного французского аристократического рода. В 5 лет отец привез его во Францию, чтобы он мог приобрести образование. Получил образование в бенедиктинском коллеже в Сорезе (Франция). Учился в школах гардемаринов в Рошфоре и Бресте, с 1773 года — мичман французского флота. С 1778 г. принимает участие в морских сражениях с англичанами в ходе англо-французских войн. Принимал участие в войне за независимость американских штатов против Англии. В конце 1790 года, в условиях революционной смуты и разложения французского флота, получил у короля Людовика XVI разрешение поступить на русскую службу.

И.И. де Траверсе появляется в России 1791 г. по приглашению принца Карла Генриха Нассау-Зигена². 7 мая 1791 г. вышел указ Адмиралтейств-

¹*Шатне, Мадлен дю.* Жан Батист Траверсе, министр флота российского. - М., Наука. 2003. - 97 с.; *Сычев, Виталий* «Маркизова лужа». Легенды и правда о российском морском министре маркизе де Траверсе. - СПб. Премиум-Пресс. 2014. - 292 стр.

²Принц Нассау-Зиген Карл Генрих Николай - французский аристократ, знаменитый своими авантюрами и военными подвигами; полковник французского

коллегии о его зачислении на службу: *«Находившегося в королевской французской службе капитаном маркиза де Траверсе приняв в службу нашу, всемилостивейше пожаловали Мы флота нашего капитаном генерал-майорского ранга и повелеваем определить его в гребной флот».*

Императорским указом от 4 июля 1791 г. контр-адмирал де Траверсе был утвержден командующим гребной флотилией и назначен в г. Роченсальм в Выборгскую губернию, в Финляндию. Осенью 1801 г. он по-русски пишет в своем дневнике знаменательные строки: *«...Россия ныне — мое отечество, она сохранила меня от нищеты. Я всегда должен быть благодарен и преданный к ней и трем Государям, от которых я столь много получил милостей. В России я получил fortuna, жену, милостей и честь, довольно, чтобы быть навсегда в числе ей защитников и подданных».* В 1806 г. И.И. де Траверсе принимает подданство Российской империи³.

С 1801 года — адмирал. С 1802 года — главный командир портов Чёрного моря и военный губернатор Севастополя и Николаева. Был начальником обороны Крыма и Тамани во время русско-турецкой войны 1806—1812 годов. Организовал морскую экспедицию к Анапе против горцев, укрепил побережье Чёрного моря. Составил проект застройки Севастополя, который в то время не был реализован из-за отсутствия средств (однако ряд его идей был осуществлён в 1830-40-е годы). В 1807 году Наполеон предложил Траверсе вернуться на службу во французский флот (на любых условиях), но получил отказ. В 1809—1811 годах — управляющий морским министерством (исполняющий обязанности министра). С 1 января 1810 года, одновременно, член Государственного совета. С 28 ноября 1811 года — министр морских дел, с 27 декабря 1815 года — морской министр. Занимал этот пост до 29 марта 1828 года, когда был уволен с оставлением членом Государственного совета.

Деятельность И.И. де Траверсе на посту морского министра была самой разнообразной. Не смотря на то, что министерство было учреждено в 1803 г., в рамках реформы государственного управления Российской империи Александром I, фактически лишь при И.И. де Траверсе были утверждены штаты министерства, флотов и т.д. Эти вопросы он напря-

флота и кавалерии, генерал-майор испанского королевского флота, адмирал российского гребного флота екатерининской эпохи.

³О принятии адмирала маркиза Траверсе в вечное подданство России и доказательстве о дворянстве его фамилии // ГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. № 100.

мую готовил и обсуждал с М.М. Сперанским⁴. Строились новые корабли в Петербурге, Лодейном Поле и Архангельске⁵. Надо было снабжать Черноморский флот и т.д.⁶

Особо стоит отметить роль морского министра И.И. де Траверсе в организации экспедиций для изучения Северного Ледовитого и Тихого океанов. Последний раз российские моряки принимали участие в проведении Второй Камчатской или Сибирской экспедиции 1730-1740 годов, когда флотские чины, наряду с учеными, проводили исследования от Печоры до Аляски. В начале XIX века Россия вновь смогла начать масштабные экспедиции в мировом океане. Этому способствовало несколько причин. Во-первых, была сломлена гегемония Швеции на Балтике

⁴Проект учреждения Министерства военно-морских сил России, представленный И.И. Траверсе М.М. Сперанскому. Рукопись Писарская копия. 1811 г. // ГАВМФ. Ф. 25. Оп. 1. № 144.

⁵*Гребеникова Г.А.* Балтийский флот в период правления Екатерины II. - СПб.: Остров 2007. - 719 с.; *Гребеникова Г.А.* Черноморский флот в период правления Екатерины II. - СПб. 2012. Т. 1. - 511 с., Т. 2. - 559 с.; *Лебедев А.А.* «А как военное время наступило, и ...матросы обучение получают»: проблема боевой подготовки русского парусного флота на Балтике// Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы Тринадцатой ежегодной международной научной конференции. - СПб. РХГА. 2012. – С. 220-230; Он же. Балтийский парусный флот в русско-шведских войнах XVIII-начала XIX в.: достижения и проблемы// Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы Четырнадцатой ежегодной международной научной конференции. - СПб. РХГА. 2012 – С. 185-197; Он же. Балтийский корабельный флот начала XIX в. в свете нового архивного источника // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2016. Вып. 17 (1). С. 150-159. См. так же .Собственноручные резолюции Императора Александра I, всеподданнейшие доклады адмирала маркиза де-Траверсе и другие документы: по строению судов, обшивке кораблей медью, плаванию судов, крушению, исправлению; об участии судов в военных действиях; о пребывании иностранных судов и т.д. // ГАВМФ. Ф. 227. Оп. 1. № 136.

⁶Деятельность И.И. де Траверсе как морского министра отражена в большом количестве архивных документов. См., например, Собственноручные резолюции императоров Александра I и Николая I, копия с указа за подписанием Николая I, высочайше утвержденные доклады П.В. Чичагова, де-Траверсе и фон-Моллера, Комитета образования флота и другие документы: по строению и плаванию судов и т.д. 1807-1828 гг. 591 с. // ГАВМФ. Ф. 227, Оп. 1. №147; Дневник адмирала маркиза де Траверсе во время поездки по Крыму для обозрения крепостей по Черноморскому берегу с 17 февраля по 30 февраля 1808 г.. Собственноручный подлинник на русском языке. Из арх. марк. де Траверсе// ГАВМФ. Ф.315. Оп. 1-1. № 179. 8 л.

после русско-шведской войны 1808-1809 гг. и часть сил и средств российские власти могли направить на научные цели. Во-вторых, более важным было создание в 1799 г. Российско-американской компании, которой предшествовало создание русских поселений русскими купцами и промышленниками на Аляске. Эта компания была, говоря современной терминологией, частно-государственной компанией, акционерами которой состояли не только представители российского купечества, но представители аристократии, как, например, государственный канцлер Н.П. Румянцев, а так же члены правящей династии Романовых. Поэтому было принято привлечь к снабжению российских колоний в Америке военно-морской флот. Присутствие военных кораблей у берегов Аляски являлось символом принадлежности этих территорий Российской империи. Именно этим обстоятельством были вызваны русские кругосветные путешествия первой половины XIX века. Как отмечает Г. Сирый, в период управления Морским министерством И.И. де Траверсе было совершено 21 такое путешествие⁷. В третьих, Россия включилась в европейскую гонку поиска новых земель в Тихом океане. В четвертых, дальние походы были прекрасной школой для подготовки морских офицеров.

Одновременно начинаются активные исследования в Арктике. Организируются экспедиции под руководством Ф. Литке в ее западном секторе, П. Анжу, Ф. Врангеля – восточном секторе⁸. Основная задача этих экспедиций – выявление возможности прохождения судов вдоль берегов Сибири маршрутом, который сегодня мы называем Северным морским путем (В Западной Европе этот путь часто называли Северо-Восточным проходом, в отличие от пути вдоль берегов севера Канады, который известен как Северо-Западный проход). Возможность использования этого маршрута так же рассматривалась в плане снабжения поселений Русской Америки.

⁷*Сирый С.П.* Третий Морской министр Императорского флота России Жан Батист Прево де Сансак де Траверсе // https://rgavmf.ru/sites/default/files/lib/siry_traverse.pdf.

⁸*Сычев В.И.* Материалы первых арктических экспедиций 1820–1824 гг. основателей и членов Русского географического общества в документах Российского государственного архива Военно-морского флота // Полярные чтения на ледоколе «Красин» - 2017. Музеи в Арктике и Арктика в музеях. Материалы Пятой международной научно-практической конференции 29-30 апреля 2017 г. – СПб. Изд-во «Паулсен». 2018. - С. 363-388.

О том, что И.И. де Траверсе лично принимал участие в подготовке этих исследований, говорят сохранившаяся в его архиве «Собственно-ручные выписки Маркиза де Траверсе об исторических данных экспедиций к северному полюсу и об открытиях русских на севере»⁹. Полный текст этой записки в переводе с французского языка впервые приводится в конце данной статьи.

Англичане и голландцы в XVI в. пытались проникнуть в Арктику. Эти путешествия были спровоцированы не просто любопытством, а целым рядом обстоятельств. Голос Русского государства, до недавнего времени воспринимавшийся как некая экзотическая данность, со времени правления Ивана III **начинает все звонче и увереннее звучать на европейской политической арене**. Московия воспринималась по-разному: с интересом, предубеждением, часто с опасением, но игнорировать ее уже было невозможно. В рамках великих географических открытий происходило открытие западным миром незнакомой Московии. Одновременно закрытие и монополизация Португалией торговли с Индией вынудило Европу искать альтернативные торговые пути между Западом и Востоком, которые были возможны только через Московскую Русь и Арктику¹⁰. Чем больше русские власти старались скрыть информацию о путях в Сибирь, за Урал и далее, тем настойчивее иностранцы стремились узнать об этом. Интерес к Московскому государству на Западе подстегивали и известия о баснословных богатствах, имеющихся на севере. Так, например, окольный М. Вельяминов, сопровождая посла императора Николая Варкоча в 1593 г. привез в Вену, императору Рудольфу II, в качестве подарка 40360 соболей, 3000 бобров, 20760 куниц, 337235 белок, 120 черно-бурых лисиц¹¹. Поэтому во второй половине XVI в. английские купцы активно ищут путь в Индию через Северный ледовитый океан и таким образом, исследуют Европейский Север. Они как бы вновь «открыли» морской путь викингов из Западной Европы к устью Северной Двины вдоль берегов Скандинавии. Активность англичан на севере была вызвана постоянными войнами на европейском континенте, что сильно меша-

⁹Собственноручные выписки Маркиза де Траверсе об исторических данных экспедиций к северному полюсу и об открытиях русских на севере. На французском языке. Рукопись железистыми чернилами. Автограф. 4 л. с обор. (8 стр.). Листы немного загрязнены, но текст читаем. Б.д. // ГАВМФ. Ф. 25. Оп. 1. № 4.

¹⁰*Блон Жорж*. Великий час океанов. Полярные моря / Пер. с франц. А. М. Григорьева. — М.: Мысль, 1984. — 192 с.: ил. — (Путешествия. Приключения. Поиск).

¹¹*Марков С.* Земной круг. - М., 1976. С. 291.

ло торговле. В 1553 г. капитан Ричард Ченслер (Чанселлор) привел первое английское судно к устью этой реки, на борту которого, кроме различных товаров, находилось английское посольство. То же можно сказать о голландцах. Об экспедициях В. Баренца и Р. Ченслера упоминается в записке И.И. де Траверсе.

Перевод записки И.И. де Траверсе.

[л.1] Собственноручные выписки Маркиза де Траверсе об исторических данных экспедиций к северному полюсу и об открытиях русских на севере. Исторические данные об экспедициях, предпринятых, что бы достичь Северного Полюса и открытие прохода в Тихом океане*.

Было осуществлено некоторое число экспедиций к Северному Полюсу, основной целью которых было открытие прохода через Северный Полюс в Тихий океан. Их насчитывается 14 или 17 как такого назначения, так и для достижения Востока этого Полюса.

Первая, историю которой следует упомянуть, это та, которую предприняли с 1553 по 1556 г. сэр Хью Уиллоуби (*Hugh Willoughby*)¹², Ричард Ченслер (Ченслор, *Richard Chancellor*)¹³ и Стивен Барроу (*Steven Borough*)¹⁴ с целью открыть проход на северо-востоке в Индию. Они добрались до Новой Земли и пролива Вайгач, но им не удалось продвинуться вперед из-за льдов, и они нашли огромную банку [мель, мелководье – А.Т.]¹⁵. Эта экспедиция закончилась учреждением Русской Компании, которая получила привилегию большой важности на торговлю [с Московией – А.Т.]¹⁶.

¹²Английский мореплаватель, один из создателей Московской торговой компании.

¹³Английский мореплаватель, положивший начало торговым отношениям России с Англией.

¹⁴Английский мореплаватель, исследователь Арктики, автор первого словаря терско-саамского словаря, составитель карты Баренцева моря.

¹⁵Здесь И.И. де Траверсе допустил ошибку. Экспедиция Х. Уиллоуби не дошла до Вайгача. После достижения Новой Земли она вернулась для зимовки в устье р. Варзино, где трагически погибла зимой 1553/1554 гг.

¹⁶Речь идет о создании Московской компании в Лондоне, которая получила исключительное право на торговлю с Московским царством через Холмогоры. Р. Ченслер описал это свое путешествие на Север, которое было издано в Англии и было известно в России. Одно из последних изданий его записок см.: Записки Чанселлора: открытие России Ричардом Чанселлором при поиске северного пути в Китай. - Архангельск, Правда Севера. 1998. – 126 с. О путешествиях англичан

[л.1 об.] В 1576 г. Мартин Фробишер (*Martin Frobisher*)¹⁷, который в последствии получил [дворянство – А.Т.] за геройскую операцию при помощи которой он отбил испанскую армаду, поднял паруса из города Блэквела вместе с 2-я барками «Гэбрэль» [водоизмещением – А.Т.] в 25 тонн и «Майкл» в 20 т.н пинассы мощностью 10 т. 11 июля он увидел Гренландию, вздымающуюся как лес колоколен и всю покрытую снегом. Пинасса погибла в буре. «Майкл», утративший мужество, вернулся в Англию и рапортовал, что «Габриэль» затонул в море, но Фробишер возвращается 2 октября, так и не сумев пройти Гренландию из-за ужасных льдов, которые ее окружали. Страсть к приключениям, поддерживаемая экстравагантной новостью о существовании некой Золотой шахты на Севере и в 1577 году ему была поручена новая экспедиция на средства по подписке знатных лиц двора. Он погрузился на «Эйд», грузоподъемностью 200 тонн, но был остановлен льдами в Гренландии, где он встретил айсберги, возвышавшиеся от 30 до 40 саженей в высоту над уровнем моря.

[л. 2.] В 1585 году, Джон Дейвис (*John Davis*)¹⁸отплыл из Дермута, на 50 тонном барке «Саншайн» (*Sanhsir*) и 35-и тонном «Муншайне» (*Moonshine*). Он открыл пролив, который носит его имя, но он был вынужден вернуться назад после того, как был зажат громадными льдами на широте Гренландии, он достиг широты 68 градуса.

на Русский Север см.: *Гамель И.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях. Статья I. // Прибавления к 8 тому Записок ИАН. 1865. № 1. С. 1-179; Статья II. // Прибавления к 15 тому Записок ИАН. 1869. № 2. С. 181-308; Английские путешественники о Московском государстве в XVI в // Иностранцы путешественники о России. - Л., 1937. - С. 13-14, 34-36; *Морозова Л.Е.* Сочинения англичан о России XVI в: правда или вымысел // Связь веков. Исследования по источниковедению истории России до 1917 г. - М., 2007. - С. 132-154; *Andersen M.S.* Britain's discovery of Russia 1553-1815. London, 1958; *Branch M.* British travelers among the Samoyeds // JSFOu. Vol. 72. 1975.

¹⁷Английский мореплаватель и капер, совершивший три экспедиции к берегам Северной Америки в поисках Северо-Западного прохода.

¹⁸Английский мореплаватель и капер, Совершил 3 путешествия с целью открытия Северо-Западного прохода. О нем см.: *Markham, A. H.* The Voyages and Works of John Davis the Navigator. Hakluyt Society. Descriptions of the three voyages Davis undertook to discover the Northwest Passage. — Reissued by Cambridge University Press, 2010. - 419 p.

В 1606 году король Дании отправляет на открытие Джона Каннингема (John Cunningham)¹⁹ - шотландца, и Джеймса Холла (James Hall)²⁰ - англичанина. Огромные кучи льдов [в Гренландии – А.Т.] заставляют бежать их от больших опасностей.

Летом того же года лондонская компания [Московская торговая компания в Лондоне - А.Т.] отправляет Генри Гудзона (*Henry Hudson*)²¹ [на поиски северного пути в Азию], который достигает 81 широты [на Шпицбергене] на которой он оказался полностью остановлен льдами.

[л. 2 об.] В 1612 году капитан Томас Баттон (*Thomas Button*)²² доходит до 64 градуса широты [в Гудзоновом заливе], где льды преграждают ему путь. Примерно в то же время Московская Компания отправляет Йонаса Пула (Jonas Poole)²³, который не продвинулся [на Шпицбергене – А.Т.] выше 80 градуса. В 1613 году капитан Джеймс Холл (James Hall)²⁴ – он умер, по легенде, в 1612 году) продвигается на север [в районе Гренландии – А.Т.] вплоть до отметки 82 градуса.

В 1614 году Роберт Байлот (*Robert Bylot*) оказывается затертым во льдах [на севере Канады – А.Т.] на уровне 79 градуса. В 1615 году Роберт Байлот (*Robert Bylot*) и Уильям Баффин (*William Baffin*)²⁵ были останов-

¹⁹Шотландский мореплаватель, работавший под датским флагом. Он стал известен после своего участия в экспедиции Кристиана IV в Гренландию. В 1606 г. принимал участие в датской экспедиции на Шпицберген.

²⁰Английский мореплаватель, исследователь западной Гренландии, участник трех датских экспедиций в Гренландию.

²¹Английский мореплаватель начала XVII века. Известен благодаря своим исследованиям территорий современной Канады и Северо-Востока США. В 1607 г. побывал на Шпицбергене, в 1608 г. достигал Новой Земли, в 1609 г. достигнув Северной Америки, открыл остров Ньюфаундленд, остров Манхеттен.

²²Английский мореплаватель, который в 1612-13 годах командовал экспедицией, пытавшейся обнаружить пропавшего Генри Гудзона и проплыть Северо-Западным проходом.

²³Английский мореплаватель, исследователь и китобой. Работая на Московскую компанию, в 1604—1609 годах плавал на остров Медвежий, Шпицберген. После обследовал Шпицберген и нанес на карту большое число названий. Некоторые из них были забыты или заменены другими, иные же используются и в наши дни.

²⁴Английский мореплаватель, 1615 предпринял попытку пройти Северо-Западным проходом.

²⁵Английский мореплаватель, обнаруживший в 1616 году море, носящее его имя, и остров Баффинова Земля. Совершил ряд плаваний к Гренландии и на север Атлантического океана.

лены льдами также на широте 79 градусов [на севере Канады – А.Т.]. В 1616 году Баффин (*Baffin*) продвинулся до 81 градуса [на севере Канады – А.Т.].

[л. 3.] В 1751[году капитан Мак-Калам (M.-Callum)²⁶проникает, не встретив льдов от мыса Hackluyts до 83 ½ градуса. Следует заметить, что к этому времени море было очень свободным, то есть капитан Мак-Калам и капитан Wilson нашли его открытым до широты 83 и ½ градуса и отказались от дальнейшего прохождения только из опасения скомпрометировать себя по отношению к их судовладельцам, поскольку местом их назначения была Гренландия. В 1746 году предприняли другие попытки, которые все были безуспешны, но мореплаватели перезимовали в Гудзоновом заливе.

Доктор Маклайн (Makeline) уверяет, что некий мореплаватель Стефан (Stephan) достиг в 1754 году 84 ½ градуса.

С 1630 года по 1720 год Компания Гудзонова залива предприняла несколько напрасных попыток достичь более высокой отметки.

В 1720 году Knigk и Barlow (?) были отправлены на Север, но больше о них ничего не было слышно. В 1776 и 1777 гг. Адмиралтейство отправило лейтенантов Pickersgill и Lane (?), но эти офицеры мало продвинулись [в своих исследованиях – А.Т.] и не сделали никаких открытий.

[л. 3 об.] Капитан Джеймс Кук (*James Cook*)²⁷исследовал моря находящиеся за проливом Беринга между параллелями 70 и 71 градусов, где он оказался остановленным льдами.

В разные годы путешественники по Гренландии отваживались пройти до 81-82 градусов. В 1806 году У. Скорсби (William Scoresby)²⁸поднялся до 81 градуса широты [в районе Гренландии – А.Т.].

Таким образом, очевидно, судя по всем попыткам, совершенными до настоящего времени (1818), что достичь полюса очень трудно, если не невозможно.

²⁶Мореплаватель, сотрудник Компании Гудзонова залива, занимался поиском Северо-Западного прохода.

²⁷Знаменитый английский путешественник. В ходе своего третьего путешествия в 1778 г. прошел заливом между Чукоткой и Аляской в Чукотское море, но был остановлен льдами. На Алеутских островах встретил русских промышленников, у которых познакомился картой Беринга. Именно Дж. Кук назвал этот пролив Беринговым, честь русского исследователя В. Беринга.

²⁸Капитан британского китобойного судна, ученый-гидрограф, картограф. Занимался изучением Гренландии.

[л. 4] Открытия Русских на Севере.

В 1734 году лейтенант Муравьев (Moravieff) отправился из Архангельска до реки Обь. В течение первого года он добрался только до Печоры, на следующее лето он пересек пролив Вайгач (Weigatz) [теперь – пролив Югорский шар – А.Т.] и прибыл в Карское (Cara) море и остановился в гавани Ямал.

В 1738 году тот же лейтенант и Шувалов (Scouvaloff)²⁹ обогнули мыс [По-видимому, речь идет о мысе Каменный, северной точке полуострова Ямал – А.Т.]. После многих трудностей вошли в гавань Оби. Было сделано множество безуспешных попыток пройти от Оби до Енисея, но судно под командованием лейтенантов Д. Овцына и И. Кошелева осуществили этот переход в 1738 году. В том же 1738 году лоцман Федор Минин, отправившись от Енисея в одиночку по направлению к Лене. Он дошел на Севере до 73 градуса и 15 минут широты, когда достиг устья Пясины. Льды остановили его, и он повернул к Енисею. В июле месяце 1735 года лейтенант Прончищев отправился от Лены с намерением [л. 4 об.] добраться до Енисея, но встретил горы льда и претерпел множество аварий между первым и 7-ым в Оленёкским устье на 72 градусов 30 минут. На следующий год он высадился в [устье р. Оленёка – А.Т.] Оленёке в начале августа, но после множества напрасных усилий и опасностей он вернулся в Оленёк 29 числа того же месяца. Он поднялся до 77 градусов 25 минут широты, будучи много раз запертым во льдах. Харитон Лаптев также безуспешно попробовал в 1739 г пройти от Лены до Енисея, этот мореплаватель рассказывает, что есть мыс, который он не смог обогнуть потому, что море находится полностью закрыто льдами. Из этих рассказов можно заключить, что пространство между Архангельском и Леной еще не было пройдено.

Русские суда, которые ежегодно отправляются из Архангельска и других мест к Новой Земле, [л. 5] чтобы там добыть морских львов, нерпу и белых медведей, отправляются на западный берег, и кажется никто из них не обогнул северо-восточную оконечность этой земли.

Н.В. В одной заметке встречается, что в 1696 году Дж. Гемскерк (J. Heemskirk)³⁰ и В. Баренц (W. Barentsz)³¹, пройдя вдоль западного побе-

²⁹Здесь И.И. де Траверсе ошибается. Спутником С.В. Муравьева был М.С. Павлов.

³⁰Голландский мореплаватель и исследователь. Спутник В. Баренца.

³¹Голландский мореплаватель и исследователь. Руководитель трёх арктических экспедиций, целью которых был поиск северного морского пути в Ост-

режья, обогнули северо-восточную оконечность Новой Земли, которая достигает 77 градусов 20 минут широты и огибая в одиночку восточный берег, не продвинулись дальше 76 градусов. В других заметках отмечается, что в 1675 г два парусника, оснащенные в Амстердаме, отправились на поиски прохода с северо-востока и дошли до 79 градусов 80 минут широты: пройдя на 300 лье дальше меридиана Новой Земли, вследствие этого путь из Архангельска до Лены был проделан.

Теперь изучим то, что касается навигации от Лены до Камчатки. Согласно некоторым авторам эта навигация имела место уже полтора века (автор писал в 1771 году). На многих кораблях и в разные эпохи гибли северо-восточную оконечность Азии. Согласно русским реляциям [л. 5] экспедиции от Лены до Колымы проделывались часто, но определенно кажется, что в восточном океане побывали только 1 раз, огибая Чукотский нос, и по всей вероятности это было в 1648 г. Вот отрывок, что по этому поводу говорит г-н Миллер³².

В 1648 г корабли отправились с Колымы, чтобы проникнуть в Восточный океан [из них – А.Т.] 4 исчезло, а 3 других под командованием Семена Дежнева и Герасима Анкидинова, двух казаков, и Федора Алексеева [Федота Алексеева Попова, торговца – А.Т.], главы промышленников. На каждом *корабле* было около 30 человек экипажа. 20 июня 3 *корабля* отплыли от реки Колымы в эту замечательную экспедицию. Дежнев в своего рода журнале, найденном в Якутске, много говорит о навигации, указывая, однако, что Большой мыс очень отличается от того, который на запад от Колымы неподалеку от Чукотской (Tschuktskoi) реки. Он находится между севером и северо-востоком и дугообразно изгибается в направлении побережья Анадыря, который впадает в море. [л. 6] Аллея Китов возведено около этого места чукчами, которые носят обереги от сглаз из моржовых клыков, также выделанные в форме зубов и вставленные в их внутренние губы. Возможно дойти за 3 дня от этого мыса

Индию. Трагически погиб во время последней из них в районе Новой Земли.

³²По-видимому, речь идет о книге *Миллера Г.Ф.* Описание морских путешествий по Ледовитому и восточному морю, с российской стороны учиненных // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. – 1758. – Январь. – С. 3-27; Февраль. – С. 99-120; Апрель. – С. 291-325; Май. – С. 387-409; – Июль. – С. 9-32; Август. – С. 99-129; Сентябрь. – С. 195-232; Октябрь. – С. 309-336; Ноябрь. – С. 394-425.

до реки Анадырь, а также можно отправиться по земле за тот же промежуток времени. Корабль, на котором Ратманов потерпел кораблекрушение на этом мысе и экипаж был распределен на борта 2-х других. 20.07 Дежнев и Алексеев высадились на землю, произошли стычки с чукчами, в которых Алексеев был ранен. Оба корабля вскоре отчалили и больше не видели друг друга. Корабль Дежнева был окружен ураганными ветрами и течениями и причалил гораздо южнее Анадыря, где он потерпел кораблекрушение. За неделю до этого он рассказал, что смог добраться до берегов этой реки [л. 6 об.], где он не нашел ни лесов ни жителей.

Невозможно назвать никакого другого мореплавателя, более позднего по отношению к Дежневу, который обогнул бы этот мыс на северо-востоке Азии. Беринг, который плавал в 1628 г. от Камчатки к мысу на север-востоке Азии, двигался вдоль побережья Чукотки до 67 градусов 18 минут широты и заметив, что побережье Чукотки приобретает восточное направление, он сделал из этого поспешный вывод, что он прошел северо-восточную оконечность Азии.

Шалауров отправился от Лены в 1761 году, зашел в порт на Яне, оттуда вновь отправился в путь 29 августа, обогнул Святой Нос, 6.07 он открыл на Севере гористую землю, которая, возможно, является островом [Большим Ляховским – А.Т.] Ледовитого моря. Прежде чем с бесконечными трудностям обогнуть пролив, который имелся между островом Диомида [в Беринговом проливе – А.Т.] и Сибирью. Встретив свободное море и северо-восточный ветер, он прошел Аляску, вскоре корабль, бывший слишком близко от земли [л. 7] оказался зажатым со всех сторон огромными льдами, и в конце концов вернулся в устье Колымы. На следующий год он совершил вторую попытку, но вновь вернулся к Колыме. Он попытался в третий раз обогнуть северо-восточную оконечность Азии, но об этом больше ничего не говорится. Следует отметить, что течения постоянно направляются с востока на этот берег.

Таким образом, можно сделать вывод из всего того, что было сказано выше, что мыс на севере Пясины никогда не был обогнут и что существование прохода на северо-востоке Азии основывалось только на авторитете Дежнева, который возможно был бы единственным, который его осуществил.

Размышления над путешествиями по Северу.

От Лены можно было только [неразборчиво] выйти до [неразборчиво] 29 июля было скорее время, когда китобой всех национальностей воз-

вращаются в свои порты, т.е это значило начать путешествие, когда его нужно было бы закончить.

Нужно было перезимовать на Новой Земле в ее западной части, как можно севернее. Иначе говоря, могли отправиться в конце мая или по меньшей мере в начале июня познакомиться с Новой Землей в ее северо-западной части и таким образом держались Севера, до тех пор пока препятствия [из] льда не стали бы препятствовать, и если их встречали, постараться взять на восток. [неразборчиво] корабль откуда, который согласно этой логике на 300 лье дальше, чем Новая Земля и [неразборчиво] когда прошли бы меридиан пролива Беринга³³.

[л. 8] Можно было бы отправиться от Колы....

Далее текст утрачен. Скорее всего, его продолжение находится в в других бумагах, посвященных разработке новых экспедиций на Север.

³³Проблемы неудач в поисках Северо-Западного и Северо-Восточного проходов (Северного морского пути), описанные в «Выписках Траверсе» были в первую очередь связаны с техническими и климатическими проблемами. Деревянный корпус морских судов не был приспособлен к плаваниям в высоких широтах с большими ледяными полями. Короткий летний период так же мешал в организации плаваний. Этому так же препятствовали и постоянные колебания климата в Арктике. Захаров В.Г. на основе анализа климатических и гидрографических данных с 1100 по 2000 гг., выявил, что для Северо-Европейского бассейна и района Северного морского пути к благоприятным сезонам можно выделить 3 временных интервала: 1500-1550, 1700-1750, около 1850 годы. По его данным, на протяжении 3-х столетий (XVI-XVIII) для деятельности в Арктике 66 % сезонов были неблагоприятными. Об этом см.; *Захаров В.Г.* Изменение состояния морских арктических льдов. Формирование и динамика современного климата Арктики. - СПб., 2004; Он же. Опыт гидролого-климатических реконструкций на Шпицбергене по археологическим материалам музея «Помор» рудника Баренцбург (20 поморских памятников XVI-XVIII вв.) // Полярные чтения на ледоколе «Красин» - 2017. Музеи в Арктике и Арктика в музеях. Материалы Пятой международной научно-практической конференции 29-30 апреля 2017 г. – СПб. Изд-во «Паулсен». 2018. – С.10-23. Именно климатические условия не дали достигнуть поставленных задач, поставленных И.И. де Траверсе Ф. Литке, П. Анжу Ф. Врангелю по проходу с запада на восток вдоль Сибири, так как их путешествия пришлось на неблагоприятный период.

ЛИТЕРАТУРА

Английские путешественники о Московском государстве в XVI в // Иностранцы путешественники о России. - Л., 1937. - С. 13-14, 34-36.

Блон Жорж. Великий час океанов. Полярные моря / Пер. с франц. А. М. Григорьева. — М.: Мысль, 1984.— 192 с.: ил.— (Путешествия. Приключения. Поиск).

Гамель И. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. Статья I. // Прибавления к 8 тому Записок ИАН. 1865. № 1. С. 1-179; Статья II Прибавления к 15 тому Записок ИАН. 1869. № 2. С. 181-308.

Гребенщикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. - СПб.: Остров 2007. - 719 с.

Гребенщикова Г.А. Черноморский флот в период правления Екатерины II. - СПб.: 2012. Т. 1. - 511 с., Т. 2. - 559 с.

Записки Чанселлора: открытие России Ричардом Чанселлором при поиске северного пути в Китай. - Архангельск, Правда Севера. 1998. — 126 с.

Захаров В.Г. Изменение состояния морских арктических льдов. Формирование и динамика современного климата Арктики. - СПб., 2004.

Захаров В.Г. Опыт гидролого-климатических реконструкций на Шпицбергене по археологическим материалам музея «Помор» рудника Баренцбург (20 поморских памятников XVI–XVIII вв.) // Полярные чтения на ледоколе «Красин» - 2017. Музеи в Арктике и Арктика в музеях. Материалы Пятой международной научно-практической конференции 29-30 апреля 2017 г. – СПб. Изд-во «Паулсен». 2018. – С.10-23.

Лебедев А.А. «А как военное время наступило, и ...матросы обучение получают»: проблема боевой подготовки русского парусного флота на Балтике// Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы Тринадцатой ежегодной международной научной конференции.- СПб. РХГА. 2012. – С. 220-230.

Лебедев А.А. Балтийский парусный флот в русско-шведских войнах XVIII-начала XIX в.: достижения и проблемы // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы Четырнадцатой ежегодной международной научной конференции. - СПб. РХГА. 2012 – С.185-197.

Лебедев А.А. Балтийский корабельный флот начала XIX в. в свете нового архивного источника // Санкт-Петербург и страны Северной Европы.2016. Вып. 17 (1). С. 150-159.

Марков С. Земной круг. - М.: Современник, 1976. — 1129 с.

Миллер Г.Ф. Описание морских путешествий по Ледовитому и восточному морю, с российской стороны учиненных // Сочинения и переводы, к пользе и

увеселению служащие. – 1758. – Январь. – С. 3-27; Февраль. – С. 99-120; Апрель. – С. 291-325; Май. – С. 387-409; – Июль. – С. 9-32; Август. – С. 99-129; Сентябрь. – С. 195-232; Октябрь. – С. 309-336; Ноябрь. – С. 394-425.

Морозова Л.Е. Сочинения англичан о России XVI в: правда или вымысел // Связь веков. Исследования по источниковедению истории России до 1917 г. - М., 2007. - С. 132-154.

Сычев, Виталий «Маркизова лужа». Легенды и правда о российском морском министре маркизе де Траверсе. - СПб. Премиум-Пресс. 2014. - 292 с.

Сычев В.И. Материалы первых арктических экспедиций 1820–1824 гг. основателей и членов Русского географического общества в документах Российского государственного архива Военно-морского флота // Полярные чтения на ледоколе «Красин» - 2017. Музеи в Арктике и Арктика в музеях. Материалы Пятой международной научно-практической конференции 29-30 апреля 2017 г. – СПб. Изд-во «Паулсен». 2018. - С. 363-388.

Шатне, Мадлен дю. Жан Батист Траверсе, министр флота российского. - М., Наука. 2003. – 97 с.

Andersen M.S. Britain's discovery of Russia 1553-1815. - London, St Martin's Press. 1958. – 245 p.

Branch M. British travelers among the Samoyedes // JSFOu. Vol. 72. 1975.

Markham, A. H. The Voyages and Works of John Davis the Navigator. Hakluyt Society. Descriptions of the three voyages Davis undertook to discover the Northwest Passage. — Reissued by Cambridge University Press, 2010. - 419 p.

REFERENCES

Anglijskie puteshestvenniki o Moskovskom gosudarstve v XVI veke [English travelers about the Moscow state in the 16th century], in *Inostrannye puteshestvenniki o Rossii [Foreign travelers about Russia]*. Leningrad, 1937. P. 13-14, 34-36. (In Russian)

Andersen M.S. *Britain's discovery of Russia 1553-1815*. London, St Martin's Press. 1958. – 245 p.

Blon Zhorzh. Velikij chas okeanov. Poljarnye morja [Great hour of the oceans. Polar seas]. Translation from French by A. M. Grigor'eva. Moscow: Mysl' Publ., 1984. 192 p.: il. (Puteshestvija. Priključenija. Poisk). (In Russian)

Branch M. British travelers among the Samoyedes, in *JSFOu*. Vol. 72. 1975.

Gamel' I. Anglichane v Rossii v XVI i XVII stoletijah. Stat'ja I [The British in Russia in the 16th and 17th centuries], in *Pripravlenija k 8 tomu Zapisk IAN [Additions to the first*

volume of *IAN Notes*]. 1865. № 1. P. 1-179; Stat'ja II Pribavlenija k 15 tomu Zapisok IAN. 1869. № 2. P. 181-308. (In Russian)

Grebenshnikova G.A. *Baltijskij flot v period pravlenija Ekateriny II [Baltic Fleet during the reign of Catherine II]*. Saint-Petersburg: Ostrov Publ., 2007. 719 p. (In Russian)

Grebenshnikova G.A. *Chernomorskij flot v period pravlenija Ekateriny II. [The Black Sea during the reign of Catherine II]*. Saint-Petersburg, 2012. T. 1. - 511 p., T. 2. - 559 p. (In Russian)

Lebedev A.A. «A kak voennoe vremja nastupilo, i ...matrosy obuchenie poluchajut»: problema boevoj podgotovki russkogo parusnogo flota na Baltike [Ah, how the war came and sailors receive training: the problem of combat training of the Russian sailing fleet in the Baltic], in *Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy [Saint-Petersburg and the Nordic countries]*. Materialy Trinadcatoj ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Saint-Petersburg, RHGA Publ., 2012. P. 220-230. (In Russian)

Lebedev A.A. Baltijskij parusnyj flot v rusko-shvedskih vojnah XVIII – nachala XIX v.: dostizhenija i problemy [Baltic sailing fleet in the Russian-Swedish wars of the 18th–early 20th centuries: achievements and problems], in *Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy [Saint-Petersburg and the Nordic countries]*. Materialy Chetyrnadcatoj ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Saint-Petersburg, RHGA Publ., 2012 P. 185-197. (In Russian)

Lebedev A.A. Baltijskij korabel'nyj flot nachala XIX v. v svetenovogo arhivnogo istochnika [Baltic ship fleet of the early 19th century in the light of a new archival source], in *Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy [Saint-Petersburg and the Nordic countries]*. 2016. Issue. 17 (1). P. 150-159. (In Russian)

Markham, A. H. *The Voyages and Works of John Davis the Navigator*. Hakluyt Society. Descriptions of the three voyages Davis undertook to discover the Northwest Passage. Reissued by Cambridge University Press, 2010. - 419 p.

Markov S. *Zemnoj krug [Earth circle]*. Moscow: Sovremennik Publ., 1976. – 1129 p. (In Russian)

Miller G.F. Opisanie morskikh puteshestvij po Ledovitomu i vostochnomu morju, s rossijskoj storony uchinennyh [Description of sea voyages across the Arctic and East Sea undertaken from the Russian side], in *Sochinenija i perevody, k pol'ze i uveseleniju sluzhashhie [Works and translations serving for the benefit and amusement]*. 1758. Janvar'. P. 3-27; Fevral'. P. 99-120; Aprel'. P. 291-325; Maj. P. 387-409; Ijul'. P. 9-32; Avgust. P. 99-129; Sentjabr'. P. 195-232; Oktjabr'. P. 309-336; Nojabr'. P. 394-425.

Morozova L.E. Sochinenija anglichan o Rossii XVI v.: pravda ili vymysel [Works of the British about Russia of the 16th century: truth and fiction], in *Svjaz' vekov. Issledovanija po istochnikovedeniju istorii Rossii do 1917 goda [Communication centuries. Studies on*

the source study of the history of Russia until 1917]. Moscow, 2007. P. 132-154. (In Russian)

Shatne M. du. *Zhan Batist Traverse, ministr flota rossijskogo [Jean-Baptiste Traversé, Russian fleet minister]*. Moscow, Nauka Publ., 2003. – 97 p. (In Russian)

Sychev V. «Markizova luzha». *Legendy i pravda o rossijskom morskom ministre markize de Traverse [«Marquise's puddle. Legends and truth about the Russian naval minister de Traversé*. Saint-Petersburg: Premium-Press Publ., 2014. - 292 p. (In Russian)

Sychev V.I. Materialy pervyh arkticheskikh jekspeditsij 1820–1824 gg. osnovatelej i chlenov Russkogo geograficheskogo obshhestva v dokumentah Rossijskogo gosudarstvennogo arhiva VoЕННО-morskogo flota [Materials of the first Arctic expeditions of 1820–1824 of the founders and members of the Russian Geographical Society in the documents of the Russian State Archive of the Navy], in *Poljarnye chtenija na ledokole «Krasin» [Polar readings on the icebreaker Krasin]*. 2017. Muzei v Arktike i Arktika v muzejah. Materialy Pjatoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii 29-30 aprelja 2017 g. Saint-Petersburg: Izd-vo «Paulsen» Publ., 2018. P. 363-388.

Zaharov V.G. *Izmenenie sostojanija morskih arkticheskikh l'dov. Formirovanie i dinamika sovremennogo klimata Arktiki [Change in the state of Arctic sea ice. The formation and dynamics of the modern climate of Africa]*. Saint-Petersburg, 2004. (In Russian)

Zaharov V.G. Opyt gidrologo-klimaticheskikh rekonstrukcij na Shpicbergene po arheologicheskim materialam muzeja «Pomor» rudnika Barenburg (20 pomorskih pamjatnikov XVI–XVIII vv.) [The experience of hydrological and climatic reconstructions in Svalbard according to archaeological materials of the Pomor museum of the Barentsburg mine (20 Pomeranian monuments of the 16–18 centuries)], in *Poljarnye chtenija na ledokole «Krasin» [Polar readings on the icebreaker Krasin]*. 2017. Muzei v Arktike i Arktika v muzejah. Materialy Pjatoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii 29-30 aprelja 2017 goda. Saint-Petersburg: Izd-vo «Paulsen» Publ., 2018. P.10-23.

Zapiski Chansellora: otkrytie Rossii Richardom Chansellorom pri poiske severnogo puti v Kitaj [Chancellor's Notes: The Discovery of Russia by Richard Chancellor in Search of the Northern Way to China]. Arhangel'sk, Pravda Severa Publ., 1998. – 126 p. (In Russian)

Т. Н. Гончарова

Гончарова Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Нового и новейшего времени Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: t.goncharova@spbu.ru; markicha@yandex.ru

КРИТЕРИИ ОТБОРА ПЕРСОНАЛА ДЛЯ КОНСУЛЬСКОЙ СЛУЖБЫ ФРАНЦИИ В РОССИИ (1814–1848)¹

В эпоху Реставрации и Июльской монархии существовали существенные отличия между дипломатической и консульской службами. Соответственно, критерии назначения в значительной мере разнились. Около 40 человек были задействованы на консульской службе в России между 1814 и 1848 гг. Из них около 30-ти имели звания консулов, вице-консулов и консульских агентов, 14 – начальников канцелярии. Какие критерии учитывались в первую очередь при отборе персонала на консульскую службу в различных регионах Российской империи? Существовала ли разница в критериях, использовавшихся режимами Реставрации и Июльской монархии? В основу исследования легли личные досье на консульских служащих из дипломатического архива министерства иностранных дел Франции.

Констатируется, что большое количество французских консульских служащих вступили в должность во время своего нахождения в Российской империи по тем или иным обстоятельствам личного или делового характера. Отсюда их значительно большая по сравнению с дипломатами осведомленность относительно российских реалий. Однако среди консульских агентов встречались также и те, кто не имел особенных связей с Россией до своего назначения. Такие служащие, как правило, вышли из системы подготовки кадров, организованной министерством иностранных дел. Рекомендации и покровительство также играли основную роль в консульских назначениях. В социальном плане подавляющая часть консульских пред-

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00383.

ставителей, в отличие от дипломатов, не принадлежала к благородному сословию, являясь выходцами из торговой и промышленной буржуазии. Но так обстояло дело не только в России. Кроме того, следует подчеркнуть тот факт, что некоторые из них продолжали карьеру, начатую давно, во времена Наполеона, что является еще одним доказательством того, насколько значимым считалось наличие опыта.

Ключевые слова: Реставрация, Июльская монархия, консульская служба, консулы, вице-консулы, консульские агенты.

T. Goncharova

Goncharova Tatiana Nikolaevna, PhD in History, Docent of the Department of Modern and Contemporary history, Institute of History, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation.

E-mail: t.goncharova@spbu.ru; markicha@yandex.ru

APPOINTMENT CRITERIA FOR THE FRENCH CONSULATES IN RUSSIA (1814–1848)²

At that time there was a basic difference between the diplomatic and consular services. Accordingly, the appointment criteria were quite different. Some 40 men took part in the consular service in Russia between 1814 and 1848. About 30 of them had the title of consuls, vice-consuls and consular agents, 14 were chiefs of office. Which criteria came first, when selecting personal for consular service in the various regions of the Russian Empire? Was there a difference between the regimes of the Restoration and the July monarchy? The study was based on personal files on consular employees from the diplomatic archive of the Ministry of Foreign Affairs of France.

It appears that a large number of French consular agents came to their office as they already stayed in the Russian Empire for one reason or another of a personal or business nature. So that they know everyday Russian realities much better than diplomats. However, among the consular agents some had no special ties with Russia before their appointment. They had gone through the schooling organized by the Ministry of Foreign Affairs. Recommendations and patronage played also a major part in consular designations. In

²The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-09-00383.

social terms, the vast majority of consular employees, unlike diplomats, did not belong to the noble class. They came from the commercial and industrial bourgeoisie. But this was not only the case in Russia. Moreover, one should underline the fact that some of them continued a career which they had begun long ago, at the time of Napoleon, another hint of the importance given to the experience in the consular services.

Keywords: Restoration, July monarchy, consular service, consuls, vice-consuls, consular agents.

По подсчетам, проведенным на основе знакомства с личными делами консульских служащих из дипломатического архива министерства иностранных дел Франции, более 40 человек эпохи Реставрации и Июльской монархии были задействованы на консульской службе в России между 1814 и 1848 гг. Из них около 30-ти имели звания консулов, вице-консулов и консульских агентов, 14 – начальников канцелярии. Какие критерии учитывались, в первую очередь, при наборе в консульства на территории Российской империи? Существовала ли разница в критериях, использовавшихся режимами Реставрации и Июльской монархии?

Консульские служащие, вступившие в должность в России

Отметим, что в отличие от критериев, использовавшихся при наборе дипломатов, где знакомство со страной пребывания было поверхностным, почерпнутым в лучшем случае из книг или архивных документов³, знание Российской империи являлось одним из факторов отбора кандидатов для консульских постов на ее территории, многие сотрудники вербовались на местах. Но все они были французами по рождению или натурализованными.

По традиции, начальники консульских канцелярий были уроженцами страны службы, но по постановлению от 20 августа 1833 г. они должны

³Гончарова Т. Н. Между Парижем и Санкт-Петербургом. Посольство Франции в России (1814–1848). Санкт-Петербург, 2017. С. 62–64; Гончарова Т. Н. Военный или гражданский? Бонвпартист или роялист? Отбор кадров для посольства Франции в России (1814–1848) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2018. № 18 (2). С. 99–130.

были быть французами и не моложе 25 лет. Однако это постановление не всегда соблюдалось. Ладислас Коше, родившийся в Варшаве 27 июня 1820 г., и, следовательно, подданный российского императора, исполнял, тем не менее, обязанности начальника канцелярии во французском консульстве в Варшаве, начиная с 1838 г. Министерство подтвердило его назначение в 1842 г., пойдя навстречу просьбе консула Шарля Констана Тейса. Впоследствии Л. Коше послал в министерство просьбу о повышении в карьере, прося вознаградить его за *«девять лет усердной службы в стране, где всякая другая карьера для меня отныне закрыта»*⁴. Его просьба была удовлетворена лишь после Февральской революции 1848 г.

Большинство консульских агентов, вступивших в должность на местах, привели в Российскую империю те или иные личные причины. Жан Батист Николая Фабэн, приехав к родственнику в 1816 г., был определен к некому фабриканту в Москве за жалованье в 3 000 франков. По истечении четырех лет он отправился в Санкт-Петербург и предложил свои услуги генеральному консульству, куда был принят в качестве начальника канцелярии⁵. Так началась длительная карьера Ж. Б. Фабэна в качестве консульского агента в России.

В эпоху Реставрации некоторые из консулов, получивших назначение в Россию, имели уже некоторое знакомство со страной, побывав там по гражданским или военным надобностям во времена Первой империи. Так, Адриен Кошле, аудитор в Государственном Совете, находился на территории Российской империи в июле 1812 г. в качестве атташе при генеральном интендантстве Великой армии. Он исполнял обязанности интенданта губернии Белосток в Литве⁶. Младший брат чтицы и доверенного лица⁷ королевы Гортензии⁸, он начал свою консульскую карьеру в России после того, как прожил там четыре года. Прибыв в Санкт-

⁴Письмо Коше к Гизо от 30 сентября 1846, Варшава. AMAE. Personnel 1ère série. Dossier Cochet № 988.

⁵AMAE. Personnel 1ère série. Dossier Fabin № 1541.

⁶Etat général des services de M. Cochelet (Adrien Louis). AMAE. Personnel 1ère série. Dossier Cochelet № 986.

⁷Луиза Кошле, которую К.В. Нессельроде называет «известная демуазель» в письме к Поццо ди Борго от 1823 г., была автором «Мемуаров о королеве Гортензии и императорской фамилии», опубликованных в 1836–1837 гг. AMAE. Personnel 1ère série. Dossier Cochelet № 986. См. также: Mémoires sur la reine Hortense et la famille impériale. Paris, 1836–1837.

⁸Гортензия де Богарнэ (1783–1837 гг.). Падчерица Наполеона и супруга короля Голландии Луи Бонапарта.

Петербург в 1820 г. в рамках промышленной миссии барона Нефлице для ввода в действие новых машин на русских ткацких фабриках, он был замечен за свои деловые качества⁹. В 1823 г. министр иностранных дел Российской империи К. В. Нессельроде обратился к послу во Франции Ш.-А. Поццо ди Борго с просьбой представить в выгодном свете способности в области коммерции и административные знания А. Кошле как подходящие для того, чтобы он смог начать консульскую карьеру, несмотря на бонапартистское прошлое¹⁰. Впрочем, Поццо ди Борго с давних пор проявлял интерес к А. Кошле, которого пытался определить на консульскую службу еще в 1814 г.¹¹

Посол Франции Огюст де Лаферронэ часто виделся с А. Кошле в Петербурге, установил за ним наблюдение, но кончил тем, что рекомендовал его в свою очередь на должность консула (ноябрь 1823 г.)¹². Стоявший во главе иностранной политики Ф.-Р. де Шатобриан отказался, тем не менее, принять его на службу. Министр сослался на суровость регламента консульств. За неимением лучшего, А. Кошле служил помощником начальника канцелярии и временно исполняющим обязанности руководителя канцелярии в генеральном консульстве Санкт-Петербурга¹³. Затем, в декабре 1824 г., О. де Лаферронэ рекомендовал его на должность консула в Варшаве: *«Учитывая все эти соображения, и, более того, имея возможность лично узнать характер, мнения и принципы Кошле в течение четырех лет кряду, что он провел в России, я не думаю, что было бы возможно сделать выбор более полезный для французской колонии и который представляет одновременно более гарантий всякого рода»*¹⁴. На

⁹Письмо Нессельроде к Поццо ди Борго, 1823 г. СПб. АМАЕ. Personnel 1ère série. Dossier Cochelet № 986.

¹⁰А. Кошле служил Наполеону I во время «Ста дней» как префект департамента Мёз (Meuse).

¹¹Письмо Поццо ди Борго к Нессельроде от 14/26 сентября 1814, Париж // Донесения французских представителей при русском дворе и русских представителей при французском дворе (1814–1820): В 3 т. / Под ред. А. Половцова. Сборник русского исторического общества (Сб. РИО). СПб., 1901–1908. Т.1. С. 95. Известно, что Александр I покровительствовал семейству Богарнэ в эпоху Первой Реставрации.

¹²Письмо Лаферронэ в министерство от 18/30 ноября 1823, СПб. АМАЕ. Personnel 1ère série. Dossier Cochelet № 986.

¹³С ноября 1823 г. по январь 1825 г.

¹⁴ Письмо Лаферронэ к Дама от 20 декабря 1824, Париж. АМАЕ. Personnel 1ère série. Dossier Cochelet. № 986.

этот раз, посол добился большего успеха. Однако не в России, а в других странах А. Кошле удалось сделать блестящую карьеру в консульствах. В этом его случай остается исключительным, так как консульские служащие, рекрутированные на месте, оставались обычно в России в течение многих лет.

Другой местный выдвиженец, Гуг Валад, атташе при генеральном консульстве с 1816 по 1824 г., сотрудничавший в одной из газет российского правительства, должен был равным образом превозмогать законодательные барьеры. Лаферронэ, который, по-видимому, особенно ценил его способности, отправил его в Париж в августе 1823 г. с поручением доставить депешу Шатобриану и рекомендовал его для консульской карьеры¹⁵. Безуспешно. Новый провал в декабре, когда внезапная кончина Буржуа де Ножана освободила должность вице-консула в Санкт-Петербурге¹⁶. В 1824 г. Г. Валад стал начальником канцелярии генерального консульства Франции в российской столице. Правила противились принятию начальников канцелярии для службы в качестве вице-консула или консула¹⁷. Однако Лаферронэ настоятельно просил сделать для Валада исключение. В конце концов, заваленная рекомендательными письмами центральная администрация пошла на уступки и вручила Валаду диплом почетного вице-консула в 1826 г. Это звание повысило престиж Валада в глазах русской администрации, хотя и не внесло никаких существенных изменений в его положение¹⁸. Лишь в 1831 г., после ликвидации генерального консульства, он получил, наконец, звание вице-консула, возглавив канцелярию посольства.

Жозеф-Филипп Мефреди не проживал в России во время своего определения на консульскую службу, но прекрасно знал страну. Его детство прошло в Крыму, рядом с губернатором Одессы герцогом А.Э. де Ришелье, который воспитал его. В 1814 г. Мефреди последовал во Францию вслед за своим благодетелем. В Париже он жил, по собственному его при-

¹⁵Депеша Лаферронэ от 19/31 августа 1823. АМАЕ. CP Russie. Vol. 165. F. 156.

¹⁶Письмо Лаферронэ к Шатобриану от 10 декабря 1823, СПб. АМАЕ. Personnel 1re série. Dossier Valade № 3999.

¹⁷Именно на эту причину сослался М. де Дама в своей инструктивной записке к О. де Лаферронэ от 15 ноября 1825 г. В этой же самой инструктивной записке М. де Дама предложил для Г. Валада звание почетного вице-консула, которым были удостоены многие начальники канцелярии. См.: Письмо Лаферронэ к Дама от 11/23 марта 1826, СПб. Ibidem.

¹⁸Ibidem.

знанию, «не помышляя о службе»¹⁹. Но после смерти герцога де Ришелье в 1822 г. он пожелал вернуться в Россию. Его просьба была удовлетворена, и он получил место консульского агента в Феодосии, вакантное с тех пор, как Андре-Адольф Шаллэ получил назначение консулом в Одессе²⁰. Эта должность давала надежду стать вице-консулом по прошествии двух или трех лет службы.

Что же до вице-канцлера в Москве Антуана Рюинара де Бримона, он оказался на этой должности по распоряжению Людовика XVIII от 22 июля 1821 г., после того как осуществил длительное путешествие во внутренние области Российской империи²¹.

Жак-Франсуа Гамба был назначен консулом в Тифлисе в 1822 г. во время своего нахождения на территории Российской империи после того, как осуществил несколько путешествий на юг, в интересах некоего частного негодянта, а также по поручению министерства внутренних дел. Это консульство было создано специально для него, так что он стал первым европейским консулом в Грузии, где англичане не имели своего представителя, несмотря на большое число торговых факторий, которыми они там располагали²².

Выгода от зачисления на службу прямо на месте была очевидна, потому что консульские служащие, рекрутированные таким образом, владели языком и знали не понаслышке о реальной ситуации в стране пребывания. Среди вышеупомянутых консульских агентов, доподлинно известно, что Ж. Б. Фабэн свободно владел русским языком, так же, как и Ж.-Ф. Меффеди.

С другой стороны, консульские служащие, вступившие в должность находясь в России, желали, как правило, остаться там, в отличие от служащих, присланных из Франции. Вся консульская карьера Ж. Б. Фабэ-

¹⁹Письмо Меффеди к Дама от 30/18 июня 1825, Одесса. AMAE. Personnel 1ère série. Dossier Maiffredy № 2695.

²⁰Личное дело Ж.-Ф. Меффеди позволяет дополнить сведения, приведенные в биографии герцога де Ришелье пера современного французского историка Эммануэля де Варескьяля. Молодой кадет, упомянутый на с.146, которого герцог де Ришелье усыновил на судне под французским флагом, является, по-видимому, нашим консульским агентом. Зато в нем нет ничего от «швейцарского дипломата» (с.149). См.: *Waresquiel E. de. Le duc de Richelieu. Paris, 1990. P. 146, 149.*

²¹Послужной список А.Ф. Рюинара де Бримона от 4 сентября 1821, Париж. AMAE. Personnel 1ère série. Dossier Ruinart de Brimont № 3590.

²²Note pour le ministre. AMAE. Personnel 1ère série. Dossier Gamba № 1743.

на, так же, как и Г. Валада, прошла в России. Консульский агент Ж.-Ф. Мефреди, обратившись в министерство с просьбой о повышении в звании в 1825 г., выразил желание служить, по преимуществу, в Российской империи. Свое желание он аргументировал тем, что именно там мог бы принести более всего пользы²³. Продолжи он военную службу в России, подчеркивал он для министра, то к 1825 г. стал бы уже, по меньшей мере, подполковником, как товарищи его молодости²⁴. Его сетования были услышаны. В 1828 г. он был назначен на должность вице-консула, потом консула в Риге в 1831 г., до тех пор, пока состояние его здоровья не вынудило его возвратиться во Францию в 1835 г.

Практически никто из вышеперечисленных лиц не прошел специального обучения, прежде чем был определен на консульскую службу в России. Самоучки, они обучались на практике, начав службу с самых низших должностей консульской иерархии, таких как начальник канцелярии или консульский агент.

По представленным А. Контамином данным, из 220 консульских служащих, назначенных Реставрацией, только пятая часть принадлежала или претендовала на принадлежность к дворянству, треть агентов служили уже при Наполеоне, в то время как среди дипломатов таковых набиралась лишь четверть²⁵. Эта констатация в полной мере оправдывает себя на российском примере. Кроме Гамбы, который был выходцем из фламандского дворянства, большинство консульских служащих в России имели буржуазное происхождение. Личные дела некоторых из них не содержат никакого указания на их социальное происхождение, настолько оно было незначительным, как в случаях Фабэна или Валада.

Консульские служащие, прибывшие из Парижа

Консульские представители, назначенные центральной администрацией, не имея особенных связей с Россией, являлись зачастую питомцами системы подготовки кадров, которая существовала в эпоху Реставрации и Июльской монархии. Администрация проявляла больше требовательности к консулам, чем к дипломатам. Распоряжение от 15 декабря 1815 г., дополненное правилами от 11 июня 1816 г., предусматривало, что 12

²³Письмо Мефреди к Дама от 30/18 июня 1825, Одесса. AMAE. Personnel 1ère série. Dossier Maiffredy № 2695.

²⁴Письмо Мефреди к Дама от 10 октября 1825, Одесса. Ibidem.

²⁵*Contamine H. Diplomatie et diplomates sous la Restauration 1814–1830. Paris, 1970. P. 235.*

учеников вице-консулов будут прикреплены к генеральным консулам и консулам. Их принимали по достижении возраста 20–25 лет, после прохождения обучения на факультете словесности, а также посещения лекций по коммерческому праву на юридическом факультете. По окончании обучения ученики вице-консулы должны были владеть английским, немецким или испанским языками. Экзамен выявлял, имеют ли они необходимые математические понятия для обмера вместимости судна, для снятия планов и определения местности. Они должны были обладать понятным почерком. Ученики вице-консулы получали в 1816 г. ежегодное жалованье в 2 000 франков²⁶.

В соответствии с распоряжением от 20 августа 1833 г. количество учеников возросло до 15-ти, с уточнением, что они будут набраны преимущественно среди сыновей и внуков консулов, имеющих за плечами 20 лет службы (но можно было рекомендовать лишь одного из отпрысков). В распоряжении от 26 апреля 1845 г. содержалось требование более глубокого знания административных текстов²⁷.

После пяти лет службы ученики вице-консулы могли быть назначены консулами второго класса в пропорции 3/5 от имеющихся вакансий.

Некоторые из этих учеников находились на консульской службе в России. Молодой Антуан Франсуа Рюинар де Бримон, рекомендованный своим отцом, президентом выборной коллегии Реймского округа, был отправлен в Санкт-Петербург в 1817 г. как ученик при генеральном консульстве²⁸. По прошествии четырех лет он получил назначение вице-консулом в Москве, где и пребывал до 1823 г.

«Стажировки» учеников вице-консулов могли продолжаться многие годы. Шарль Констан Тейс провел шесть лет как ученик и более года управлял Варшавским консульством (1835–1836 гг.), прежде чем получил консульское звание. При этом глава коммерческого отдела министерства Сен-Крик характеризовал его как нельзя более лестно: *«Прекрасное образование, обширные знания, отличное владение основными европей-*

²⁶Histoire de l'administration française. Les affaires étrangères et le corps diplomatique français : 2 t. / Sous la direction de J. Baillou. Paris, 1984. Т. 1.

²⁷Ibid.

²⁸Письмо Рюинара де Бримона к герцогу де Ришелье от 28 мая 1818, СПб. МАЕ. Personnel 1ère série. Dossier Ruinart de Brimont № 3590.

скими языками и, в особенности, немецким, достойное поведение всегда и везде»²⁹.

Несмотря на упомянутый институт учеников вице-консулов, рекомендации и покровительство играли основную роль, и прямое зачисление на службу на основании неоплачиваемой стажировки оставалось частым явлением. Незаслуженные льготы не были редкостью, и другие расплачивались за это неоправданными задержками в карьерном росте. Антуан-Луи Васс Сент-Уан жаловался в 1830 г. на слишком медленную карьеру после 29 лет службы, несмотря на знание им восточных языков и услуги, оказанные в свое время его отцом, бывшим депутатом Совета пятисот, вдовствующей герцогине Орлеанской³⁰. В конечном счете, он получил должность консула в Одессе в 1833 г.

Личное дело Ремона Дюрана, хранящееся в дипломатическом архиве министерства иностранных дел, изобилует рекомендательными письмами от трех его дядей, из которых двое были депутатами и один банкиром. В этих рекомендациях все трое вспоминали отца Р. Дюрана, бывшего мэра Монпелье, погибшего на гильотине в 1793 г.³¹ В конечном счете, Дюран получил назначение консулом в Варшаву в 1826 г.

Наследственность консульской должности, которая превалировала в Леванте, не получила распространения в России. Лишь Ги, исполняя в течение 1829 г. обязанности начальника канцелярии генерального консульства в Петербурге, напоминал о знаменитой династии в левантийских портах.

Но бывшие и действующие кадры министерства иностранных дел или дипломатии стремились добиться милостей для своих родственников. Граф Матюрен де Лафоре, бывший посол Наполеона в Мадриде, рекомендовал кандидатуру своего племянника Жана-Пьера Гальц де Мальвирада на должность консульского представителя в России: *«У меня нет сына, – писал он Ш.-М. де Талейрану в 1814 г., – и на этом племяннике я желал бы видеть отражение заслуг моей собственной службы,*

²⁹Заметка Сен-Крика о Тесе с целью продвижения его по службе. АМАЕ. Personnel 1ère série. Dossier Theis № 3897.

³⁰Письмо Васс Сент-Уана к Луи-Филиппу королю французов от 28 декабря 1830, Париж. АМАЕ. Personnel 1ère série. Dossier Vasse Saint-Ouen № 4035.

³¹Письмо Дюрана Фажу, члена Палаты депутатов, к герцогу Ангулемскому от 9 октября 1815, Париж. Письмо барона Дюрана Фажу, депутата Эро, и Дюрана, депутата Восточных Пиренеев в министерство от 16 марта 1822, Париж. АМАЕ. Personnel 1ère série. Dossier Durand № 1470.

будь он сам менее достоин»³². Ж.-П. Гальц де Мальвирад получил сначала незначительную должность в санкт-петербургском посольстве, затем стал генеральным консулом.

А в Варшаве на консульской службе находился в 1837 г. некий Бренье по имени Анатоль, сын главного бухгалтера министерства иностранных дел в Париже³³.

Наконец, некоторые из тех, кто начал свою консульскую карьеру при Первой империи³⁴ продолжали свою деятельность, как Жозеф Дорьоль, бывший офицер и генеральный консул в Неаполе (1809–1814). Он получил назначение консулом в Одессе в сентябре 1814 г.³⁵ А.-А. Шаллэ, сменивший Ж. Дорьоля на этой должности в 1821 г., также начал свою службу при Первой империи. После ранения при Йене в 1806 г., он служил в военной администрации, в частности, в Испании. Шарль де Либессар, перенесший тюремное заключение за участие в неудачной попытке роялистского переворота 13 вандемьера, также приобрел опыт административной деятельности в 1807–1814 гг. в качестве судьи в Сенлис. Адриен Кошле следовал за Великой армией Наполеона в составе ее генерального интендантства. Виоллье насчитывал 17 лет службы в армии на момент отречения Наполеона в апреле 1814 г. Сен-Совер и Васс Сент-Уан, оба выпускники школы восточных языков, в эпоху Первой империи начинали свою деятельность в качестве переводчиков при консульских представительствах в Леванте.

В целом, в эпоху Реставрации, как утверждается в обобщающем труде под редакцией Ж. Байу, переходы персонала от одного вида службы к другому, от дипломатической карьеры к консульской или наоборот, а также переходы между центральной администрацией в Париже и службами в регионах были крайне редки³⁶. Такая констатация представляет

³²Письмо Лафоре к Талейрану от 2 июня 1814, Париж. AMAE. Personnel 1ère série. Dossier Galtz de Malvirade № 1742.

³³См.: письмо Казимира Перье к Талейрану от 31 декабря 1831, Париж. Ibid. Dossier Brenier № 621.

³⁴См.: *Гончарова Т. Н.* Консульская служба Франции в России от основания до 1814 г. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2009. № 3. С. 61–68.

³⁵Послужной список Дорьоля. Ibid. Dossier Doriol № 1353.

³⁶Histoire de l'administration française. Les affaires étrangères et le corps diplomatique français: 2 t. / Sous la direction de J. Baillou. Paris, 1984. T. 1. P. 534

ся немного менее верной для Июльской монархии. Пример России подтверждает эти выводы, кроме некоторых исключений.

Случай с шевалье Ж.-П. Гальц де Мальвирадом является исключительным. Он начал свою карьеру как второй секретарь посольства Франции в России в 1814 г. и являлся поверенным в делах в течение двух лет с 1818 по 1819 гг. Но назначение 29 октября 1819 г. резко изменило его судьбу, так как ему было поручено руководство генеральным консульством в Санкт-Петербурге. Гальц де Мальвирад остался в должности генерального консула почти 12 лет, вплоть до ликвидации французского торгового представительства в российской столице. Этот переход из дипломатической карьеры в консульскую объясняется, вероятно, административным опытом, приобретенным Гальц де Мальвирадом при Первой империи, когда он являлся аудитором первого класса при Государственном совете и супрефектом Бордо³⁷.

Анатоль Бренье, до того, как получить назначение консулом в Варшаву в 1837 г., исполнял обязанности второго секретаря в Лондоне и поверенного в делах в Брюсселе. Впоследствии он заменит своего отца в дирекции фондов и бухгалтерии министерства иностранных дел и будет полномочным министром в Неаполе³⁸.

Жюль Ру де Рошелль, до того как начать исполнять обязанности консула в Лейпциге (1840), затем в Москве (1843), имел за плечами 22 года дипломатической карьеры³⁹. Письма Ж. Ру де Рошелля к министру иностранных дел А. Тьеру, относящиеся к 1840 г., свидетельствуют о его удовлетворенности новым положением. Консул писал, что его *«новое положение, будучи более независимым»*⁴⁰, позволяет ему помышлять о женитьбе, которую он откладывал в силу обязанностей своей службы в качестве секретаря дипломатической миссии.

В целом, среди консульских служащих, не имевших никаких связей с Россией на момент своего определения на службу, также преобладали выходцы из буржуазных семей. В тех случаях, когда некоторые из них или их предков получили дворянский титул, это было недавнее дво-

³⁷Письмо Гальц де Мальвирада к Талейрану от 2 июня 1814, Париж. АМАЕ. Personnel 1ère série. Dossier Galtz de Malvirade № 1742.

³⁸Послужной список Бренье. Декрет от 7 ноября 1855 г. о назначении А. Бренье полномочным министром в Неаполе. Ibid. Dossier Brenier № 621.

³⁹Послужной список Ру де Рошелля. Ф. Гизо – Ж. Ру де Рошелль, 24 января 1843, Париж. Ibid. Dossier Roux de Rochelle № 3574.

⁴⁰Письмо Ру де Рошелля к Тьеру от 28 августа 1840, Париж. Ibidem.

рянство, приобретенное за заслуги на поприще магистратуры и т.п. Так, Васс Сент-Уан был сыном магистрата Парижского парламента и судьи Кассационной палаты в эпоху Первой империи, Н. Вейер сыном казначея департамента Мозель, Дюфло де Сент-Аманд сыном буржуа из Шартра, Ш. де Либессар сыном магистрата и т.д. К тому же, как было указано выше, среди консульских агентов, назначенных в Россию, были такие, чьи родственники служили в дипломатии, как это было в случае Бренье де Риошьера, Деспрео де Сен-Совера, Муассона, Ру де Рошелля.

На основании проведенного исследования, можно констатировать, что общая тенденция в критериях отбора персонала на консульскую службу в Российской империи состояла в том, чтобы назначать туда лиц, хорошо знавших страну. И в этом заключалось принципиальное отличие консулов от служащих посольства, зачастую на момент своего назначения имевших смутное представление о России.

Большая часть консульских представителей, в отличие от дипломатов, не принадлежала к благородному сословию, являясь выходцами из промышленной или торговой буржуазии. И в этом отношении не наблюдается никакого разрыва в критериях набора на консульскую службу в России между 1814–1830 и 1830–1840-ми гг.

И Реставрация, и Июльская монархия охотно пользовались услугами лиц, начавших консульскую карьеру, либо просто карьеру в администрации при Первой империи. Консулы обладали большей автономией по сравнению с дипломатами, поэтому в России имелись случаи перехода из дипломатической карьеры на консульскую службу.

ЛИТЕРАТУРА

Гончарова Т. Н. Консульская служба Франции в России от основания до 1814 г. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2009. № 3. С. 61–68.

Гончарова Т. Н. Между Парижем и Санкт-Петербургом. Посольство Франции в России (1814–1848). Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2017.

Гончарова Т. Н. Военный или гражданский? Бонвпартист или роялист? Отбор кадров для посольства Франции в России (1814–1848) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2018. № 18 (2). С. 99–130.

Таньшина Н. П. Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского. М.: Политическая энциклопедия, 2018.

Contamine H. *Diplomatie et diplomates sous la Restauration 1814–1830*. Paris : Hachette, 1970.

Histoire de l'administration française. Les affaires étrangères et le corps diplomatique français : 2 t. / Sous la direction de J. Baillou. Paris : CNRS, 1984. T. 1.

Waresquiel E. de. *Le duc de Richelieu*. Paris : Perrin, 1990.

REFERENCES

Goncharova T. N. Konsul'skaja sluzhba Francii v Rossii ot osnovanija do 1814 g. [The consular service of France in Russia from the founding to 1814], in *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni [Proceedings of the department of Modern and Contemporary history]*. 2009. № 3. P. 61–68. (In Russian)

Goncharova T. N. *Mezhdju Parizhem i Sankt-Peterburgom. Posol'stvo Francii v Rossii (1814–1848) [Between Paris and St-Petersburg. French Embassy in Russia (1814–1848)]*. Saint-Petersburg: RHGA Publ., 2017. (In Russian)

Goncharova T. N. Voennyj ili grazhdanskij? Bonvpartist ili rojalist? Otbor kadrov dlja posol'stva Francii v Rossii (1814–1848) [Military or civilian? Bonapartist or royalist? Selection of personnel for the French Embassy in Russia], in *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni [Proceedings of the department of Modern and Contemporary history]*. 2018. № 18 (2). P. 99–130. (In Russian)

Tan'shina N. P. *Samoderzhavie i liberalizm: jepoha Nikolaja I i Lui-Filippa Orleanskogo [Autocracy and liberalism: the era of Nicolas I and Louis-Philippe d'Orléans]*. Moscow: Politicheskaja jenciklopedija Publ., 2018. (In Russian)

Contamine H. *Diplomatie et diplomates sous la Restauration 1814–1830*. Paris : Hachette, 1970.

Histoire de l'administration française. Les affaires étrangères et le corps diplomatique français : 2 t. / Sous la direction de J. Baillou. Paris : CNRS, 1984. T. 1.

Waresquiel E. de. *Le duc de Richelieu*. Paris : éd. Perrin, 1990.

Васильева Анна Юрьевна, магистр истории, РГПУ им. А. И. Герцена
E-mail: annivasilieva@gmail.com

**«НАШИ УСИЛИЯ БУДУТ ДОЛЖНЫМ ОБРАЗОМ
ОЦЕНЕНЫ ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ»: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ФИРМЫ «ТОМАС КУК И СЫН» В БРИТАНСКОЙ ИНДИИ
В КОНЦЕ XIX В.**

В статье рассматривается участие фирмы «Томас Кук и сын» в развитии туристического бизнеса в Британской Индии в конце XIX в. Инициативы Джона Кука по привлечению английских туристов в Индию получили поддержку имперской администрации и правительства Индии. Одновременно с решением логистических задач, перед фирмой вставали задачи идеологического и политического свойства. Британское правительство возложило на Дж. Кука исполнение важного цивилизационного проекта, связанного с организацией хаджа для индийских мусульман. С целью приобщения к имперским ценностям индийской знати и ее знакомства с метрополией, организовывались поездки в Лондон, в том числе и на Колониальную и Индийскую выставку 1886 г. На страницах путеводителей фирмы отразились мировоззренческие и идеологические установки эпохи, согласно которым Индия представляла самобытным явлением с особым колоритом и местом для экзотического отдыха, но при этом подчеркивалась ценность колонии как источника неисчерпаемых материальных ресурсов. Индийская инициатива Дж. Кука была особо отмечена на банкете в честь 50-летнего юбилея фирмы, ставшем символом общественного признания ее успехов. Главным для современников оказались не коммерческие достижения, а имперский масштаб ее деятельности.

Ключевые слова: Британская империя, Британская Индия, фирма «Томас Кук и сын», имперское строительство, туризм, конец XIX в.

Vasileva Anna Jur'evna, Master's Degree in History, the Herzen State Pedagogical University of Russia.

E-mail: annivasilieva@gmail.com

«OUR EFFORTS WILL BE DULY APPRECIATED BY THE PUBLIC»: THOMAS COOK & SON'S ACTIVITIES IN BRITISH INDIA AT THE END OF THE 19TH CENTURY

The article considers the Thomas Cook & Son participation in the development of tourist business in British India at the end of the XIX century. The initiatives of John Cook to attract English tourists to India received the support of the imperial administration and government of India. Simultaneously with the solution of logistics problems, the company faced ideological and political problems. The British government entrusted John Cook the execution of an important civilization project which was related to the organization of the Hajj for Indian Muslims. Visits to London were organized for the Indian nobility, including the Colonial and Indian exhibition of 1886, in order to introduce them to the imperial values. The pages of the company's handbooks reflected the ideological attitudes of the era, according to which India was a distinctive phenomenon with a special colour and a place for an exotic holiday, but it also emphasized the value of the colony as a source of inexhaustible material resources. John Cook's Indian initiative was highlighted at the banquet in honor of the 50th anniversary of the company, which became a symbol of public recognition of its success. The main thing for contemporaries were not commercial achievements, but the imperial scale of its activity.

Key words: the British Empire, British India, Thomas Cook & Son, imperial building, tourism, the end of the XIX century.

В последней трети XIX в. Индия занимала одно из центральных мест в системе приоритетов внешней и внутренней политики Великобритании¹. Она являлась базой и источником финансирования дальнейшей

¹См. подробнее об индийском факторе во внешней политике: Гелла Т. Н. Геополитические интересы Великобритании и английские политические партии в конце XIX – начале XX веков. Орел, 2009. С. 38–99.

колониальной экспансии в бассейне Индийского океана², который воспринимался как «Британское озеро». Британская Индия охватывала море также как и сушу³. Провозглашение в 1876 г. королевы Виктории императрицей Индии подчеркнуло статус данных территорий как владений британского монарха⁴. Если в первой половине XIX в. эта колония для англичан казалась полудикой страной, а ее культура воспринималась как проявления варварства, с которыми необходимо покончить⁵, то теперь Индия превратилась в «жемчужину в короне императрицы», а индийские интересы стали синонимом национальных⁶.

Несмотря на все возрастающее политическое и экономическое значение Индии для Англии, репутацию места отдыха она заработала только к концу века⁷. Значительным событием, повлиявшим на это, стало посещение принцем Уэльским Индии и Цейлона в 1875–1876 гг.⁸. Королевский тур изменил культурное представление о колонии, которая ассоциировалась в общественном сознании с восстанием, чуть не положившим конец британскому правлению. Теперь Индия характеризовалась как источник развлечений для принца и стала частью популярной культуры в метрополии⁹.

Одним из «агентов империи», развивавшим туристический бизнес в этом направлении с одновременным выполнением логистических, идеологических и политических задач, стоявших перед строителями импе-

²Парфенов И. Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX в. М., 1991. С. 85.

³Metcalfe T. R. *Imperial Connections: India in the Indian Ocean Arena, 1860–1920*. L., 2007. P. 9.

⁴Подробнее: Metcalfe T. R. *The New Cambridge History of India*. Vol. III. № 4. *Ideologies of the Raj*. Cambridge, 2008. P. 60–63.

⁵Ерофеев Н. А. *Английский колониализм в середине XIX века*. М., 1977. С. 208–209.

⁶Гелла Т. Н. *Геополитические интересы Великобритании...* С. 49.

⁷Choi T. Y. *Producing the Past: The Native Arts, Mass Tourism, and Souvenirs in Victorian India // Literature Interpretation Theory*. 2016. Vol. 27 (№ 1). P. 53.

⁸Величко Е. О. «Триумфальный марш принца по Индии»: представления британцев о справедливом правлении в практике предотвращения внутриимперских конфликтов в 70-х гг. XIX в. // *Псковский военно-исторический вестник*. 2015. № 1. С. 107.

⁹См. подробнее: Hahn N. H. *Indian Princes, Dancing Girls and Tigers: the Prince of Wales's Tour of India and Ceylon, 1875–1876 // Postcolonial Studies*. 2009. Vol 2. P. 173–192.

рии, стала фирма «Томас Кук и сын». В отечественной историографии ее деятельность в Индии до настоящего момента не становилась специальным предметом рассмотрения.

Основатель фирмы Томас Кук впервые побывал в Индии еще во время своего кругосветного путешествия 1872–1873 гг. Прибыв в Калькутту 6 января 1873 г., он за месяц пересек Индию с востока на запад¹⁰. В первую очередь Кук изучал возможности организации путешествий в колонии и состояние отелей¹¹.

Для фирмы «Томас Кук и сын» начало переговоров о непосредственной подготовке туров в Индию было положено правительством Италии¹², которое хотело, чтобы путешественники, направлявшиеся в колонию, прокладывали свой маршрут через порт Бриндизи вместо того, чтобы плыть через Гибралтар. В 1880 г. Джону Куку, занявшему место отца, была предложена фиксированная комиссия на всех пассажиров, путешествующих в Индию через Апеннинский полуостров.

Дж. Кук для развития своего бизнеса в Индии запросил поддержки британского правительства, обратившись к премьер-министру У. Гладстону¹³. Благодаря позитивному отзыву последнего, он получил одобрение заместителя министра по делам Индии сэра Л. Маллета, а также маркиза Солсбери, бывшего министра по делам Индии¹⁴, который в личном разговоре высоко оценил деятельность Дж. Кука¹⁵. Стратегия Дж. Кука сводилась к тому, чтобы побудить как можно большее число английских, американских и иных туристов посетить Индию, а также предоставить специальные возможности богатым жителям Индии побывать в Англии и других странах. Предложение фирмы было рассмотрено в Министерстве по делам Индии, а также в Индийском совете и рекомендовано правительству Индии. В итоге фирме удалось получить значительные концессии на развитие туризма между колонией и всеми частями земного шара¹⁶.

¹⁰Cook T. Letters from Sea and from Foreign Lands: Descriptive of a Tour Round the World. L., 1873. P. 34.

¹¹Ibid. P. 35.

¹²Brendon P. Thomas Cook. 150 Years of Popular Tourism. L., 1991. P. 201.

¹³Ibid.

¹⁴Ibid. P. 202.

¹⁵Rae W. F. The Business of Travel: a Fifty Years' Record of Progress: 1841 – Leicester to Loughborough (12 miles), 1891 – All Over the Globe. L., 1991. P. 178.

¹⁶Cook's Indian Tours. L., 1885. P. 5.

Местом прибытия в Индию и туристической столицей для европейского туриста являлся Бомбей. Отсюда начиналось большинство туров и здесь же они заканчивались. Налаженное железнодорожное сообщение соединило его с разными частями Индии (Пенджабом, Центральными провинциями, Северно-западными провинциями, Бенгалией). Обладая рекомендациям государственных деятелей, Дж. Кук смог заключить соглашения со всеми индийскими железнодорожными компаниями. Туристы Кука высаживались на пристани Аполло Бандар – там же, где разгружалась правительственная почта, о чем упоминали составители путеводителя, желавшие подчеркнуть особый статус фирмы¹⁷.

Купоны фирмы действовали не только на пароходных линиях, соединявших колонию с метрополией или другими странами, но и на региональных направлениях: например, из Калькутты было организовано несколько коротких туров до Рангуна, Андаманских и Никобарских островов, а также островов Пинанг и Сингапур¹⁸. Владение этими островами позволило Великобритании к середине XIX в. установить контроль над морским путем из Европы на Восток¹⁹. Помимо прочего Индия становилась центром, из которого можно было совершить кругосветное путешествие через Египет, Китай, Японию, США и Канаду или Австралию и Новую Зеландию²⁰. К 1893 г. офисы фирмы находились в Бомбее, Калькутте, Рангуне и Коломбо²¹. Таким образом, система купонов фирмы охватила транспортную сеть как на местном, так и на межрегиональном уровне, выстроив маршруты, которыми могли пользоваться не только туристы, но и служащие.

Дж. Куку предстояло выполнить в числе прочего важный общественно значимый цивилизационный проект, касавшийся мусульманских паломников, направлявшихся из Индии в Мекку и Медину. Здесь были свои сложности разного свойства. Географически хадж также охватывал бассейн Индийского океана. Индийские пилигримы были главными разносчиками эпидемий, в первую очередь холеры, которая угрожала не только колониям в Азии, но и колонизаторам в Европе²². Государства

¹⁷Ibid. P. 59.

¹⁸Cook's Indian Tours... P. 50.

¹⁹Ерофеев Н. А. Английский колониализм... С. 12.

²⁰Cook's Indian Tours. L., 1893. P. 104–108.

²¹Ibid. P. 131.

²²Low M. C. «The Infidel Piloting the True Believer»: Thomas Cook and the Business of the Colonial Hajj // The Hajj and Europe in the Age of Empire / Ed. by

Европы и исламского мира пытались ограничить участие в хадже беднейших слоев населения, которые часто не имели денег на обратный билет и страдали от голода. Британское правительство решило путем непрямого вмешательства – при участии фирмы Кука – реформировать пароходную индустрию и брокерскую систему, связанные с хаджем, тем самым надеясь улучшить санитарные условия на судах и защитить паломников от произвола и финансовых махинаций²³.

Зимой 1885–1886 г. Дж. Кук был приглашен вице-королем Индии графом Дафферинем, предложившим ему принять участие вместе с индийским правительством в разработке планов улучшения положения паломников. В январе 1886 г. правительство Индии приняло резолюцию о назначении «Томаса Кука и сына» официальным тур-агентом хаджа²⁴. На Дж. Кука была возложена разработка маршрутов и заключение всех необходимых договоренностей с владельцами транспорта. Фирма была назначена транспортным агентом, но билеты вместе с паспортами паломникам выдавали сотрудники правительства. Правительственные чиновники обязывались оказывать помощь агентам и представителям фирмы²⁵. Фирме было обещано возмещение любых потерь, которые она понесет.

Корабли, зафрахтованные Куком, соответствовали всем медицинским и санитарным нормам. Была установлена фиксированная цена за билет. Дата отправления оглашалась заранее²⁶. Однако Кук не смог одержать победу в схватке с мусульманскими судовладельцами и брокерами. Они приспособились к новым условиям и не дали вытеснить себя с рынка. Несмотря на субсидии, этот бизнес оказался неприбыльным для фирмы. В 1890 г. она занимала 45% рынка: 4 220 из 9 953 пилигримов путешествовали с купонами Кука, но в 1892–1893 гг. это число снизилось до 14%²⁷.

Если в организации туров для беднейших слоев населения Кук потерпел поражение, то индийская знать активно и успешно вовлекалась в туристическую деятельность фирмы. После восстания 1857 г. было пересмотрено отношение к махараджам, навабам и низамам²⁸. С целью приоб-

U. Ryad. Leiden, Boston, 2016. P. 47.

²³Ibid. P. 49.

²⁴Low M. C. «The Infidel Piloting the True Believer»... P. 50.

²⁵Rae W. F. The Business of Travel... P. 212–213.

²⁶Low M. C. «The Infidel Piloting the True Believer»... P. 65.

²⁷Ibid. P. 68–69.

²⁸Cannadine D. Ornamentalism: How the British Saw Their Empire. Oxford, 2002. P. 44.

щения их к имперским ценностям специально организовывались поездки в Лондон. В конце 1885 г. принц Уэльский назначил компанию «Томас Кук и сын» главным пассажирским агентом на Колониальной и Индийской выставке в Лондоне. Принц желал, чтобы каждый, от индийского махараджи до британского рабочего, посетил эту выставку²⁹, придавая ей национальное и имперское значение³⁰. Кук для этих целей создал специальный отдел, назвав его «Индийские принцы»³¹. Общение с принцами не было чем-то принципиально новым для фирмы, поскольку к тому времени она уже имела некоторый опыт организации путешествий для индийской знати: еще в 1870 г. курьер фирмы сопровождал махараджу Колхапура в его поездке в Британию³². Также Кук предоставлял возможность индийским князьям посетить европейские средиземноморские курорты³³.

Регулярно переиздававшийся фирмой «Томас Кук и сын» путеводитель имел целью ближе познакомить жителей метрополии с «жемчужиной Британской Короны». Индия представляла на его страницах как самобытное явление с особым колоритом. Туристов приглашали осматривать форты, дворцы индийской знати, мемориалы, связанные с именами индийских правителей, храмы различных конфессий и, наконец, базары.

Однако описание индийских достопримечательностей переплеталось с указаниями на британское присутствие. Например, в Бомбее имелись памятники Ее величеству рядом с почтой, а также бронзовая конная статуя принца Уэльского на Эспланаде. Среди большого числа публичных зданий выделялись Ратуша с библиотекой и музеем, монетный двор, собор Святого Томаса, дом моряков, почта, телеграфный офис, здание Верховного суда, университет, новый офис Великой железной дороги индийского полуострова, художественная школа Джамсетджи Джиджибоя³⁴. Перечисленные объекты превращались в свидетельство цивилизаторской, по мнению англичан, миссии, связанной с просвещением,

²⁹Brendon P. Thomas Cook... P. 205.

³⁰Антонова Л. В., Дронова Н. В. «Обеспечить радушное гостеприимство»: мероприятия для гостей Колониальной и Индийской выставки 1886 г. в Лондоне в контексте приоритетов имперской пропаганды // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 22. № 5 (169). С. 161.

³¹Swinglehurst E. Cook's Tours. The Story of Popular Travel. L., 1982. P. 82.

³²Brendon P. Thomas Cook... P. 205.

³³Ibid. P. 211.

³⁴Cook's Indian Tours... P. 60.

христианской миссионерской деятельностью и распространением европейского права на туземные территории. Достопримечательностью становились и здания, так или иначе связанные с системой коммуникаций, развитие которых было необходимо для империи.

В путеводителе отмечалось, что Индия привлекательна не только древними храмами, святынями и зданиями, представляющими исторический интерес. В своем стремлении доказать читателю ценность Индии и необходимости ее посещения, путеводитель уже на первых страницах рекомендовал к осмотру чайные, кофейные, табачные и опиумные плантации, сахарные и винокуренные заводы, а также фабрики по производству индиго и розовой воды, хлопковые и шелковые мануфактуры. Предлагалось обратить внимание на месторождения золота, глины, железной и медной руд, каменноугольные бассейны и соляные шахты. Интерес потенциальных туристов подогревался перечислением изделий, которые могли бы их заинтересовать – шали, ковры, резные и инкрустированные изделия из слоновой кости, работы из эбенового дерева, сандала и других древесных пород, серебряные и золотые изделия Дели и Лакхнау, работы по мрамору Джайпура и многое другое³⁵.

Индия характеризовалась как страна, дающая широкое поле наблюдения для геолога, ботаника, зоолога, археолога и художника³⁶. Все перечисленные путеводителем профессии оказывались связанными с изучением и освоением обширного пространства, что делало такие практики имперскими по своей сути, поскольку они были направлены на присвоение пространства и установление контроля над ним³⁷.

Таким образом, идея развития туристического бизнеса в Индии изначально подавалась как общественно значимая задача, на которую необходимо обратить внимание правительству с тем, чтобы познакомить самих британцев с их колонией. На страницах путеводителя отразились мировоззренческие и идеологические установки эпохи, в соответствии с которыми туземная колония с одной стороны являлась местом для экзотического отдыха, а с другой ее привлекательность обуславливалась неисчерпаемостью материальных ресурсов.

³⁵Ibid. P. 8.

³⁶Ibid. P. 12.

³⁷См. подробнее: Александров Д. А. Наука и империализм / Империи нового времени: типология и эволюция (XV–XX вв.). II Петербургские Кареевские чтения по новистике. СПб, 1999. С. 38–41.

Логистические таланты частной фирмы были поставлены на службу империи. Фирме «Томас Кук и сын», взявшей на себя задачу увеличить объем потока туристов в Индию, удалось распространить свою систему купонов по всему полуострову, включая Бирму. Несмотря на то, что Дж. Кук потерпел коммерческую неудачу при организации транспортного сообщения внутри хаджа, цивилизационной проект, направленный на установление более тесных связей с индийскими принцами путем знакомства их с метрополией и Европой, в целом осуществлялся вполне успешно. Индийская инициатива Дж. Кука была особо отмечена на банкете в честь 50-летнего юбилея фирмы, ставшем символом общественного признания ее успехов³⁸. Главным для современников оказались не коммерческие достижения, а имперский масштаб ее деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

Александров Д. А. Наука и империализм / Империи нового времени: типология и эволюция (XV–XX вв.). II Петербургские Кареевские чтения по новистике. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 38–41.

Антонова Л. В., Дронова Н. В. «Обеспечить радушное гостеприимство»: мероприятия для гостей Колониальной и Индийской выставки 1886 г. в Лондоне в контексте приоритетов имперской пропаганды // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 22. № 5 (169). С. 160–169.

Величко Е. О. «Триумфальный марш принца по Индии»: представления британцев о справедливом правлении в практике предотвращения внутриимперских конфликтов в 70-х гг. XIX в. // Псковский военно-исторический вестник. Псков: Региональное отделение Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество» в Псковской области, 2015. № 1. С. 103–108.

Гелла Т. Н. Геополитические интересы Великобритании и английские политические партии в конце XIX – начале XX веков. Орел: ГОУ ВПО «Орловский государственный университет», 2009. 171 с.

Дронова Н. В. В честь Томаса Кука и Джона Кука, строителей империи... Рах Britannica: история Британской империи и созданного ею мира. Сборник научных

³⁸См. подробнее: Дронова Н. В. В честь Томаса Кука и Джона Кука, строителей империи... Рах Britannica: история Британской империи и созданного ею мира. Сборник научных работ к 60-летию профессора В. В. Грудзинского // под ред. И. М. Нохрина. Челябинск: Энциклопедия, 2016. С. 61–79.

работ к 60-летию профессора В. В. Грудзинского // под ред. И. М. Нохрина. Челябинск: Энциклопедия, 2016. С. 61–79.

Ерофеев Н. А. Английский колониализм в середине XIX века. М.: Наука, 1977. 256 с.

Парфенов И. Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX в. М.: Наука, 1991. 188 с.

Brendon P. Thomas Cook. 150 Years of Popular Tourism. L.: Secker & Warburg Ltd, 1991. 372 p.

Cannadine D. Ornamentalism: How the British Saw Their Empire. Oxford: Oxford University Press, 2002. 263 p.

Choi T. Y. Producing the Past: The Native Arts, Mass Tourism, and Souvenirs in Victorian India // *Literature Interpretation Theory*. 2016. Vol. 27 (№ 1). P. 50–70.

Cook T. Letters from Sea and from Foreign Lands: Descriptive of a Tour Round the World. L.: T. Cook & Son, 1873. 124 p.

Cook's Indian Tours. L.: T. Cook & Son, 1885. 136 p.

Cook's Indian Tours. L.: T. Cook & Son, 1893. 133 p.

Demicheva T. M., Baryshnikov V. N., Borisenko V. N. The right and the theory of the Empire in the thought of European Enlightenment of the second half of the XVIII century // *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2017. № 44 (2). С. 387–395.

Hahn H. H. Indian Princes, Dancing Girls and Tigers: the Prince of Wales's Tour of India and Ceylon, 1875–1876 // *Postcolonial Studies*. 2009. Vol. 12. P. 173–192.

Low M. C. «The Infidel Piloting the True Believer»: Thomas Cook and the Business of the Colonial Hajj // *The Hajj and Europe in the Age of Empire* / Ed. by U. Ryad. Leiden, Boston: Brill, 2016. P. 47–80.

Metcalf T. R. The New Cambridge History of India. Vol. III. № 4. Ideologies of the Raj. Cambridge: Cambridge University Press. 2008. 258 p.

Metcalf T. R. Imperial Connections: India in the Indian Ocean Arena, 1860–1920. L.: University of California Press, 2007. 280 p.

Rae W. F. The Business of Travel: a Fifty Years' Record of Progress: 1841 – Leicester to Loughborough (12 miles), 1891 – All Over the Globe. L.: T. Cook & Son, 1891. 318 p.

Swinglehurst E. Cook's Tours. The Story of Popular Travel. L.: Blandford Press, 1982. 192 p.

REFERENCES

Aleksandrov D. A. Nauka i imperialism [Science and Imperialism], in *Imperii novogo vremeni: tipologija i jevoljucija (XV–XX vv.). II Peterburgskie Kareevskie chtenija po novistike*. SPb.: SPbGU Publ, 1999. P. 38–41.

Antonova L. V., Dronova N. V. «Obespechit' radushnoe gostepriimstvo»: meroprijatija dlja gostej Kolonial'noj i Indijskoj vystavki 1886 g. v Londone v kontekste prioritetov imperskoj propagandy [«Ensuring Warm Hospitality»: Activities for Guests of the Colonial and Indian Exhibition of 1886 in London in the Context of the Imperial Propaganda Priorities], in *Vestnik Tambovskogo universiteta*. Serija: Gumanitarnye nauki. 2017. T. 22. № 5 (169). P. 160–169.

Brendon P. *Thomas Cook. 150 Years of Popular Tourism*. L.: Secker & Warburg Ltd, 1991. 372 p.

Cannadine D. *Ornamentalism: How the British Saw Their Empire*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 263 p.

Choi T. Y. Producing the Past: The Native Arts, Mass Tourism, and Souvenirs in Victorian India, in *Literature Interpretation Theory*. 2016. Vol. 27 (№ 1). P. 50–70.

Cook T. *Letters from Sea and from Foreign Lands: Descriptive of a Tour Round the World*. L.: T. Cook & Son, 1873. 124 p.

Cook's Indian Tours. L.: T. Cook & Son, 1885. 136 p.

Cook's Indian Tours. L.: T. Cook & Son, 1893. 133 p.

Demicheva T. M., Baryshnikov V. N., Borisenko V. N. The right and the theory of the Empire in the thought of European Enlightenment of the second half of the XVIII century, in *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2017. № 44 (2). С. 387–395.

Dronova N. V. V chest' Tomasa Kuka i Dzhona Kuka, stroitelej imperii... [In honour of Thomas Cook and John Cook, Builders of the Empire...], in *Pax Britannica: istorija Britanskoj imperii i sozdannogo eju mira. Sbornik nauchnyh rabot k 60-letiju professora V. V. Grudzinskogo* // pod red. I. M. Nohrina. Cheljabinsk: Jenciklopedija, 2016. P. 61–79.

Erofeev N. A. *Anglijskij kolonializm v seredine XIX veka* [British Colonialism in the Middle of the XIX Century]. M.: Nauka, 1977. 256 p.

Gella T. N. *Geopoliticheskie interesy Velikobritanii i anglijskie politicheskie partii v konce XIX – nachale XX vekov* [The Geopolitics of Britain and the British Political Parties]. Orel: GOU VPO «Orlovskij gosudarstvennyj universitet», 2009. 171 p.

Hahn H. H. Indian Princes, Dancing Girls and Tigers: the Prince of Wales's Tour of India and Ceylon, 1875–1876, in *Postcolonial Studies*. 2009. Vol. 12. P. 173–192.

Low M. C. «The Infidel Piloting the True Believer»: Thomas Cook and the Business of the Colonial Hajj, in *The Hajj and Europe in the Age of Empire* / Ed. by U. Ryad. Leiden, Boston: Brill, 2016. P. 47–80.

Metcalf T. R. *The New Cambridge History of India*. Vol. III. № 4. Ideologies of the Raj. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 258 p.

Metcalf T. R. *Imperial Connections: India in the Indian Ocean Arena, 1860–1920*. L.: University of California Press, 2007. 280 p.

Parfenov I. D. *Kolonial'naja jekspansija Velikobritanii v poslednej treti XIX v.* M.: Nauka, 1991 [The British Colonial Expansion in the Last Third of the XIX Century]. 188 p.

Rae W. F. *The Business of Travel: a Fifty Years' Record of Progress: 1841 – Leicester to Loughborough (12 miles), 1891 – All Over the Globe*. L.: T. Cook & Son, 1891. 318 p.

Swinglehurst E. *Cook's Tours. The Story of Popular Travel*. L.: Blandford Press, 1982. 192 p.

Velichko E. O. «Triumfal'nyj marsh princa po Indii»: predstavlenija britancev o spravedlivom pravlenii v praktike predotvrashhenija vnutriimperskih konfliktov v 70-h gg. XIX v. [«The Triumphal March of the Prince of Wales through India»: the British's Representation of the Fair Rule in Prevention of Conflicts within the Empire in 1870th], in *Pskovskij voenno-istoricheskij vestnik*. Pskov: Regional'noe otdelenie Obshherossijskoj obshhestvenno-gosudarstvennoj organizacii «Rossijskoe voenno-istoricheskoe obshhestvo» v Pskovskoj oblasti, 2015. № 1. P. 103–108.

ИСТОРИЯ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ СТРАН ЗАПАДА

С. Г. Веригин, В. Н. Барышников

Веригин Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории, директор Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет.

E-mail: verigin@psu.karelia.ru

Барышников Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Нового и новейшего времени, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: v.baryshnikov@mail.ru; v.baryshnikov@spbu.ru

УЧАСТИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ФИНСКИХ СПЕЦСЛУЖБ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В КАРЕЛИИ (1918-1922)¹

Статья посвящена слабо разработанной в отечественной и финляндской историографии проблеме – участию финских спецслужб в Гражданской войне в Карелии в 1918 – 1922 гг. Начиная с 1918 г., момента достижения независимости, руководство Финляндии вынашивало агрессивные планы по присоединению Восточной (Российской) Карелии к финляндскому государству. Финляндия под предлогом оказания помощи «соплеменникам» – ингерманландцам, а также карелам и вепсам Восточной Карелии в 1918 – 1922 гг. практически вела необъявленную войну против Советской России.

В этой войне самое активное участие принимали представители обеих специальных служб Финляндии: военной разведки при генштабе Оборонительных сил

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00383.

Финляндии и Центральной сыскной полиции (ВАЛПО). В статье освещается деятельность известных финских разведчиков – Пааво Мартина, Густава Розенстрема и других. В ходе т.н. «племенных войн» 1918–1922 гг. они не только сами проводили активную разведывательно-диверсионную работу, но и осуществляли вербовку агентов среди местного карельского населения. Многие из завербованных ими лиц затем сами стали опытными разведчиками. Так, одним из известных руководителей Суоярвского разведпункта финской военной разведки являлся Матвей Булдоев (изменивший позднее фамилию на Матти Поймела), завербованный финской разведкой во время похода финнов в Олонецкую Карелию в 1919 г.

Часть завербованных в период Гражданской войны в Карелии агентов, в свою очередь, в 1920–1930-е гг. возглавили различные подразделения спецслужб Финляндии и приняли активное участие в советско-финляндской войне 1939–1940 гг., а также в боевых действиях Финляндии против СССР в 1941–1944 гг.

Ключевые слова: Гражданская война в Карелии, финские спецслужбы, советско-финляндские отношения, контрреволюция, разведывательная деятельность

S. Verigin, V. Baryshnikov

Verigin Sergey Gennadievich, PhD (History), Professor of the Department of Russian History, Director of the Institute of History, Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation.

E-mail: verigin@psu.karelia.ru

Baryshnikov Vladimir Nikolaevich, PhD (History), Professor of the Department of Modern and Contemporary history, Institute of History, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation.

E-mail: v.baryshnikov@mail.ru; v.baryshnikov@spbu.ru

PARTICIPATION OF FINNISH SPECIAL SERVICES IN THE CIVIL WAR IN KARELIA (1918-1922)²

The Article is devoted to the problem poorly developed in the domestic and Finnish historiography – the participation of the Finnish special services in the Civil war in Karelia in 1918 – 1922. Since 1918, the moment of independence, the Finnish leadership had aggressive plans to join the Eastern (Russian) Karelia to the Finnish state. Finland under the pretext of helping a “fellow” – Ingrian, Karelians and Veps in Eastern Karelia in 1918 – 1922, almost led an undeclared war against Soviet Russia.

In this war the most active part was taken by representatives of both special services of Finland: military intelligence at the General staff of Defensive forces of Finland and the Central detective police (VALPO). The article highlights the activities of famous Finnish agents – Paavo Marttina, Gustav Rosenström and others. During the so-called “tribal wars” of 1918-1922, they not only carried out active reconnaissance and sabotage work, but also carried out the recruitment of agents among the local Karelian population. Many of the individuals they recruited then became experienced agents themselves. So, one of the prominent leaders of the Suojärvi razvedrota Finnish military intelligence was Matthew Buldaev (later changed the name to Matti Poimela), recruited by Finnish intelligence during the campaign of the Finns in Olonets Karelia in 1919

Some of the agents recruited during the Civil war in Karelia, in turn, in the 1920s-1930s, headed various units of the Finnish special services and took an active part in the Soviet-Finnish war of 1939-1940, as well as in the fighting of Finland against the USSR in 1941-1944.

Keywords: Civil War in Karelia, finnish special services, Soviet-Finnish relations, counter-revolution, intelligence

Вопрос об участии представителей специальных служб Финляндии в Гражданской войне в Карелии в 1918 – 1922 гг. является слабоизученным в отечественной историографии. Только в монографии Э. П. Лайдинена и С. Г. Веригина «Финская разведка против Советской России: специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Севере»

²The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-09-00383.

ро-Западе России (1918–1939 гг.)»³ приводится некоторый фактический материал об участии ряда будущих руководителей финской разведки и контрразведки в так называемых «племенных войнах» 1918 – 1922 гг., в том числе и в «освободительном походе» финнов в Олонецкую Карелию в 1919 г. Также проблемы связанные с деятельностью в зоне государственной границы финских, а также советских спецслужб в 1918 - 1920-е гг. отчасти затрагивались в работе А. И. Рупасова и А. Н. Чистикова⁴.

Несравненно больше внимания этой проблеме уделено в финляндской историографии. Так, о деятельности финских спецслужб на первоначальном этапе их становления писали Тойво Нюгорд и Йоуко Вахтола. В своих трудах «Беженцы из Восточной Карелии в 1917–1922 гг.» и «Великая Финляндия – Свободное Беломорье. Стремление белой Финляндии к захвату Восточной Карелии в 1918 г.»⁵, авторы на материалах военного архива Финляндии, а также архивов МИДа страны, Восточно-Карельского комитета и др. показали процесс формирования в 1918 г. ушедшими в Финляндию карельскими беженцами разведывательной сети на территории Советской России, дислокацию разведпунктов, их задачи и деятельность, связь с военной разведкой. Авторы отмечали, что каждый поход финнов в Советскую Карелию в период Гражданской войны 1918 – 1922 гг. сопровождался активизацией разведывательной деятельности. Кроме того, Й. Вахтола пишет об интересе генерального штаба оборонительных сил Финляндии в начале 1930-х гг. к обобщению опыта о неудавшихся попытках «активистов» завоевать Восточную (Российскую) Карелию в 1918 г. В целом данный регион в тридцатые годы XX в. рассматривался финскими военными как возможный театр военных действий в будущем. Причем, объясняя это, специалист в области военной разведки Ю. Л. Мякеля особо стремился подчеркнуть, что «огромный причиной того, что Финляндия оказалась в 1939-1945 гг. в войне являлось ее стремление обеспечить безопасность своих северо-западных рубежей»,⁶ т.е. финские

³Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России: специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1918–1939 гг.). Изд. 3-е, доп. и испр. Выборг, 2019.

⁴Рупасов А., Чистиков А. Советско-финляндская граница. 1918-1938 гг. Очерки истории. СПб., 2016.

⁵Nygaard T. Itä-Karjalan pakolaiset 1917–1922. Studia historica Jyväskylänensia 19. Jyväskylä, 1980; Vahtola J. «Suomi suureksi – Viena vapaaksi». Valkoisen Suomen pyrkimykset Itä-Karjalan valtaamiseksi vuonna 1918. Rovaniemi; Oulu, 1988.

⁶Mäkelä J. L. Salaista palapeliä. Tiedustelupalvelua ja tapahtumia talvisodan ja jatkosodan vaiheilta. Porvoo; Helsinki, 1964. S. 265.

военные пыталась обращать свое особое внимание в том числе и на разведывательную деятельность, направленную против СССР. В связи с этим в Хельсинки считали, что опыт 1918-1922 гг. позволит лучше оценить обстановку⁷. Однако и в финляндской историографии отсутствуют специальные работы об участии представителей финских спецслужб в Гражданской войне в Карелии. В результате сейчас уже становится весьма важно закрыть существующие пробелы в отечественной и финляндской историографии.

В целом, хорошо известно, что с 1918 г., с момента победы белого движения в гражданской войне в Финляндии, у руководства молодого независимого государства существовали весьма определенные агрессивные планы в отношении Советской России. Это касалось в первую очередь Российской Карелии. Ее присоединение к Финляндии рассматривалось как важнейшая задача нового, формирующегося государства. Об этом четко свидетельствует даже то, что еще 23 февраля 1918 г., в разгар гражданской войны в самой Финляндии, главнокомандующий финской белой армии К. Г. Э. Маннергейм поклялся, что не уберет «свой меч в ножны пока законная власть не воцарится в стране, пока последний ленинский солдат и хулиган не будут выдворены как из Финляндии, так и из Восточной Карелии»⁸. Тем самым Финляндия показала, что, наряду с достижением независимости, она стремилась захватить и Восточную Карелию.

Несмотря на то, что позже Маннергейм отрицал свое намерение захватить российские территории и заявлял, что хотел в ходе войны только «освободить восточных карел», было уже поздно. Как отмечает финский военный исследователь Хельге Сеппяля «ястребы» использовали это заявление в качестве программной цели⁹.

Исходя из внешнеполитических установок, Финляндия неоднократно в период 1918–1922 гг. действительно предпринимала попытки политическим и военным путём отторгнуть у Советской России часть ее территорий. Она под предлогом оказания помощи «соплеменникам» – ингерманландцам, а также карелам и вепсам Восточной Карелии, практически вела необъявленную войну против соседнего государства. Финляндский военный историк, сотрудник военно-исторического отдела финского генштаба подполковник Ярл Кронлунд в своей книге «Оборонительные

⁷*Vahtola J.* «Suomi suureksi – Viena vapaaksi». S.15.

⁸Цит. по: Suomen historia. Osa 6. Espoo, 1987. S. 333.

⁹*Seppälä H.* Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia. Porvoo; Helsinki, 1974. S. 23–24.

силы Финляндии в 1918–1939 гг.» отмечает, что за этот период финской стороной было совершено шесть вооружённых походов в пограничные с Финляндией территории России (в Беломорскую Карелию, Олонец, Реболы и Поросозеро, также Печенгу и на территорию Петроградской губернии). Кроме того, в период с 11 августа 1920 г. по 20 февраля 1922 г., по его словам, она оказывала помощь так называемым «беломорским партизанам» в борьбе с советской властью на территории Беломорской Карелии¹⁰.

Однако неудачи этих «операций» привели к изменению тактики активных подрывных действий, которые Финляндия систематически осуществляла. В новой ситуации в Хельсинки перешли к деятельности отдельных спецгрупп на советской территории. На это, естественно, не могли не обращать внимания в Москве. В сентябре 1923 г. зампред ГПУ Г. Г. Ягода прямо указывал: «Среди финских активистов и руководителей белогвардейских банд отмечается переход от тактики открытых выступлений против Советской России к более длительной пропаганде идеи «Великой Финляндии» и расширения ее границ за счет Карелии и Ингерманландии...». Далее, информируя об этом советское руководство, он подчеркнул, что на территорию Карелии постоянно направляются «группы агитаторов-разведчиков»¹¹. Это информация затем была подтверждена обзором, представленным Г. Г. Ягода за 1923 г, когда он четко сообщил, что «наблюдаются одиночные переходы белокарельских разведчиков из беженцев»¹².

Отметим, что уже с 1918 г. в Финляндии на самом деле шел процесс создания специальных служб, которые начинают заниматься подготовкой соответствующих групп и развертыванием разведывательно-диверсионной и агитационной деятельности направленной против соседнего государства. В целом в стране сложились две отдельные службы, которые занимались данного вида работой. Это - военная разведка, которая активно начала формироваться с 1918 г.¹³ и одновременно тогда же образовывалась и Центральная сыскная полиция (ВАЛПО). После их созда-

¹⁰*Kronlund J. Suomen puolustuslaitos 1918–1939. Porvoo; Helsinki; Juva, 1989. S. 90.*

¹¹«Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Т. 1. Ч. 2. М., 2001. С. 927.

¹²Там же. С. 978.

¹³*Kronlund J. Suomen puolustuslaitos 1918–1939. S. 226.*

ния они приняли самое непосредственное участие в т.н. «освободительных походах» 1918-1922 гг. в Восточную Карелию.

Причем ВАЛПО, подчиняющаяся министерству внутренних дел, прежде всего, специализировалась на политических формах ведения разведывательной деятельности¹⁴. Эта работа несколько отличалась от задач, которые решались военной разведкой. Как заметила финская исследовательница Т. Хьетаниеми: «17 июля 1919 г. правительство приняло принципиальное решение о передаче политической разведки в министерство внутренних дел. В то же время было решено сосредоточить и реорганизовать разведывательную деятельность в целом»¹⁵. Но, безусловно, ВАЛПО больше сосредотачивалась на решении внутренних вопросов, которые в меньшей степени затрагивали вопросы осуществления непосредственной разведки на сопредельных с Финляндией территориях. К тому же для формирующихся структур спецслужб Финляндии явно не хватало хорошо обученных сотрудников, что также требовало соответствующего времени и организационной деятельности в этом направлении.

Что же касается военной разведки, то она решала, прежде всего, естественно, вопросы, связанные со сбором информации о войсках противника. Она формировалась при генштабе и была достаточно хорошо структурирована. Вначале здесь был просто образован специальный разведывательный отдел. Как отмечает Я. Кронлунд, он «отвечал за получение информации». Причем сама эта информация, «полученная через разведывательную сеть, обрабатывалась непосредственно сотрудниками отдела» и уже затем «на ее основе готовились доклады и резюме» для начальства¹⁶. Однако далее функции этого отдела разрастаются и к концу 1919 г. при генштабе образуется сразу три отдельных подразделения. Это был V-й отдел, который официально считался разведывательным. Но сами информационные материалы, получаемые разведкой и предназначенные, прежде всего, для оперативного отдела, готовили уже сотрудники IV-го отдела. Кроме того в генштабе был образован еще один, VI-й, отдел, сотрудники которого стали целиком отвечать за контрразведку¹⁷. Также тогда начала формироваться и соответствующая разведывательная сеть. Здесь наряду с официальным институтом военный атташе, суще-

¹⁴См.: *Hietaniemi T.* Lain vartiossa. Poliisi Suomen politiikassa 1918-1948. Helsinki, 1992. S. 59.

¹⁵Ibid.

¹⁶*Kronlund J.* Suomen puolustuslaitos 1918–1939. S. 226.

¹⁷Ibid. S. 227.

ствовавшим у Финляндии в ряде стран, разворачивалась целая нелегальная агентурная сеть. Причем она была направленная исключительно на сбор сведений в отношении именно Советской России¹⁸.

При этом, очевидно, важным становилось еще и то, что наряду с этими создаваемыми разведывательными учреждениями в Финляндии начали возникать еще и другие организации, которые в той или иной степени тоже принялись активно участвовать в сборе разведывательной информации¹⁹. Так, 6 марта 1918 г. в Сортавала финны вместе с карельскими беженцами основали Восточно-Карельский комитет, представители которого непосредственно вынашивали планы подготовки экспедиций в Олонецкую Карелию. Этот комитет состоял из ряда отделов, где, I-й - непосредственной занимался организацией разведки и агитационной пропагандой на территории соседнего государства²⁰. В финской исторической литературе он получил наименование - карельский разведывательный отдел и он также заняв особое место в системе разведывательных органов Финляндии.

Формально комитет не входил в состав военной разведки. Более того он считался независим от нее. Однако, фактически, был очень тесно связан с разведывательным департаментом генштаба, от которого непосредственно и получал соответствующие задания. Одним из первых начальников карельского разведотдела в 1918 г. стал Юсси Луккаринен, который тогда являлся уже достаточно подготовленным офицером-разведчиком и далее, естественно, оказался самым непосредственным участником Олонцкого похода²¹.

Перед карельским разведывательным отделом также как и перед финской военной разведкой стояли прежде всего задачи сбора военной и политической информации, а также ведение идеологической (просветительской) работы среди местного населения и проведение диверсионных операций. Карельский разведывательный отдел осуществлял свою деятельность по направлению между Онежским озером и Мурманском на глубину до Николаевской (Мурманской) железной дороги²². Основное внимание уделялось ведению разведки на территории Олонецкой и

¹⁸Ibid.

¹⁹См.: Зимняя война 1939-1940 гг. в документах НКВД. СПб., 2010. С. 17-55.

²⁰Nygard T. Itä-Karjalan pakolaiset 1917-1922. S. 49

²¹Kosonen M. Raja railona aukea. Tiedustelua Neuvosto-Karjalassa 1920-1930-luvulla. Joensuu, 2001. S. 86, 219.

²²Kronlund J. Suomen puolustuslaitos 1918-1939. S. 227.

Беломорской Карелии. Для этого отдел сформировал свою весьма разветвлённую агентурную сеть. Причем она простиралась на весьма большие расстояния - от Петрограда до станции Княжая Мурманской железной дороги. В результате информация поступала как из Карелии, так из Петрограда, а также из Кандалякши и Мурманска. Для ее сбора и передачи в Финляндию карельский разведотдел создал на финляндско-российской границе в населённых пунктах Кивиниеми (Лосево), Салми, Кясняселкя, Суоярви, Йоэнсуу, Кухмониеми, Суомуссалми, Куусамо, Куолоярви и Койвуниеми специальные разведывательные центры, которые занимались получением из соседнего государства разведывательных сведений. Причем сами места традиционного размещения центров выбирались исходя из важности того или иного направлений²³, в частности, наличия дорог из России в Финляндию, а также с учётом проживания вблизи границы родственного финнам народа.

В данном отношении показательно, что один из первых периферийных разведывательных пунктов, находившемся в местечке Куусамо, возник по инициативе «Комитета по делам Беломорской Карелии». Он появился уже в начале марта 1918 г. Его возглавил член данного комитета Эско Риекки, будущий начальник ВАЛПО. Человек, который твердо разделял идеи необходимости разнообразного сотрудничества «во имя борьбы с коммунизмом»²⁴. Неслучайно, впоследствии он стал координатором сотрудничества финских спецслужб с гестапо и эсесовским руководством нацистской Германии. Затем, в 1941 г., Э. Риекки оказался главным организатором набора финских граждан в эсесовские войска²⁵. К тому же он с 1920-х гг. также пытался активно вмешиваться в кадровые вопросы финской военной разведки, иронично утверждая, что «неудача является частью их профессии»²⁶.

Что же касается добытой в различных группах разведывательной информации, то она далее передавалась в особые отделения, организованные в 1919 г. при специальных отделах по сбору сведений финского

²³См.: *Jokipii M. Tiedustelu maarajoillamme välirauhan // Historiallinen Aikakauskirja*. 1985, № 4. S. 278.

²⁴*Барышников В. Н.* Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны. СПб., 2014. С. 36.

²⁵См.: Там же. С. 91-94.

²⁶Цит. по: *Рупасов А., Чистиков А.* Советско-финляндская граница. 1918-1938 гг. Очерки истории. С. 191.

генштаба. Эти отделы размещались в Выборге и Сортавала²⁷. Кроме того позже, с 1938 г., было сформировано еще два особых территориальных отделения военной разведки, одно - на севере Финляндии в Рованиеми, а другое - у границы с Советской Карелией в Каяни²⁸. Собранные в этих отделениях сведения далее в обязательном порядке направлялись в штаб Карельской армии, находящейся на Карельском перешейке в поселке Антреа (Каменногорск). Кроме того полученная информация шла отдельно в генштаб²⁹. При этом из периферийных разведгрупп информация отправлялись строго по территориальному принципу. Поэтому разведывательные сведения из Куолаярви, Куусамо, Суомуссалми с 1938 г. поступали исключительно в Рованиеми, а из Кухмониеми только в Каяни. Остальные же группы направляли всю добытую ими информацию традиционно в территориальные разведпредставительства в Сортавала и в Выборге.

Таким образом, можно отметить, что уже с 1918 г. постепенно начали складываться места постоянной дислокации территориальных разведподразделений, а также стала формироваться соответствующая организационная сеть финской военной разведки. Причем этот процесс, фактически, продолжался вплоть до начала советско-финляндской войны 1939-1940 гг.

Кроме того с целью подготовки «специалистов» в 1919 г. в Сортавала т.н. «временным Белокарельским Олонецким правительством» была создана еще и первая специальная разведшкола. По ее окончанию выпускники непосредственно забрасывалась на территорию Советской России под видом перебежчиков, дезертиров, политэмигрантов³⁰. Как отмечает известный финский историк профессор М. Йюкиппи, прежде всего, «для групп дальнего действия подбирались лица, которые соглашались выполнять эту работу как в мирное, так и в военное время». Причем, исследователь подчеркнул, что традиционно «основная их часть состояла из восточно-карельских и ингерманландских перебежчиков, владевших языком разведывавшейся территории»³¹. Также обращало на себя внимание то, что при обострении обстановки в Восточной Карелии, ее

²⁷*Kronlund J. Suomen puolustuslaitos 1918–1939. S. 226.*

²⁸См.: *Jokipii M. Tiedustelu maarajoillamme välirauhan. S. 278.*

²⁹*Kronlund J. Suomen puolustuslaitos 1918–1939. S. 227; Nygard T. Itä-Karjalan pakolaiset 1917–1922. S. 49; Vahtola J. Suomi suureksi – Viena vapaaksi. S. 126, 188.*

³⁰*Щербаков С. Тайная война с Северным соседом // Карелия. 1996. 7 ноября.*

³¹*okipii M. Tiedustelu maar ajoillamme välirauhan. S. 278.*

территория сразу же становилась объектом повышенной заинтересованности финской военной разведки в целом и ее разведотделений непосредственно.

В частности, так было уже в 1919 г., во время финского Олонецкого похода, а также в период т.н. «карельской авантюры» 1921–1922 гг. Показательно, что в самой Гражданской войне в Карелии в 1918 – 1922 гг. тоже приняли активное участие многие из будущих руководителей финской военной разведки.

Конкретно, в феврале 1919 г. в Хельсинки группой карельских перебежчиков и их сторонников в Финляндии был образован Олонецкий исполнительный комитет под председательством медика и одновременно политического деятеля Г. И. Винтера. Основная задача созданного комитета заключалась в подготовке и осуществление военной экспедиции в Олонецкую Карелию. Сама эта экспедиция началась 18 апреля 1919 г. с деятельности разведывательного отряда, который возглавил Пааво Марттина. Группа должны были решить типично диверсионную задачу, которая заключалась в том, чтобы по льду Ладожского озера выйти на советскую территорию в районе реки Свирь и перерезать железную дорогу, идущую из Олонца на Петроград. Правда, осуществить столь масштабную диверсию отряд так и не сумел. Но для П. Марттина эта операция оказалась первым опытом в его будущей разведывательно-диверсионной деятельности.

Он имел хорошие данные для службы в разведке, владея наряду со своим родным финским, еще русским, шведским и немецким языками. Все это дало возможность П. Марттина дальше продолжать разведывательную деятельность, начатую им в 1919 г. После окончания т.н. «племенных войн» в начале 1920-х гг. Марттина стал начальником Нурмесского разведпункта (Nurmeksien rajaelimien) Сортавальского разведотделения финской военной разведки. Далее, в 1930 г. он окончил разведкурсы генерального штаба, а в середине 1930-х гг. Нурмесский разведпункт был преобразован в Кааянское разведотделение, руководителем которого продолжал быть уже лейтенант Марттина³². В 1920-1930-е гг. он активно готовил и направлял агентуру в Российскую Карелию. Затем, естественно, участвовал и в «зимней войне» 1939-1940 гг., и в войне Финляндии против СССР в период Великой Отечественной войны.

³²Jokipii M. Kaukotiedustelumme kehitys // Historiallinen Aikakauskirja. 1988, № 1. S. 80; Rislakki J. Eriyväin salainen vakoilu Suomessa. Helsinki, 1982. S. 238.

Показательно, что он особо «прославился» уже в период боевых действий 1941–1944 гг., когда командовал 3-й ротой 4-го особого разведывательного батальона, созданного на базе Кааянского разведотделения. Именно тогда, в феврале 1942 г., диверсанты из разведывательного подразделения П. Марттина вместе с другими подразделениями совершили налет на населенный пункт Петровский Ям в Карелии, где, по данным финского командования, находилась крупная тыловая база Карельского фронта. В ходе налета было уничтожено большое количество взрывчатки, продовольствия, горючего, 60 домов, 60 автомашин и 200 лошадей. Красная армия потеряла убитыми 200 человек. Однако о том, что в ходе нападения финских диверсантов, наряду с другими военными объектами, был уничтожен полевой подвижный госпиталь № 2212 и погибло 52 человека (врачи, медсестры, раненые, гражданский обслуживающий персонал) ни в военный период, ни в настоящее время в Финляндии стараются не вспоминать³³. Эти достаточно жесткие действия довольно хорошо характеризуют Пааво Марттина.

После подписания 19 сентября 1944 г. советско-финляндского соглашения о перемирии Марттина продолжал свою разведывательную деятельность и участвовал в создании на территории военного округа Кааяни тайных складов с оружием. Также тогда он стремился поддерживать бывших советских военнопленных, которые сотрудничали с финской разведкой, помогая им уйти от преследования. В связи с данной деятельностью П. Марттина стал разыскиваться уже новой финской государственной полицией. В результате, опасаясь ареста, он выехал в Швецию, а в 1946 г. вообще вынужден был бежать вместе с женой, которая тоже служила в 3-й роте 4-го разведбатальона, в Венесуэлу, ставшую после 1944 г. «родиной» для многих сотрудников финских спецслужб³⁴.

Другим известным участником Гражданской войны в Карелии был Густав Эрик Розенстрём. Он уже с 1918 г. служил в финской военной раз-

³³См. подробнее: *Веригин С. Г.* Рейд финских диверсантов на Петровский Ям: два взгляда на одно событие // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные и зарубежные спецслужбы: история и современность: материалы XXII междунар. науч. конф. (Москва, 6–7 декабря 2018 года). М., 2018. С. 239–244.

³⁴Национальный архив Республики Карелия (далее: НА РК). Ф. 287. Оп. 2. Д. 10. Л. 71, 187; Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской СССР. Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 1945. С. 7, 242–243; *Heiskanen R.* Saadun tiedon mukaan ... Päämajan johtama tiedustelu 1939–1945. Helsinki, 1989. S. 24, 79, 281.

ведке, возглавляя в течении десяти лет ее Выборгское отделение. Розенстрём также являлся весьма активным участником Олонецкого похода. В целом же этот человек оказался достаточно заметным сотрудником военной разведки Финляндии, дослужившись в довоенные годы до чина полковника. При этом уже в 1920-е гг., по разыгранной тогда чекистами операции «Трест», он стал хорошо известен и советским органам безопасности. Показательно, что именно Розенстрём сам лично 25 сентября 1925 г. сопровождал английского разведчика Сиднея Рейли до советско-финляндской границы на Карельском перешейке в районе Сестрорецка³⁵.

Несмотря на постигшую его неудачу с попыткой оказания помощи британской разведке, 26 октября 1927 г., Г. Э. Розенстрём из Выборга был переведен в Хельсинки, где начиная с сентября 1931 г. в течение 12 лет возглавлял отдел надзора (финская военная контрразведка). В это же время, он даже поменял свое имя и фамилию на Кустаа Раутсуо. Бесспорно, этот человек был очень опытным разведчиком и не случайно, американские и германские специальные службы также его «заметили» и весьма высоко оценивали его профессиональные качества. Так, в частности, американская разведка ОСС, предшественник ЦРУ, в заведенном на К. Раутсуо досье писала, что он очень «опасный» финский офицер-контрразведчик³⁶.

Необходимо отметить, что в период Гражданской войны в Карелии в 1918 – 1922 гг., в ходе осуществления так называемых «освободительных походов» финнов в Восточную Карелию, сотрудники финской военной разведки не только сами проводили активную разведывательно-диверсионную работу, но и осуществляли вербовку соответствующих агентов среди местного карельского населения. Многие из завербованных ими лиц затем тоже сами стали опытными разведчиками. Так, одним из известных руководителей Суоярвского разведпункта был Матвей Булдоев (изменивший позднее фамилию на Матти Поймела).

М. Булдоев родился в 1885 г. в крестьянской семье в деревне Вуохтъярви (Вохтозеро) в Карелии. В Первую мировую войну участвовал

³⁵Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия (далее: Архив УФСБ РФ по РК). Ф. КРО. Оп. 1. П. 19. Л. 69; Очерки истории Российской внешней разведки. Т. 2. М.: Международные отношения, 2014. С. 122; Рупасов А., Чистиков А. Советско-финляндская граница. 1918-1938 гг. С. 191.

³⁶*Panschin V.* Kasvottomien miesten sota. Päämajan valvontaosaston toiminta jatkosdassa. Helsinki, 2000. S. 29.

в боевых действиях в русской армии против немецких войск, но после революции вернулся домой. Несколько позднее односельчане выбрали его председателем сельского совета. Далее, по инициативе Булдоева, собрание жителей деревни Вохтозеро приняло обращение к финской стороне с просьбой, чтобы их войска заняли деревню³⁷. Этому не могли не оценить в Финляндии и неслучайно в 1919 г., во время Олонецкого похода, финны назначали Булдоева (Поймела) на весьма ответственный пост - руководителя шюцкора (белой гвардии) в Вохтозеро.

После поражения Олонецкой «добровольческой армии» и прихода частей Красной армии в Вохтозеро Поймела бежал в Финляндию, в Суоярви. Там он сначала занимался сельским хозяйством, но затем резко сменил профессию и превратился в коммерсанта. При этом уже с начала 1920-х гг. Поймела начал свое сотрудничество и с представителями Суоярвского разведпункта. В результате, переключившись на сугубо агентурную деятельность, он прошел путь от простого разведчика до начальника Суоярвского разведпункта. Им он стал в середине 1920-х гг.

Таким образом, уже с середины 1920-х гг. и в 1930-е гг. карел М. Поймела выполнял разведывательные и контрразведывательные задачи. В частности, он направлял завербованных и подготовленных финских разведчиков в Советскую Карелию. Более того он сам лично совершал разведывательные рейды, где в Линдозерском и Вохтозерском сельсоветах республики имел тесные родственные связи³⁸. Причем во время осуществления своих разведывательных операций на советской территории М. Поймела регулярно стремился останавливаться именно у родственников, которые пытались всячески скрыть любую информацию о его посещениях. Здесь же у родственников Поймела организовывал встречи со своими агентами, а также перепроверял информацию, полученную от других резидентов.

Тем не менее деятельность Поймела оказалась хорошо известной советской контрразведке. В результате в 1928 г. о ней даже решили открыто проинформировать население Карелии и таким образом разоблачить Поймела как «резидента финского генштаба». Тогда на финском языке в республиканской газете - «Пунайнен Карьяла» («Красная Карелия») была опубликована статья о деятельности М. Поймела и о его попытках завербовать жителей Карелии для сотрудничества с финской военной разведкой. Более того, в Петрозаводске была даже разработана

³⁷Архив УФСБ РФ по РК. ФПД. Д. № 10951 – материалы.

³⁸Там же. Оп.1. П. 43. Л. 61 – 63.

специальная операция «по Суоярвскому разведпункту Сортавальского разведотдела финской военной разведки». В итоге проведения этой операции планировалось внедрить агентуру «в финские разведорганы» и арестовать М. Поймела. Данная операция готовилась и осуществлялась в течении десяти лет, с 1927 по 1936 г. Действительно, ГПУ удалось ввести в организацию М. Поймела до 10 своих агентов, которые давали своевременную информацию о работе разведпункта, а также о финской агентуре, направляемой на территорию Советской Карелии. Поэтому можно вполне обоснованно утверждать, что, фактически, вся деятельность Суоярвского разведпункта была подконтрольна ГПУ – НКВД Карелии³⁹.

Однако многочисленные попытки советских контрразведчиков арестовать М. Поймелу заканчивались неудачей⁴⁰. Чувствуя нависшую над ним угрозу и опасаясь ареста, он вообще отказался от личных попыток перехода советско-финской границы. Учитывая сложившую обстановку и тот факт, что основную задачу «по выводу Булдоева» на советскую территорию решить не удавалось, было принято решение ликвидировать всю его агентурную сеть. В конце сентября 1929 г. сотрудниками ГПУ были задержаны шесть агентов Суоярвского разведывательного пункта, которые полностью признались в сотрудничестве с М. Поймелой и представили исчерпывающую информацию о полученных от него разведывательных заданиях⁴¹.

В целом, борьба, направленная на ликвидацию резидентурной сети, созданной финской военной разведкой в период т.н. «межплеменных войн», продолжалась в Советской Карелии практически весь период 1920-1930-х гг. Причем некоторые из завербованных финскими спецслужбами граждан Карелии проявили себя уже во время Второй мировой войны. Ярким примером здесь может служить судьба Василия (Вилхо) Богданова, который тоже в 1919 г. поддержал Олонецкий поход финнов.

В. Богданов родился в 1901 г. в Карелии недалеко от Олонца в селении Раннанкюля Саматус. Окончив 4 класса начальной школы, он переехал на работу в Финляндию. В 1919 г. во время Олонецкого похода финнов его призвали на службу в Олонецкую роту охраны (шюцкор). Он непосредственно принимал активное участие в Олонецком походе. Более того, в апреле 1919 г., под псевдонимом Никоскинен (с 1932 г. псевдоним стал его фамилией), Богданов, по решению финского командования, начал созда-

³⁹Там же. Ф. 6. Д. 24. Л. 24–26, 34–39, 45–48, 60, 61, 68, 80, 81, 94–96, 107.

⁴⁰*Kosonen M. Raja railona aukea.* S. 142, 165, 176, 194–206.

⁴¹См.: Архив УФСБ РФ по РК. ФПД. Д. № П-13895.

вать шюцкоровские формирования в ряде деревень в районе Мегрозеро. Однако после поражения Олонецкого похода Богданов вынужден был опять покинуть Карелию, поселившись в местечке Салми на советско-финляндской границе. В Карелии же у него оставались родственники, связь с которыми он не прекращал, нелегально проникая на территорию соседнего государства.

Именно это обстоятельство решили также использовать в своих целях спецслужбы финской военной разведки. В 1924 г. Сортавальское разведотделение предложило Богданову (Никоскинену) сотрудничеств. В результате он начал «работать» и на «соплеменников», и на финскую разведку. Имея хорошие связи с оставшимися в Олонце сторонниками финского белого движения, Богданов занялся активным сбором разведывательной информации. Причем он поддерживал деловые контакты не только с разведкой и контрразведкой Финляндии, но также с финской пограничной службой, представителями ВАЛПО и шюцкором. Далее в период как «зимней войны» 1939-1940 гг., так и в 1941–1944 гг. он активно включился в борьбу против СССР, воюя против советских войск в составе бригады Кууссаари, сформированной из бывших беженцев Восточной Карелии⁴².

Таким образом, как многие известные руководители спецслужб Финляндии, так и весьма заметные военные разведчики получили свой первый опыт профессиональной деятельности в 1918 – 1922 гг., участвуя в т.н. «освободительных походах» Финляндии в Восточную (Российскую) Карелию. В этот же период начался активный процесс вербовки резидентов из числа представителей финно-угорских народов и, прежде всего, карел. Часть завербованных тогда агентов, в свою очередь, затем тоже возглавили различные подразделения спецслужб Финляндии, в дальнейшем они приняли активное участие в советско-финляндской войне 1939-1940 гг., а также в боевых действиях Финляндии против СССР в 1941-1944 гг.

42 Архив УФСБ РФ по РК. Ф. КРО. Оп.1. П. 95. Л. 135; 89, 93, 213, 215, 218–221, 223–226, 237; *Kosonen M.* Raja railona aukea. S. 142, 165, 176, 213–218, 225.

ЛИТЕРАТУРА

Барышников В. Н. Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны. СПб.: Издательство РХГА, 2014. 208 с.

Веригин С. Г. Рейд финских диверсантов на Петровский Ям: два взгляда на одно событие // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные и зарубежные спецслужбы: история и современность: материалы XXII междунар. науч. конф. (Москва, 6–7 декабря 2018 года). М.: Общество изучения истории отечественных спецслужб, 2018. Стр. 239–244.

Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД. СПб.: Информационно-издательское агентство «Лик», 2010. 320 с.

Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России: специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1918–1939 гг.). Изд. 3-е, доп. и испр. Выборг: Военный музей Карельского перешейка, 2019. 300 с.

Мусаев В. И. Россия и Финляндия: Миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. – 1930-е гг.). СПб.: Издательство Политехнического университета, 2007. 484 с.

Рупасов А., Чистиков А. Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг. Очерки истории. СПб.: Издательство «Аврора», 2016. 240 с.

Смолин А. В. Крушение «Северо-Западной» контрреволюции, 1918–1920. (Начало борьбы) // Учебное пособие к спецкурсу. Ленинград, 1990.

Смолин А. В. Белое движение на северо-западе России 1918–1920 гг. (формирование, борьба, крушение) // Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Санкт-Петербург, 1995.

Смолин А. В. Русские в Финляндии 1918–1919 гг. Часть 2. Трагедия русских в Финляндии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2011. № 7. С. 165–172.

«Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1. Ч. 2. М.: Издат. центр Института российской истории РАН, 2001. 1103 с.

Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР. Сборник документов и материалов. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1945. 303 с.

Heiskanen R. Saadun tiedon mukaan ... Päämajan johtama tiedustelu 1939–1945. Helsinki: Otava, 1989. 333 S.

Hietaniemi T. Lain vartiossa. Poliisi Suomen politiikassa 1918–1948. Helsinki: Vammalan Kirjapaino, 1992. 320 S.

Jokipii M. Kaukotiedustelumme kehitys // Historiallinen Aikakauskirja. 1988, № 1. S. 80-81.

Jokipii M. Tiedustelu maarajoillamme välirauhan // Historiallinen Aikakauskirja. 1985, № 4. S. 278-282.

Kosonen M. Raja railona aukea. Tiedustelua Neuvosto–Karjalassa 1920–1930-luvulla. Joensuu; Joensuun Yliopistopaino, 2001. 265 S.

Kronlund J. Suomen puolustuslaitos 1918–1939. Porvoo; Helsinki; Juva: WSO, 1989. 615 S.

Mäkelä J. L. Salaista palapeliä. Tiedustelupalvelua ja tapahtumia talvisodan ja jatkosodan vaiheilta. Porvoo; Helsinki: WSO, 1964. 270 S.

Nygaard T. Itä-Karjalan pakolaiset 1917–1922. *Studia historica Jyväskyläänsia* 19. Jyväskylä: Jyväskylän yliopisto, 1980. 137 S.

Panschin V. Diletanteja vai Taitajla ? Päämajan valvontaosaston johtama valvonta ja vastavakoilu talvi- ja jatkosodassa. Tampere: Juvenes Print, 2018. 320 S.

Rislakki J. Eriyyän salainen vakoilu Suomessa. Helsinki: Love kirjat, 1982. 503 S.

Seppälä H. Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia. Porvoo; Helsinki: WSO, 1974. 349 S.

Suomen historia. Osa 6. Espoo: Weilin + Göös, 1987. 421 S.

Vahtola J. «Suomi suureksi – Viena vapaaksi». Valkoisen Suomen pyrkimykset Itä-Karjalan valtaamiseksi vuonna 1918. Rovaniemi; Oulu: Pohjois-Suomen historiallinen yhdistys, 1988. 474 S.

REFERENCES

Baryshnikov V. N. *Finny na sluzhbe v voyskakh SS v gody Vtoroy mirovoy voyny* [*Finns in the service of the SS during the Second World War*] St. Petersburg: Izdatel'stvo RKHGA, 2014. 208 p.

Chudovishchnyye zlodeyaniya finsko-fashistskikh zakhvatchikov na territorii Karelo-Finskoy SSSR. Sbornik dokumentov i materialov [*The terrible crimes of the Finnish-fascist invaders in the territory of the Karelian-Finnish USSR. Collection of documents and materials.*] Petrozavodsk: Gos. izd-vo Karelo-Finskoy SSR, 1945. 303 p.

Heiskanen R. *Saadun tiedon mukaan ... Päämajan johtama tiedustelu 1939–1945*. Helsinki: Otava, 1989. 333 S.

Hietaniemi T. *Lain vartiossa. Poliisi Suomen politiikassa 1918-1948*. Helsinki: Vammalan Kirjapaino, 1992. S. 320 p.

Jokipii M. *Kaukotiedustelumme kehitys* in *Historiallinen Aikakauskirja*. 1988, № 1. p. 80-81.

Jokipii M. *Tiedustelu maarajoillamme välirauhan* in *Historiallinen Aikakauskirja*. 1985, № 4. p. 278-282.

Kosonen M. *Raja railona aukea. Tiedustelua Neuvosto-Karjalassa 1920-1930-luvulla*. Joensuu; Joensuun Yliopistopaino, 2001. 265 p.

Kronlund J. *Suomen puolustuslaitos 1918-1939*. Porvoo; Helsinki; Juva: WSO, 1989. 615 p.

Laydinen E. P., Verigin S. G. *Finskaya razvedka protiv Sovetskoy Rossii: spetsial'nyye sluzhby Finlyandii i ikh razvedyvatel'naya deyatel'nost' na Severo-Zapade Rossii (1918-1939 gg.)* [*Finnish intelligence against Soviet Russia: Finnish special services and their intelligence activities in the North-West of Russia (1918-1939)*] Vyborg: Voennyj muzej Karel'skogo pereshejka, 2019. 300 p.

Mäkelä J. L. *Salaista palapeliä. Tiedustelupalvelua ja tapahtumia talvisodan ja jatkosodan vaiheilta*. Porvoo; Helsinki: WSO, 1964. 270 p.

Musaev V. I. *Russia and Finland: Migration contacts and the position of diasporas (late XIX century - 1930s)* [*Russia and Finland: Migration contacts and the position of diasporas (end of the 19th century - 1930s)*]. St. Petersburg: Publishing House of the Poetic University, 2007. 484 p.

Nygaard T. *Itä-Karjalan pakolaiset 1917-1922. Studia historica Jyväskylänensia 19*. Jyväskylä: Jyväskylän yliopisto, 1980. 137 p.

Panschin V. *Diletanteja vai Taitajla ? Päämajan valvontaosaston johtama valvonta ja vastavakoilu talvi- ja jatkosodassa*. Tampere: Juvenes Print, 2018. 320 S.

Rislakki J. *Eriyyäin salainen vakoilu Suomessa*. Helsinki: Love kirjat, 1982. 503 p.

Rupasov A., Chistikov A. *Sovetsko-finlyandskaya granitsa. 1918-1938 gg. Ocherki istorii* [*Soviet-Finnish border. 1918-1938 Essays on the story.*] St. Petersburg: Izdatel'stvo «Avrora», 2016. 240 p.

Seppälä H. *Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia*. Porvoo; Helsinki: WSO, 1974. 349 p.

Smolin A. V. *Krushenie «Severo-Zapadnoj» kontrevoljucii, 1918-1920. (Nachalo bor'by)* [*The collapse of the Northwest contrerevolution, 1918-1920. (The beginning of the struggle)*], in *Uchebnoe posobie k speckursu*. Leningrad, 1990. (In Russian)

Smolin A. V. *Beloe dvizhenie na severo-zapade Rossii 1918-1920 gg. (formirovanie, bor'ba, krushenie)* [*White movement in the north-west of Russia, 1918-1920 (formation, fighting, wreck)*], in *Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni doktora istoricheskikh nauk [Thesis]*. Rossijskaja akademija narodnogo hozjajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente RF. Sankt-Peterburg, 1995. (In Russian)

Smolin A. V. *Russkie v Finljandii 1918-1919 gg. Chast' 2. Tragedija russkih v Finljandii* [*Russians in Finland, 1918-1919. Part II. Russian tragedy in Finland*], in *Trudy*

kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni [Proceedings of the Department of Modern and Contemporary history]. 2011. № 7. P. 165–172. (In Russian)

«Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922-1934 gg.) [Completely secret”: Lubyanka - to Stalin about the situation in the country (1922-1934)].

V. 1. P. 2. Moscow: Izdat. tsentr Instituta rossiyskoy istorii RAN, 2001. 1103 p.

Suomen historia. V. 6. Espoo: Weilin + Göös, 1987. 421 p.

Vahtola J. «Suomi suureksi – Viena vapaaksi». Valkoisen Suomen pyrkimykset Itä-Karjalan valtaamiksi vuonna 1918. Rovaniemi; Oulu: Pohjois-Suomen historiallinen yhdistys, 1988. 474 p.

Verigin S. G. *Reyd finskikh diversantov na Petrovskiy Yam: dva vzglyada na odno sobytiye [Finnish saboteurs raid on Petrovsky Yam: two views on one event]*, in *Istoricheskiye chteniya na Lubyanke. Otechestvennyye i zarubezhnyye spetssluzhby: istoriya i sovremennost': materialy XXII mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 6–7 dekabrya 2018 goda)*. Moscow: Obshchestvo izucheniya istorii otechestvennykh spetssluzhb, 2018. 239–244 p.

Zimnyaya voyna 1939-1940 gg. v dokumentakh NKVD [Winter War 1939-1940 in the documents of the NKVD] St. Petersburg: Informatsionno-izdatel'skoye agentvo «Lik», 2010. 320 p.

О. В. Корчагин

Корчагин Олег Викторович, исследователь, Санкт-Петербург.
E-mail: oleg7169@yandex.ru

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ ЗАПАДА (1920-Е ГГ.)

В статье рассматривается история ленинградского филиала Коммунистического университета национальных меньшинств Запада в контексте национальной политики советского государства. Статья охватывает начальный период существования ленинградского отделения КУНМЗ – с момента основания филиала в сентябре 1922 г. и до конца 1920-х гг. Затрагиваются такие темы, как преподавательский и студенческий состав вуза, особенности учебной программы университета, материально-бытовые условия жизни студентов. Автор делает попытку раскрыть тему данной статьи с позиций социальной истории. В работе используются архивные документы, ранее не вводившиеся в научный оборот.

Ключевые слова: коренизация, национальное меньшинство, политические эмигранты, КУНМЗ, Токой

Korchagin Oleg Viktorovich, researcher, Saint-Petersburg, Russian Federation.
E-mail: oleg7169@yandex.ru

LENINGRAD DEPARTMENT OF THE COMMUNIST UNIVERSITY OF THE NATIONAL MINORITIES OF THE WEST (1920S)

In the article the history of the Leningrad department of the Communist University of the National Minorities of the West (KUNMZ) in the context of the Soviet national policy is explored. The article covers the initial period of the existence of the Leningrad department of KUNMZ – from the moment of the establishment of the department in September 1922 until the end of 1920s. Such topics as teaching staff and students of the university, features of the university curriculum, and everyday living conditions of students are touched upon. The author makes an attempt to reveal the topic of this article in terms of the social history. In the work the archival documents that were not previously included into scientific circulation are used.

Keywords: indigenization, national minority, political emigres, KUNMZ, Toko

Революционные события 1917 года в России привели к изменению линии поведения государства по отношению к многочисленному нерусскому населению, проживающему на территории страны. Во время Гражданской войны национализм показал свой мощный центробежный потенциал, и перед большевиками остро встала проблема сохранения территориальной целостности бывшей Российской империи. Они постарались извлечь уроки из ошибок прошлого, и имперской долговремен-

ной стратегии русификации¹ пришла на смену советская политика коренизации. Чтобы изжить недоверие (или прямую враждебность) других национальностей по отношению к великороссам, власть пошла на определенные уступки. Титульные нации на своей территории получили пропорциональное представительство в административном и партийном аппаратах, а официальным языком общения, делопроизводства и образования по возможности становился местный язык. Однако, необходимо подчеркнуть, что в планы большевиков не входило сохранять традиционные религиозные или правовые основы общественного устройства, существовавшие на национальных территориях. Культура поддерживалась в её «этнографических» формах (фольклор, национальная одежда и кухня, музеи быта и т.п.). Суть политики коренизации заключалась, скорее, «в выделении из коренного этнического элемента таких, условно говоря, элитарных прослоек, как национальные интеллигенция и бюрократия»². Предполагалось, что новая политическая элита обеспечит поддержку нерусскими национальностями социалистической программы советской власти. Решить подобную задачу без организации специальных высших учебных заведений было нельзя.

На территории Советского Союза проживали крупные диаспоры, представлявшие европейские народы, имевшие собственное государство в капиталистическом мире (немцы, поляки, финны, латыши, литовцы, эстонцы и т.д.). Им отводилось особое место в государственной национальной политике. В Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада (КУНМЗ), созданном в Москве в ноябре 1921 г., готовили не только новую национальную политическую элиту, перед которой ставилась задача обеспечить поддержку нацменьшинствами³ советской власти внутри страны, но и кадры, необходимые для осуществления дальнейшей экспансии коммунистической идеологии. Однако для последней цели больше подходили политические эмигранты, бежавшие в

¹Миллер А. Русификации: классифицировать и понять // *Ab Imperio*. 2002. №2. С. 146–147.

²Возгрин В.Е. История крымских татар: очерки этнической истории коренного населения Крыма: в 4 т. Т. 3. С. 420 – 421.

³В советском законодательстве рассматриваемого периода не было четкого определения понятия «нацменьшинство». Работниками центральных органов власти под этим понятием подразумевалось, как правило, некоренное население национальных республик или областей. Например, в РСФСР это финны, эстонцы, литовцы и т.д. См.: *Деннингхаус В.* В тени «Большого Брата»: Западные национальные меньшинства в СССР (1917-1938 гг.). М.: РОССПЭН, 2011. С. 54–58.

своё время в Советскую Россию (в основном из стран-лимитрофов). Они были лучше знакомы с обстановкой на родине, многие имели опыт подпольной революционной работы.

Ленинград стал крупнейшей «кузницей кадров» для национальных меньшинств северо-запада страны. Здесь в середине 1920-х гг. начали работать национальные отделения при Ленинградском педагогическом институте имени А.И. Герцена (немецкое, польское, финское, эстонское, латышское, народов Севера) и рабфаки при Ленинградском государственном университете (еврейский, финский, эстонский, латышский, северных народов)⁴. Однако фактически создание высшей школы для нацменьшинств началось с появления в Петрограде в 1922 г. филиала КУНМЗ.

Говоря об историографии вопроса, необходимо отметить, что отдельных изданий, всесторонне освещающих историю филиала Коммунистического университета национальных меньшинств Запада в Петрограде-Ленинграде, пока не создано. Из общих работ, позволяющих получить представление о деятельности партийных учебных заведений в период НЭПа, следует выделить монографию Л.С. Леоновой «Из истории подготовки партийных кадров в советско-партийных школах и коммунистических университетах (1921–1925 гг.)», опубликованную в 1972 г. В ряде статей Е.В. Панина рассматривается история создания советских интернациональных высших учебных заведений – Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ), Коммунистического университета национальных меньшинств Запада и Коммунистического университета трудящихся Китая (КУТК)⁵. Автором анализируются причины и предпосылки их появления, отличительные особенности внутренней

⁴*Смирнова Т.М.* Культурное строительство среди национальных меньшинств Петрограда-Ленинграда в 1917-1938 годах // Русская культура вне границ. Вып.3. М., 1996. С. 37.

⁵*Панин Е.В., Харламова Т.И.* Коммунистические университеты для национальных меньшинств в Советской России: 1920-1930-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №7 (21). С. 153–155; *Панин Е. В.* Материально-бытовые условия жизни студенчества интернациональных и национальных коммунистических университетов Советской России (1920-1930-е гг.) // Теория и практика общественного развития. 2012. №3. С. 165–168; *Панин Е.В.* Роль производственной практики в обучении студентов коммунистических вузов в 1920-е гг. (на примере Коммунистического университета национальных меньшинств Запада) // Вестник МГОУ (Электронный журнал). 2013. №2. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/332> (дата обращения: 15.02.2019).

структуры, учебного процесса, производственной практики, преподавательского и студенческого состава. Кроме того, Панин уделяет внимание вопросам материально-бытовых условий жизни студенчества данных высших учебных заведений. Однако архивные и иные материалы о ЛОКУНМЗ, которыми пользуется автор, в основном относятся к головному вузу, который находился в Москве.

Статью о собственно Ленинградском отделении Коммунистического университета национальных меньшинств Запада опубликовала Т.М. Смирнова⁶. В ней по поводу начального периода существования ЛОКУНМЗ, который нас особенно интересует, Смирнова ограничивается замечанием, что он получил «определенное освещение в литературе», ссылаясь на статьи в журналах и сборниках, вышедших в 1920 – 1930 гг., то есть практически на синхронные событиям публикации, а не исторические исследования⁷. В монографии Т.М. Смирновой «Национальность – питерские» (2002) автор в отдельном небольшом параграфе, опираясь в числе прочего на документы Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), более подробно рассматривает историю ЛОКУНМЗ в контексте национальной политики советского государства. Смирнова приводит любопытные данные о количестве студентов, размере стипендий, об учебных дисциплинах и выделяемых на них академических часах (в основном все эти материалы касаются 1930-х гг.). Однако в обоих случаях повествование страдает от некоторой обезличенности, повседневная жизнь студентов ЛОКУНМЗ, к сожалению, остается за кадром.

Источниковой базой данного исследования стали документы из фондов ЦГАИПД СПб (бывший Партийный архив), ранее не вводившиеся в научный оборот. В отчетах о деятельности университета, направляемых руководством ЛОКУНМЗ в подотдел нацменьшинств Северо-западного областного бюро ЦК РКП (б), а также в протоколах заседаний коллектива и Бюро коллектива РКП (б) университета можно найти материалы, позволяющие раскрыть тему данной статьи с позиций социальной истории. Согласимся с историком С.В. Журавлевым в том, что «в конечном итоге

⁶Смирнова Т.М. Из истории ленинградского отделения Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (ЛОКУНМЗ) // История вузов России. СПб., 1997. С. 106–109.

⁷Там же. С. 106.

самым главным государственным секретом являлась именно советская социальная история»⁸.

Как и при создании головного университета в Москве, филиал КУНМЗ в Петрограде был образован путём слияния уже существовавших на тот момент в городе высших партийных школ – финской, эстонской и второй латышской, составивших теперь три университетских сектора. Открытие петроградского филиала КУНМЗ состоялось 18 сентября 1922 г., он разместился в доме №17 по улице Ракова (Итальянской). Однако уже в 1923 г. латышский сектор перевели в Москву⁹.

Государство при создании КУНМЗ, университета нового типа, столкнулось с объективными проблемами. Прописанное в уставе университета условие о построении преподавания на родных языках слушателей являлось одним из основополагающих¹⁰. Но для претворения его в жизнь ещё не было квалифицированных национальных преподавательских кадров, как и необходимого количества абитуриентов, достаточно подготовленных для поступления в это высшее учебное заведение. Поэтому на первых порах требования к поступающим были не слишком высокими. В КУНМЗ принимали даже беспартийных, имевших рекомендации от партийных организаций. Некоторые секции университета, в том числе финская и эстонская секции ЛОКУНМЗ, имели основной (трехгодичный) и годичный курсы обучения. На трехгодичный курс университета зачислялись лица, достигшие 18 лет, хорошо владеющие русским и родным языком, имеющие подготовку не ниже совпартшколы второй ступени¹¹.

Как верно отметила Л.С. Леонова, определение количественного состава студентов и преподавателей коммунистических университетов вызывает большие трудности, что обусловлено первоначальной организационной слабостью этих учебных заведений, а также частой мобилизацией студентов на выполнение очередных партийных заданий¹². В

⁸Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: Иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920-х – 1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2000. С. 13.

⁹Смирнова Т. М. Национальность – питерские: Национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области в XX веке. СПб.: «Сударыня», 2002. С. 208.

¹⁰Панин Е.В., Харламова Т.И. Коммунистические университеты для национальных меньшинств в Советской России: 1920-1930-е гг. С. 154.

¹¹Леонова Л.С. Из истории подготовки партийных кадров в советско-партийных школах и коммунистических университетах. (1921-1925 гг.). М., 1972. С. 43.

¹²Там же. С. 9.

статье М.Я. Фрумкиной, на тот момент проректора КУНМЗ, приведены данные о количестве студентов на 15 октября 1922 г., согласно которым в эстонском секторе петроградского отделения насчитывалось 188 чел., в финском секторе 149 чел., в латышском 101 чел., всего – 438 чел.¹³ В кратком отчёте о деятельности петроградского отделения за январь 1923 г. приведены следующие данные: всего студентов 455 чел., педагогического персонала – 67 чел.¹⁴В дальнейшем количество набираемых на первый курс студентов постепенно сокращалось. Это объясняется тем, что в первое время большинство поступающих составляли политэмигранты из Финляндии и Эстонии. Тем не менее, не могут не вызвать удивления данные из юбилейного сборника ЛОКУНМЗ о количестве студентов первого набора, окончивших полный университетский курс – всего 49 чел. К пятилетнему юбилею петроградского отделения, по данным этого же сборника, полный курс финсектора окончили 127 чел., эстсектора – 56 чел.¹⁵Таким образом, можно говорить о большом отсеве студентов из университета, причины которого мы попытаемся, в числе прочего, выявить в данной статье.

Согласно протоколу закрытого партийного собрания коллектива РКП (б) ЛОКУНМЗ от 31 октября 1924 г., из 303 ч. студентов мужчин было 240 ч., женщин – 63 ч. Из них по социальному происхождению рабочие составляли 70%, крестьяне 26%, прочие – 4%¹⁶. Можно предположить, что вместе со снижением в составе студентов процента политических эмигрантов во второй половине 1920-х гг., среди них выросла доля выходцев из крестьян. К концу 1920-х гг. уже более трети из обучающихся в ЛОКУНМЗ студентов были родом из России¹⁷. При этом сельскохозяйственный труд являлся основным занятием большей части финского и эстонского населения северо-запада страны.

Студенты ЛОКУНМЗ в начальный период существования университета были объединены в Трудовую коммуну, предназначение которой заключалось в регулировании внутренней жизни университетского

¹³Фрумкина М. Коммунистический университет национальных меньшинств Запада // Жизнь национальностей. 1923. Кн. 1. Янв. С. 258.

¹⁴ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2675. Л. 3.

¹⁵Валлин Г. Пять лет ЛОКУНМЗ'а // Пять лет ленинской учебы: Юбилейный сборник (1922–1927). Л., 1927. С. 17, 19.

¹⁶ЦГАИПД СПб. Ф. 218. Оп. 1. Д. 14. Л. 5.

¹⁷Krekola J. Stalinismin lyhyt kurssi: suomalaiset Moskovan Lenin-koulussa. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 2006. S. 62.

сообщества. Трудовая коммуна имела свои представительные органы, которые занимались продовольственными, хозяйственными вопросами, организацией медицинской помощи и иными задачами. Кроме того, Трудовой коммуна следила за партийной, товарищеской и учебной дисциплиной¹⁸.

Правление Трудовой коммуны осуществляло свою деятельность через соответствующие комиссии: административную (занималась назначением трудовых нарядов, распределением комнат в общежитиях), сан-физкультуры (следила за соблюдением чистоты в общежитиях, посещаемостью студентами бани), продовольственную (участвовала в организации снабжения студентов). Кроме того, отдельными органами Трудовой коммуны являлись Касса взаимопомощи, оказывавшая помощь больным и нуждающимся студентам, и Товарищеский суд. Согласно краткому отчету о деятельности университета за март 1924 г., Товарищеский суд к тому времени стал «вполне авторитетным органом и оказывает гораздо более влияния, чем административные меры»¹⁹. На суд чаще всего выносились случаи уклонения от учебных занятий и общественных работ. Отметим, что различные общественные работы (колка дров, уборка снега, работа на кухне и т.д.) в начале 1920-х гг. были широко распространены, так как на поддержание нормальной работы университета просто не хватало средств.

В юбилейном сборнике ЛОКУНМЗ есть данные о продовольственном пайке студента в первом, 1922/23 учебном году. По этим данным, в месячный паек входило 60 ф. муки, 15 ф. гречневой или ячневой крупы, 20 ф. мяса (или рыбы), 4 ф. растительных жиров и 3 ф. сахара. Хотя паек и считался усиленным, качество этих продуктов оставляло желать лучшего²⁰. Согласно архивным источникам, в январе 1923 г. продовольственное снабжение студентов серьезно ухудшилось, норма мяса была уменьшена до 11,5 ф., вместо 4 ф. топленого масла стали выдавать 2,5 ф. льняного²¹. При этом, из февральского доклада контрольно-хозяйственной комиссии университета следует, что на продовольственном складе обнаружена недостача 6 пудов и 30 фунтов хлеба, что, по словам заведующего административно-хозяйственной частью Валлина, «отчасти

¹⁸Ibid. S. 69.

¹⁹ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2465. Л. 14 об.

²⁰Валлин Г. Пять лет ЛОКУНМЗ'а. С. 15.

²¹ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2675. Л. 4.

объясняется усущкой»²². Ухудшение питания не замедлило сказаться на здоровье студентов: «Вид студентов бледный, осунувшийся и крайне резкая возбудимость. Этому следующие причины: резкое ухудшение питания студентов, не легкая нагрузка учебной работой. У многих студентов здоровье было подорвано уже тяжелыми условиями работы в провинции, в подполье и на фронтах»²³. Лишь в октябре 1923 г. снабжение натурой отменили. Взамен продовольственного пайка университету на питание студентов стали отпускать деньги из расчета 10 руб. на студента в месяц, что позволило несколько разнообразить пищу²⁴.

Не лучше обстояли дела с материальным снабжением студентов. Даже в 1925 г. университет не мог обеспечить учащихся одеждой и обувью, что для людей, которые прибывали на учебу прямо из Красной Армии или подполья, было жизненно важно. Многие студенты имели только по одной паре нательного белья²⁵. Особенно тяжело жилось семейным студентам, которым не полагалось место в общежитии. Им приходилось самостоятельно снимать квартиру, поэтому многие семейные студенты бросали учебу из-за материальной необеспеченности²⁶.

Общежитие, учебные классы и администрация ЛОКУНМЗ находились под одной крышей, в главном здании на улице Ракова (Итальянской), 17. Студенты размещались по 2-3, иногда по 3-4 чел. в комнате. В целях борьбы с национальной обособленностью, финнов и эстонцев селили в комнатах вместе. Второе здание университета находилось на улице Толмачева (Караванной), 26. В нём располагались актовый зал, а также общежитие для некоторых семейных студентов и сотрудников. Этот дом, согласно отчету о деятельности Хозчасти ЛОКУНМЗ за второй триместр 1923/24 учебного года, находился в плохом состоянии, так как «о полном необходимом в нём ремонте, ввиду бездоходности его, и за неизменением средств, не может быть и речи»²⁷.

Плохое питание и условия жизни вызывали у студентов частые заболевания. В отчетах постоянно фигурируют бронхит, заболевания нервной системы, малокровие. В ЛОКУНМЗ была своя амбулатория и зубо-врачебный кабинет, но для получения какой-нибудь пустяковой мази боль-

²²ЦГАИПД СПб. Ф. 218. Оп. 1. Д. 6. Л. 9 об.

²³ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2675. Л. 6 об.

²⁴Валлин Г. Пять лет ЛОКУНМЗ'а. С. 16.

²⁵ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2677. Л. 10–10 об.

²⁶Там же. Л. 11.

²⁷ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2465. Л. 25 об.

ному студенту приходилось тратить 1-2 дня на то, чтобы взять рецепт в коммунальной больнице²⁸. Руководство университета, обосновывая необходимость возобновления в 1925 г. посылки студентов на санаторно-курортное лечение, писало в Организационный отдел Северо-западного областного бюро ЦК РКП (б): «Очень большой процент поступивших в Университет, уже до этого живя в условиях подполья, физически износились, а также 4-х летнее пребывание в Университете не осталось без последствий и теперь, до отправки на практическую работу, необходимо оканчивающих предварительно отправить на лечение»²⁹.

В основу трехгодичного курса КУНМЗ была положена программа Коммунистического университета имени Я.М. Свердлова (с некоторыми изменениями и сокращениями)³⁰. Учебный план КУНМЗ 1922 г. включал такие предметы, как родной язык и литература, история края (народа), история рабочего движения края (народа), экономическая география края, государственный и общественный строй и политические группировки края, русский язык³¹. Петроградское отделение, безусловно, старалось ориентироваться на учебный план головного вуза, но до 1924 г. учебный план ЛОКУНМЗ представлял собой скорее сборную солянку из создававшихся вне всякой связи друг с другом учебных программ финской и эстонской совпартшкол. В учебном плане ЛОКУНМЗ сохранялся акцент на общеобразовательные дисциплины, такие как математика, физика, химия. С 1925/26 учебного года началось систематическое уплотнение общеобразовательного цикла в пользу общественных дисциплин³².

К 1927 г. учебный план основного курса ЛОКУНМЗ имел следующую структуру. На первом курсе программа обучения включала в себя такие предметы, как экономическая география, история развития общественных форм, история ВКП (б), химия, физика, физическая география, природоведение. На втором курсе студенты проходили политэкономия, историю России, историю Запада, историю ВКП (б), основы военной подготовки и биологию. На третьем курсе изучалась история Востока, экономическая политика, партстроительство, основы ленинизма, истори-

²⁸ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2677. Л. 11.

²⁹Там же. Л. 10 об.

³⁰Фрумкина М. Коммунистический университет национальных меньшинств Запада. С. 259.

³¹Леонова Л.С. Из истории подготовки партийных кадров... С. 56.

³²Аллерман С. Учебно-методическая работа в Локунмз'е // Пять лет ленинской учебы: Юбилейный сборник (1922–1927). С. 23.

ческий материализм, советское право, основы журналистики. Русский язык и гимнастика были включены в учебную программу на протяжении всего периода обучения³³.

В конце 1924/25 учебного года в ЛОКУНМЗ началось внедрение в образовательный процесс «дальтон-плана» (или бригадно-лабораторного метода). «Дальтон-план» был разработан американскими педагогами Еленой Паркхерст и Уильямом Килпатриком в начале XX века. Этот метод преподавания заключается в том, что учащиеся, объединенные в команды, самостоятельно работают над «проектами» (конкретными заданиями, связанными с учебным материалом), а преподаватель лишь консультирует их в случае возникновения трудностей. При этом объем теоретического материала значительно сужен. «Дальтон-план» предполагает сочетание коллективной и индивидуальной работы, наличие четких сроков сдачи «проектов»³⁴. Для осуществления на практике этого метода требовались хорошо оборудованные лаборатории, богатая библиотека, подготовленные преподаватели – не удивительно, что введение «дальтон-плана» в ЛОКУНМЗ вызвало большие трудности.

Жарким дискуссиям о лабораторном методе посвящена значительная часть статей в журнале студентов московского отделения КУНМЗ «Красный западник». Можно с уверенностью предположить, что у московских и ленинградских студентов возникали схожие проблемы. Студентов в американском методе, используемом на русской почве, не устраивали: отсутствие свободных аудиторий для лабораторных и индивидуальных занятий; нехватка свободного времени для подготовки заданий; эпизодичность контактов с преподавателями; отсутствие необходимой литературы не только на родном, но и на русском языке; хаотично составленное расписание. Любопытно, что согласно отчету за второй триместр 1924/25 учебного года, в ЛОКУНМЗ за весь первый триместр зарегистрировано «перворазных нервно-больных» 21 случай, а во втором триместре, с переходом на лабораторный метод, с конца января по апрель 1925 г. – уже 48 случаев³⁵.

В «Красном западнике» можно прочитать ответы администрации КУНМЗ на критику «дальтон-плана» студентами. Например, М.Я. Фрумкина, комментируя статью студента Дзюбека «Долой дальтон-план»,

³³Krekola J. Stalinism in lyhyt kurssi. S. 65.

³⁴Хуторской А.В. Дальтон-план Елены Паркхерст и другие зарубежные системы обучения // Народное образование. 2012. №8. С. 220.

³⁵ЦГАИИД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2677. Л. 33.

пишет: «Вы готовитесь быть организатором, строителем новой жизни. Вы будете строить в обстановке, непрерывно меняющейся, выдвигающей новые и новые задачи... Вы должны уметь изучать явления, критически оценивать мнения и предложения. Для этого вы должны усвоить метод марксизма-ленинизма. А метод нельзя усвоить с чужих слов, его нельзя «вливать в голову». Надо учиться его применять»³⁶. Обоснованность и своевременность введения «дальтон-плана» руководством университета никогда не ставились под сомнение.

Ещё до начала внедрения «дальтон-плана» в образовательный процесс, в ЛОКУНМЗ широко практиковалось обучение вне стен университета. Для этого существовал специальный экскурсионный подотдел. Лишь за второй триместр 1923/24 учебного года подотделом было организовано 70 экскурсий³⁷. Например, по предмету «Природа» для студентов проводили экскурсии на темы «Жизнь животных в связи с окружающей природой» (Зоологический музей), «Мироведение. Астрономические инструменты» (Обсерватория), «Минералы и полезные ископаемые» (Горный музей). Во время экскурсий по физике и химии студенты параллельно изучали городскую промышленность – с темой «Паровые двигатели» они знакомились на заводе «Рено», с темой «Кислоты» на Тентелевском химическом заводе и т.д. Экскурсии по истории культуры проходили в Эрмитаже³⁸.

Взаимоотношения между финским и эстонскими секторами университета были далеки от идеальных. В октябре 1929 г. Секретариат обкома ВКП (б) даже вынес специальную резолюцию, в которой указывалось на наличие элементов национальной обособленности внутри ЛОКУНМЗ, что объяснялось плохой постановкой интернационального воспитания студентов³⁹. Свидетельством давнего существования этой замкнутости может быть то, что наряду с русско- и эстоноязычной стенгазетой «Западник» финнами выпускалась собственная финноязычная стенгазета «Локакуу» («Октябрь»)⁴⁰. Внутри университета действовали как интернациональные, так и отдельные национальные кружки. Например, был интернациональный кружок журналистики, но были и самостоятельные

³⁶Фрумкина М. Ответ тов. Дзюбеку // «Красный западник». 1925. №2 (26). С. 23.

³⁷ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2465. Л. 22.

³⁸Там же. Л. 30.

³⁹Смирнова Т. М. Национальность – питерские. С. 210.

⁴⁰Krekola J. Stalinismin lyhyt kurssi. S. 70.

эстонский и финский кружки журналистики; наряду с интернациональным хором существовали эстонский и финский хоры и т.д.

Языковые проблемы затрудняли проведение совместных праздников и вечеров. Обычно общие собрания проходили одновременно на финском и русском языке, которые эстонцы чаще всего могли понимать. Тем не менее, в университете обучалось много студентов, которые владели лишь одним языком. Предпринимались попытки проведения совместных мероприятий параллельно на русском, финском и эстонском языках. Однако это настолько затягивало выступления, что танцы, которых только и ждали студенты, часто отменялись в пользу официальной части⁴¹.

Учащиеся ЛОКУНМЗ, увлекающиеся спортом, имели право вступить в спортивное общество «Красная звезда», организованное при Интернациональной военной школе. Эта школа располагалась на Кадетской линии Васильевского острова, и в ней было несколько национальных отделений, в том числе финское и эстонское. Курсанты военной школы с некоторым пренебрежением окрестили ЛОКУНМЗ «зоопарком». Но в университете училось много студенток-девушек, которых курсанты с удовольствием приглашали на танцевальные вечера – в Интернациональной военной школе имелся собственный духовой оркестр из двенадцати человек⁴².

Среди студентов начального периода существования ЛОКУНМЗ можно выделить Тьюне Токой. Её отец, Оскари Токой (1873–1963), был депутатом финляндского парламента от социал-демократической партии с 1907 по 1918 гг. С 1913 по 1914 гг. О. Токой занимал пост спикера в парламенте Финляндии, с марта по сентябрь 1917 г. – пост вице-председателя финляндского Сената (первое в мире правительство, в котором преобладали социалисты⁴³). Во время гражданской войны в Финляндии Оскари Токой был членом «красного правительства» – Совета народных уполномоченных (СНУ), в котором отвечал за продовольственные вопросы. После поражения красных О. Токой бежал в Советскую Россию, где его вскоре избрали членом специального комитета, занимавшегося делами финских беженцев. Часть беженцев оказалась на территории Беломорской Карелии и Кольского полуострова. Оскари Токой участвовал в формировании из них так называемого «Мурманского легиона» – воинского

⁴¹Ibid. S. 70–71.

⁴²Salomaa M. Punaupseerit. Juva, 1992. S. 108.

⁴³Юссила О., Хентила С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–2009. М.: «Весь Мир», 2010. С. 121.

формирования, которое должно было, с молчаливого согласия советского правительства и под руководством командования британских экспедиционных сил, защищать Мурманскую железную дорогу от возможной угрозы со стороны немцев и белофиннов⁴⁴. Англичане обеспечили «легион» всем необходимым. Однако по мере обострения отношений между Советской Россией и державами Антанты среди руководителей красных финнов наметился раскол. Вокруг О. Токоя образовалась оппозиционная группа. В августе 1918 г. в Архангельске группа Токоя создала Комитет финских трудящихся. Комитет обратился к финским беженцам с воззванием, в котором призвал всех их объединиться вокруг англичан для борьбы с белофиннами и немцами, направил приветствие представителям союзных держав и архангельскому правительству Н.В. Чайковского. Руководство Коммунистической партии Финляндии (КПФ) объявило Оскари Токоя изменником⁴⁵. Позже, в 1921 г., О. Токою удалось через Англию и Канаду уехать в США – страну, где он прежде жил с 1891 по 1900 гг.

Большая семья Оскари Токоя некоторое время оставалась в Советской России. Жена Ханна с тремя младшими детьми осенью 1921 г. вернулась в Хельсинки, оттуда в 1924 г. они также отправились в США. В России остались старшие дети Оскари – дочь Тююне и сын Нестор. Судя по всему, это был их собственный выбор. Отметим, что Тююне осенью 1921 г. было уже 18 лет.

В своей автобиографии, написанной в 1935 г., Тююне Токой сообщает, что она прибыла в Советскую Россию вместе с матерью и младшей сестрой в апреле 1918 г. Сперва они оказались в Петрограде, потом Ханна отвезла дочерей в специально организованный для финских беженцев лагерь в городе Буй Вологодской губернии. Затем они отправились в Москву, где в это время находился Оскари Токой. В сентябре 1918 г. Ханна вместе с детьми уехала в город Пермь, в район которого в это время направлялись многие финские беженцы – около села Верещагино Пермской губернии тогда создавалась финская земледельческая коммуна. В Перми Нестор Токой вступил в ряды Красной Армии. Когда город оказался под угрозой захвата белыми, Тююне вместе с родственниками пришлось бежать. В январе 1919 г. она снова оказалась в Петрограде⁴⁶.

⁴⁴Мусаев В.И. Мурманский легион в 1918–1920 гг. // Военно-исторический журнал. 2011. №7. С. 18.

⁴⁵Там же. С. 20–21.

⁴⁶“Kallis toveri Stalin!” Komintern ja Suomi. Edita, 2002. S. 335.

В феврале 1919 г. Тююне Токой взяли машинисткой-стажером в находившийся в Петрограде агитационный отдел КПФ. Затем в этом же отделе она занималась упаковкой и распространением литературы. В конце 1920 г. агитационный отдел КПФ ликвидировали, Тююне перевели на работу Центральное бюро финских организаций РКП (б). Там она трудилась машинисткой до февраля 1922 г., когда была командирована Центральным бюро на обучение в только что организованную высшую финскую партийную школу, которая несколько месяцев спустя стала финским сектором петроградского филиала КУНМЗ⁴⁷.

В 1923–1924 гг. в коммунистических университетах страны проходила серьёзная проверка качественного состава студентов⁴⁸. Не избежали чистки и студенты ЛОКУНМЗ. Сохранился протокол закрытого собрания членов и кандидатов в члены РКП (б) второго курса Финсектора от 9 мая 1924 г. На это собрании происходила персональная критика каждого участника в форме обсуждения личных характеристик. Позволим себе привести здесь фрагмент утверждения характеристики студентки Тююне Токой:

«Токой/ Тююне.

Активная.

Энергичная.

Имеет пролетарскую психологию.

Тов. Маркканен, Онни предложил, чтобы т. Токой сделала бы краткое объяснение об отношениях ея с отцом, который вождь социал-демократов. Сопrotивлялись такому предложению, потому что тов. Токой, Т. называется имеющей коммунистическое мировоззрение. Вопрос поставлен на голосование, и результатом которого большинством 12 голосов против 7 предложили т. Токой объяснить свое состояние к отцу с полит-точки зрения.

Тов. Т. Токой ответила на вопрос, что не имела никакой политической переписки с отцом, а объяснила, что находится с бюро Р.К.П. Финсекций одного мнения и осуждает действие отца⁴⁹.

Примечательно, что отца Тююне в этом документе называют вождём социал-демократов, кем он в 1924 г. никак не мог являться. В Финляндии лидером обновленной социал-демократической партии был Вяйнё Таннер. Однако «грех», который совершил Оскари Токой находясь в России,

⁴⁷”Kallis toveri Stalin!”. S. 335–336.

⁴⁸Леонова Л.С. Из истории подготовки партийных кадров... С. 47.

⁴⁹ЦГАИПД СПб. Ф. 218. Оп. 1. Д. 16. Л. 21.

в чём-то сближал этих двух политиков – ведь в своих воззваниях Токой предложил финской буржуазии классовый мир⁵⁰.

Как ни странно, обстоятельства происхождения не помешали Тююне Токой окончить полный университетский курс в 1925 г. В своей автобиографии, написанной через десять лет после выпуска, Т. Токой сообщает, что после университета её направили на работу в Карелию, в Ухтинский уезд, где она была заведующей отделом агитации и пропаганды уездного комитета ВЛКСМ до октября 1927 г. Следующим местом работы Тююне стало финское общество, которое находилось в Ленинграде и занималось подготовкой и изданием книг по истории финской революции (Suomen Vallankumousliikkeen Tutkijakunta). В 1931 г. Тююне Токой назначили главой ленинградского отделения Российского бюро ЦК КПФ⁵¹. Центральный комитет партии состоял из двух частей (бюро), находившихся в Москве и Хельсинки, при этом Росбюро имело ещё отделения в Ленинграде и Петрозаводске. Ленинградское отделение курировало финский сектор ЛОКУНМЗ, предоставляя, например, актуальную информацию о рабочем движении в Финляндии. Кроме того, под его началом находилось государственное издательство «Kirja», а также газета «Varaus» и официальный теоретический орган КПФ – журнал «Kommunisti»⁵². В сфере ответственности ленинградского отделения была, возможно, и организация маршрутов для нелегального перехода финляндской границы. Всё это говорит о большой политической роли руководителя отделения.

Не вполне ясно, по какой причине Т. Токой отстранили от руководства ленинградским отделением ЦК КПФ в 1936 г. В «Книге памяти финнов» последним местом работы Тююне указана ленинградская Публичная библиотека. Т. Токой арестовали 8 августа 1937 г., 10 ноября того же года комиссия НКВД и Прокуратуры СССР по статье 58-6 УК РСФСР (шпионаж) приговорила её к высшей мере наказания. 15 ноября 1937 г. Тююне Токой расстреляли⁵³.

⁵⁰Коронен М.М. Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Ленинград: Лениздат, 1969. С. 110.

⁵¹”Kallis toveri Stalin!”. S. 336.

⁵²Yütto A. «Финноед» Отто Вилле Куусинен. СПб.: «Гйоль», 2017. С. 197.

⁵³Токой Тюне Оскаровна (1903). URL: [https://ru.openlist.wiki/Токой_Тюне_Оскаровна_\(1903\)](https://ru.openlist.wiki/Токой_Тюне_Оскаровна_(1903)) (дата обращения: 15.02.2019).

В 1922–1923 гг. и 1927 г. проректором петроградского филиала КУНМЗ был известный деятель финского и международного революционно-го движения Юрьё Сирола (1876–1936). Во время гражданской войны в Финляндии Сирола, так же как и Оскари Токой, входил в состав СНУ, где отвечал за международную политику. На учредительном съезде КПФ в августе 1918 г. его избрали членом ЦК. С июля 1921 г. по август 1922 г. Ю. Сирола являлся членом Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна. Он получил образование в Гельсингфорсском университете, владел несколькими иностранными языками – русским, шведским, немецким и английским. В промежутке между командировками в Швецию и Америку, в 1924/25 учебном году Сирола читал студентам лекции по экономике и историческому материализму. Что же касается рядовых преподавателей, то о них информации крайне мало. Известно, что среди первых преподавателей были, например, финский краском Никодемус Тёрмяля (руководил до этого высшей финской партийной школой) и активистка финляндского женского движения Аура Киискинен. Занятия по математике вёл брат Тююне Токой, Нестор.

Характерно, что руководителями ЛОКУМЗ чаще всего назначались финны. Когда Ю. Сирола отправили в заграничную командировку, его на посту проректора ненадолго сменил бывший когда-то связным у В.И. Ленина Юхо Латукка (умер 28 декабря 1925 г.). С 1925 по 1927 гг. проректором работал Лео Лаукки (1880–1937), член ЦК КПФ в 1921–1925 гг. Лаукки сместили в результате борьбы между «русской» (братья Рахья и их сторонники) и «финской» (К. Маннер, Ю. Сирола) группировками в ЦК КПФ. Вот как деятельность Л. Лаукки оценивал Кулерво Маннер: «Благодаря этому назначению в руки руководимой Рахья и Лаукки оппозиции были отданы финские слушатели университета, из которых большинство является членами нашей партии и которых предполагается в свое время командировать обратно в Финляндию на конспиративную партработу. <...> В комуниверситете воспитывается разлагающий дух и разлагающие элементы. Оппозиция стремится теперь продвинуться на более широкий фронт, после того как её прежние приемы оказались неудачными, и её покровитель тов. Зиновьев бессилён»⁵⁴. Архивные документы подтверждают, что опасения по поводу возможности зарождения

⁵⁴Письмо К. Маннера в Малую комиссию Секретариата ИККИ относительно назначения Ю. Сирола проректором Ленинградского отделения КУМЗ (26 декабря 1926 г., Москва) // Коминтерн и Финляндия. 1919-1943: [Сб. документов]. М.: «Наука», 2003. С. 140.

оппозиционных настроений среди студентов ЛОКУНМЗ не были лишены оснований.

Например, уже в 1923 г. в жизни эстонского сектора произошло событие, потребовавшее вмешательства высших партийных инстанций Петрограда. Студенты подали проректору и учебному совету университета коллективный протест, требуя восстановить исключенного за недисциплинированное поведение из числа студентов Г. Ранца, угрожая в противном случае покинуть университет вместе с ним. Под протестом подписались 67 человек. В результате из университета отчислили не только Ранца, но и ещё восемь беспартийных студентов, а дела семи студентов-членов партии передали районной конфликтной комиссии. Также временно распустили кружок эсперанто, члены которого являлись основными зачинщиками демарша⁵⁵.

Руководство РКП (б) считало, что чисто теоретическая подготовка студентов комвузов в отрыве от производственной и массовой работы может создать условия, «порождающие среди них чуждые пролетарской идеологии настроения и уклоны и податливость влиянию мелкобуржуазной стихии»⁵⁶. Поэтому большое внимание уделялось организации производственной практики, которая была неотъемлемой частью учебной программы в комуниверситетах. В уставе КУНМЗ указаны основные цели практики: «всестороннее изучение студентами форм и методов партийной работы на предприятиях и в деревне», «развитие у будущих квалифицированных партработников навыков практической общественно-политической, в первую очередь, партийной работы», «постоянное общение студенчества с массами и увязка их теоретической учебы с повседневным опытом социалистического строительства»⁵⁷. Практическая работа подразделялась на два вида – на проводившуюся в течение учебного года (городскую) и каникулярную (деревенскую).

По первой послереволюционной переписи, которая состоялась в Петрограде 28 августа 1920 г., из 722 тыс. человек населения города около 17% составляли представители нерусских национальностей, из них около 2% были эстонцами и около 1% финнами. Но уже в Петроградской губернии ситуация сильно отличалась – там в 1920 г. из 888 тыс. человек

⁵⁵ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2675. Л. 10–10 об.

⁵⁶Тринадцатый съезд РКП (б) (май 1924 года): Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1963. С. 662.

⁵⁷Панин Е.В. Роль производственной практики... С. 7.

населения 11,5 % составляли финны-ингерманландцы и 5% эстонцы⁵⁸. Поэтому значение летней деревенской практики, когда студенты могли работать в естественной для них языковой среде, было выше.

Городская практика представляла собой партийную работу на фабриках и заводах Ленинграда. Она включала в себя не только организационную, пропагандистскую, исследовательскую деятельность, но и физический труд (отметим, что часто принимающая сторона формально подходила к использованию студентов на производстве). В период городской практики осуществлялась также политико-просветительская работа среди соответствующих национальных меньшинств Ленинграда – например, по линии национальной печати.

Деревенская практика была двух видов – национальная и русская (проводились, соответственно, в национальных или русских деревнях). Вызывает удивление обширная география поездок студентов-практикантов ЛОКУНМЗ по стране: Лемболово, Белоостров, Петрозаводск, Ухта, Мурманск, Тверская губерния, Алтайская губерния, Батум, Донская область, Симбирск и т.д.⁵⁹ Местные условия подчас были довольно суровыми. В отчёте о работе ЛОКУНМЗ за второй триместр 1924/25 учебного года отмечается: «Из произведенных в прошлом году наблюдений после прибытия с летней практической работы выяснилось, что студенты, находившиеся на практической работе, все почти сильно упали в весе... Отпущенных в прошлом году средств – было недостаточно при индивидуальной жизни, когда студентам часто приходилось ездить с места на место, а местные организации никакой материальной помощи не оказывали»⁶⁰.

Основные задачи практикантов в деревне – разъяснение на местах текущей политики партии и участие в различных мероприятиях советской власти. В 1923 г. перед отправкой студентов ЛОКУНМЗ на практику для них прочитали доклады «Культурная работа в деревне», «Задачи партии и советской власти в деревне», «Партстроительство», «Гражданский кодекс», «Землеустройство», «Кооперация и единый сельскохозяйственный налог» и др.⁶¹ Студенты прикреплялись к местным партийным организациям и использовались в качестве лекторов и кружководов. Они вели комсомольскую и пионерскую работу, занимались созданием изб-

⁵⁸Смирнова Т. М. Национальность – питерские. С. 64, 67–68.

⁵⁹ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2679. Л. 2–4.

⁶⁰ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2677. Л. 11.

⁶¹Леорова Л.С. Из истории подготовки партийных кадров... С. 165.

читален, яслей, спортплощадок, выпуском стенгазет на национальных языках. В области сельского хозяйства в задачи практикантов входило проведение с крестьянами занятий по землеустройству, оказание агрономической помощи. Другой важной составляющей летней практики являлась исследовательская деятельность – студенты собирали сведения об уровне экономического и политического развития национальных районов, о степени социального расслоения деревни, об отношении населения к советской власти⁶².

Таким образом, рассмотрев историю начального периода существования ЛОКУНМЗ, можно сделать вывод о противоречивых результатах деятельности университета. Государство, несмотря на послевоенную разруху в стране, изыскивало средства на финансирование вуза. Однако сказать, что удалось обеспечить безбедное существование студентов, позволявшее им целиком сосредоточиться на учебе, нельзя. Кроме непростых материально-бытовых условий жизни, причиной большого отсева студентов в 1920-е гг. были низкий образовательный уровень поступавших, проблемы с адаптацией в иной культурной среде, а также партийные чистки. Хотя не всем студентам удалось благополучно завершить обучение, университет, безусловно, сыграл определенную положительную роль в поднятии образовательного и культурного уровня советских нацменьшинств. Выпускники направлялись на партийную, комсомольскую, профсоюзную, политико-просветительскую, педагогическую, хозяйственную и кооперативную работу в северо-западные области страны и были там крайне востребованы. Сложнее оценить, насколько университет в тот момент справлялся со своими «внешнеполитическими» задачами. В юбилейном сборнике ЛОКУНМЗ студенты-политэмигранты характеризуются как люди, болезненно реагирующие на малейшие недостатки и неудачи советской власти, что объясняется изначально завышенными ожиданиями и слабым владением марксистско-ленинской теорией⁶³. Показательно, что эта категория студентов хуже остальных владела русским языком, так как, не желая связывать судьбу с Россией, видела полем своей будущей деятельности исключительно родную страну.

⁶²Панин Е.В. Роль производственной практики... С. 9–10.

⁶³Мянниксон К. Партвоспитательная работа в Локунмз'е // Пять лет ленинской учебы: Юбилейный сборник (1922–1927). С. 31–32.

ЛИТЕРАТУРА

Возгрин В.Е. История крымских татар: очерки этнической истории коренного населения Крыма: в 4 т. Т. 3. Симферополь, 2014. 879 с.

Деннингхаус В. В тени «Большого Брата»: Западные национальные меньшинства в СССР (1917-1938 гг.). Москва: РОССПЭН, 2011. 727 с.

Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: Иностранцы московского Электростроительного завода в советском обществе 1920-х – 1930-х гг. Москва: РОССПЭН, 2000. 352 с.

Коронен М.М. Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Ленинград: Лениздат, 1969. 224 с.

Леонова Л.С. Из истории подготовки партийных кадров в советско-партийных школах и коммунистических университетах. (1921-1925 гг.). Москва: Издательство Московского университета, 1972. 181 с.

Миллер А. Русификации: классифицировать и понять // *Ab Imperio*. 2002. №2. С. 133–148.

Мусаев В.И. Мурманский легион в 1918–1920 гг. // Военно-исторический журнал. 2011. №7. С. 18–23.

Панин Е.В., Харламова Т.И. Коммунистические университеты для национальных меньшинств в Советской России: 1920-1930-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №7 (21). С. 153–155.

Панин Е. В. Материально-бытовые условия жизни студенчества интернациональных и национальных коммунистических университетов Советской России (1920-1930-е гг.) // Теория и практика общественного развития. 2012. №3. С. 165–168.

Панин Е.В. Роль производственной практики в обучении студентов коммунистических вузов в 1920-е гг. (на примере Коммунистического университета национальных меньшинств Запада) // Вестник МГОУ (Электронный журнал). 2013. №2. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/332> (дата обращения: 15.02.2019).

Смирнова Т.М. Культурное строительство среди национальных меньшинств Петрограда-Ленинграда в 1917-1938 годах // Русская культура вне границ. Вып.3. Москва, 1996. С. 34–40.

Смирнова Т.М. Из истории ленинградского отделения Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (ЛОКУНМЗ) // История вузов России. Санкт-Петербург, 1997. С. 106–109.

Смирнова Т. М. Национальность – питерские: Национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области в XX веке. Санкт-Петербург: «Сударыня», 2002. 582 с.

Yitto A. «Финноед» Отто Вилле Куусинен. Санкт-Петербург: «Гйоль», 2017. 388 с.

Хуторской А.В. Дальтон-план Елены Паркхерст и другие зарубежные системы обучения // Народное образование. 2012. №8. С. 220–229.

Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809-2009. Москва: «Весь Мир», 2010. 472 с.

Krekola J. Stalinismin lyhyt kurssi: suomalaiset Moskovan Lenin-koulussa. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 2006. 445 s.

Salomaa M. Punaupseerit. Juva, 1992. 468 s.

REFERENCES

Denninghaus V. *V teni «Bol'shogo Brata»: Zapadnye nacional'nye men'shinstva v SSSR (1917-1938 gg.)* [In the shadow of the «Big Brother»: Western national minorities in the USSR (1917-1938)]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011. 727 p. (In Russian)

Hutorskoj A.V. *Dal'ton-plan Eleny Parkherst i drugie zarubezhnye sistemy obuchenija* [Helen Parkhurst Dalton Plan and other foreign teaching systems], in *Narodnoe obrazovanie* [Public education]. 2012. №8. P. 220–229. (In Russian)

Jussila O., Hentilja S., Nevakivi J. *Politicheskaja istorija Finljandii 1809-2009* [Finnish political history 1809-2009]. Moscow: Ves' Mir Publ., 2010. 472 p. (In Russian)

Koronen M.M. *Finskie internacionalisty v bor'be za vlast' Sovetov* [Finnish internationalists in the struggle for Soviet power]. Leningrad: Izdatel'stvo Lenizdat Publ., 1969. 224 p. (In Russian)

Krekola J. *Stalinismin lyhyt kurssi: suomalaiset Moskovan Lenin-koulussa*. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 2006. 445 s.

Leonova L.S. *Iz istorii podgotovki partijnyh kadrov v sovetsko-partijnyh shkolah i kommunisticheskikh universitetah. (1921-1925 gg.)* [From the history of training of the party staff in the Soviet party schools and communist universities. (1921-1925)]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1972. 181 p. (In Russian)

Miller A. *Rusifikacii: klassificirovat' i ponjat'* [Russification: classify and understand], in *Ab Imperio*. 2002. №2. P. 133–148. (In Russian)

Musaev V.I. *Murmanskij legion v 1918–1920 gg.* [Murmansk Legion in 1918–1920], in *Voenno-istoricheskij zhurnal* [Military History magazine]. 2011. №7. P. 18–23. (In Russian)

Panin E. V. *Material'no-bytovye uslovija zhizni studenchestva internacional'nyh i nacional'nyh kommunisticheskikh universitetov Sovetskoj Rossii (1920-1930-e gg.)* [The everyday living conditions of students of international and national communist universities]

of Soviet Russia (1920-1930s)], in *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija [Theory and practice of social development]*. 2012. №3. P. 165–168. (In Russian)

Panin E.V. *Rol' proizvodstvennoj praktiki v obuchenii studentov kommunisticheskikh vuzov v 1920-e gg. (na primere Kommunisticheskogo universiteta nacional'nyh men'shinstv Zapada) [The role of the internship in students of communist universities teaching in the 1920s]*, in *Vestnik MGOU [Bulletin of MGOU]*. 2013. №2. URL: <https://evestnik-mgou.ru/Articles/Doc/332> (15.02.2019). (In Russian)

Panin E.V., Harlamova T.I. *Kommunisticheskie universitety dlja nacional'nyh men'shinstv v Sovetskoj Rossii: 1920-1930-e gg. [Communist Universities for National Minorities in Soviet Russia: 1920s – 1930s]*, in *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theoretical and practical issues]*. 2012. №7 (21). P. 153–155. (In Russian)

Salomaa M. *Punaupseerit*. Juva, 1992. 468 s.

Smirnova T.M. *Kul'turnoe stroitel'stvo sredi nacional'nyh men'shinstv Petrograda-Leningrada v 1917-1938 godah [Cultural construction among the national minorities of Petrograd-Leningrad in 1917-1938]*, in *Russkaja kul'tura vne granic [Russian culture beyond borders]*. 1996. №3. P. 34–40. (In Russian)

Smirnova T.M. *Iz istorii leningradskogo otdelenija Kommunisticheskogo universiteta nacional'nyh men'shinstv Zapada (LOKUNMZ) [From the history of the Leningrad department of the Communist University of the Western National Minorities (LOCUNMZ)]*, in *Istorija vuzov Rossii [History of Russian universities]*. Saint Petersburg, 1997. P. 106–109. (In Russian)

Smirnova T. M. *Nacional'nost' – piterskie: Nacional'nye men'shinstva Peterburga i Leningradskoj oblasti v XX veke [National minorities of St. Petersburg and the Leningrad region in the twentieth century]*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sudarynja Publ., 2002. 582 p. (In Russian)

Ujto A. «*Finnoed*» Otto Ville Kuusinen [«*Finnoed*» Otto Ville Kuusinen]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Gjol' Publ., 2017. 388 p. (In Russian)

Vozgrin V.E. *Istorija krymskikh tatar: ocherki jetmicheskoi istorii korennoho naselenija Kryma: v 4 t. T. 3. [The history of the Crimean Tatars: essays on the ethnic history of the indigenous population of Crimea]*. Simferopol, 2014. 876 p. (In Russian)

Zhuravlev S.V. «*Malen'kie ljudi*» i «*bol'shaja istorija*»: *Inostrancy moskovskogo Jelektrozavoda v sovetskom obshhestve 1920-h – 1930-h gg. [«Little People» and «Big Story»: Foreigners of the Moscow Electroavod in Soviet society of the 1920s - 1930s]*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2000. 352 p. (In Russian)

В. Н. Чепик

Чепик Виктор Николаевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Нового и новейшего времени, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: victor_chepik@mail.ru

ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ЕЭС: ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ВАЛЮТНОГО СОЮЗА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1970-Х ГГ.

В статье рассматривается британский подход к вопросам углубления интеграции и перехода стран Общего рынка к экономическому и валютному союзу (ЭиВС). Ссылаясь на документы британского правительства, автор утверждает, что одобренный в начале 1970-х гг. план перехода к ЭиВС предусматривал в его заключительной стадии построение политического союза на неприемлемых для Великобритании принципах федерации. Планом предусматривалось: согласование экономической политики, фиксирование валютных курсов в рамках «валютного коридора», создание центрального органа регулирования экономической политики – Европейского центрального банка и политических органов власти для его контроля. С одной стороны, членство в ЕЭС вынуждало Великобританию согласовывать свою политику с политикой Сообщества, с другой стороны, открывало возможность в качестве полноправного члена оказывать влияние на направления и темпы интеграционных процессов, чем и хотело воспользоваться британское правительство. В заключении утверждается, что позиция Великобритании привела к отказу Сообщества от первоначальных планов по ЭиВС, улучшению условий членства Великобритании в Общем рынке и укреплению внутривалютной поддержки политики правительства в отношении ЕЭС, которая не ограничивалась только экономическими интересами, а преследовала также и внешнеполитические цели.

Ключевые слова: европейская интеграция, экономический и валютный союз, экономические показатели Великобритании и ЕЭС, референдум о членстве в ЕЭС.

Chepik Victor Nikolaevich, Senior lecture of the Department of Modern and Contemporary history, Institute of History, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation.

E-mail: victor_chepik@mail.ru

THE BRITISH EEC POLICY: THE ISSUES OF ECONOMIC AND MONETARY UNION IN THE FIRST HALF OF 1970S.

The article deals with the British approach to questions of a deepening of integration and movement of the Common Market countries to the Economic and Monetary Union (EMU). Referring to documents of the British government, the author argues, that the plan of transition to EMU approved in the beginning of 1970s provided in its final stage construction of the political union on principles of federation which were unacceptable for Britain. The plan provided: the coordination of economic policy, fixation of rates of exchange within the limits of «currency corridor», establishment of the central body of economic policy regulation - the European Central Bank and political authorities for its control. On the one hand, EEC membership compelled the Great Britain to coordinate its policy with a Community policy, on the other hand, it provided an opportunity as a full EEC member to influence directions and rates of integration, of which the British government wished to take advantage. In conclusion the author affirms, that the position of the Great Britain has led to Community refusal of initial plans on EMU, as well as to the improvement of terms of the British membership in the Common Market and to strengthening of the political support of the British government policy towards the EEC which was not limited only to economic interests, and pursued the foreign policy objectives.

Key words: The European integration, the economic and currency union, Britain and EEC economic performance, referendum on EEC membership.

В настоящее время, в связи с решением Великобритании о выходе из Европейского Союза, особый интерес вызывают первые годы её членства в Общем рынке. Вступление в ЕЭС с 1 января 1973 г. положило начало новому этапу европейской политики Великобритании, когда в качестве полноправного члена она стремилась повлиять на направление развития интеграционных процессов стран Общего рынка, и в тоже время вынуждена была согласовывать свою политику с политикой Европейского Сообщества. Начиная с первой заявки о вступлении Великобритании в Общий рынок в 1961 г. вопрос о расширении ЕЭС всегда обсуждался в контексте дискуссий о переходе к политическому союзу. Особый британский подход к вопросам создания политического союза в Западной Европе не позволил Великобритании вступить в ЕЭС и стал основанием для вето президента Франции Ш. де Голля в 1963 г., а затем и в 1967 г.¹ И только после смены власти во Франции и принятия решений на саммите ЕЭС о расширении Сообщества и углублении интеграции в декабре 1969 г. были начаты переговоры о приёме Великобритании в Общий рынок.

Выдвинутый в конце 1969 г. план перехода Сообщества к экономическому и валютному союзу (ЭиВС) предполагал в конечном итоге создание политического союза на неприемлемых для Великобритании принципах федерации. В частности, планом предусматривалось проведение согласованной экономической политики членами ЕЭС; поддержание фиксированных валютных курсов и учреждение центральных органов власти Сообщества – «агента» Сообщества, посредством создания Федерального резервного фонда или Европейского центрального банка, а также политических органов власти для его контроля за период с 1970-73 по 1980-84 гг.²

Обсуждая цели создания механизма финансового регулирования, в правительстве Великобритании пришли к выводу, что они выходили далеко за рамки направлений развития Общего рынка и положений Римского договора. С введением единых налоговых ставок, единой валюты или постоянных обменных курсов внутри Сообщества (что почти одно и

¹Более подробно см. Чепик В.Н., Борисенко В.Н. Проблема западноевропейской интеграции во внешней политике Великобритании: военно-политический аспект (1961-1975). – СПб.: Изд-во РХГА, 2016. – 160 с.

²The EEC Negotiations – Strategic Review. 1971. PREM 15/62 URL: <http://www.pro.gov.uk/releases/nyo2001/europe1-al.htm> (accessed 23.01.2004).

то же), централизованного управления бюджетными расходами у стран Общего рынка оставалось меньше свободы, чем у отдельных штатов США, поскольку последние обладали большей автономией над своими бюджетами, определяя общую сумму доходов и содержание расходных статей. Это значительно затрудняло возможности каждого в отдельности члена Сообщества посредством собственной политики корректировать возможный дефицит платёжного баланса и лишало отдельное государство свободы манёвра в экономической сфере³.

В связи с этим в Великобритании рассчитывали, что пока Сообщество не успело перейти от экспериментального этапа (1970-73 гг.) к созданию центральных органов власти, в кратчайшие сроки завершить переговоры о членстве в ЕЭС (не придавая большое значение деталям) и уже в качестве полноправного члена Сообщества принимать участие и влиять на исход любой конференции по созданию основных институтов будущего политического союза, опираясь на право вето и действовавший механизм принятия решений⁴.

В тоже время членство в ЕЭС обязывало Британию согласовывать свою политику с политикой и направлением развития Сообщества, признавая экономический и валютный союз как отдалённую цель. Для её достижения, По оценкам британских экспертов переход к экономическому и валютному союзу был возможен только после выравнивания экономических показателей, согласования экономической политики и соответствия этой политики национальным приоритетам. Причём под согласованием экономической политики в Великобритании понимали продвижение, прежде всего, собственных интересов. «Мы должны быть готовы принимать решения в рамках наших возможностей для продвижения наших интересов как члена Сообщества и поощрять развитие Сообщества в направлении, которое соответствует нашим собственным интересам и потребностям, а также интересам других членов и всей Европы в целом», – заявлял премьер-министр Великобритании Э. Хит⁵.

³Economic and Monetary Union. 1971. FCO 30/789 URL: <http://www.pro.gov.uk/releases/nyo2001/europe4-al.htm> (accessed 02.02.2019).

⁴Transcript of a conversation, 1970 Transcript of a conversation between the Prime Minister and the President of the United States. June 19, 1970. URL: <http://www.pro.gov.uk/releases/nyo2001> (accessed 10.09.2018).

⁵THE EUROPEAN ECONOMIC COMMUNITIES. Memorandum by the Prime Minister. CABINET. 2 August 1971. Cab 129-158. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> (accessed 02.02.2019).

Серьёзным препятствием для проведения согласованной экономической политики являлось растущее расхождение экономических показателей среди членов Сообщества и, в частности, Великобритании. Так, если в 1960 г. Великобритания была богатейшей страной среди стран объединившихся в «девятку» в 1973 г., за исключением Люксембурга, и национальный доход на человека в тот год составлял для Великобритании – 453 ф.ст., в ФРГ – 424 ф.ст., во Франции – 429 ф.ст., в Бельгии – 402 ф.ст., то уже в 1973 г. Британия стала третьей беднейшей страной в «девятке» после Италии и Ирландии. Национальный доход на человека был равен в Великобритании 1159 ф.ст., в Германии – 2055 ф.ст., во Франции – 1769 ф.ст., в Бельгии – 1742 ф.ст. Экономика Великобритании демонстрировала самые низкие темпы роста ВВП за период с 1960 – по 1973 гг. (Великобритания – 3,3%, Франция – 5,9%, Италия – 5,6%, Германия – 4,9%, Нидерланды – 5,2%, Дания – 4,7%, Бельгия – 4,9%, Ирландия – 4,1%). Доля Британии по отношению к ВВП ЕЭС составляла в 1961 г. – 25,6%, в 1971 г. – 19,4%, в 1974 г. – 16,1%, а в 1980 г. по прогнозу 1975 г. должна была составить всего 14%⁶. Эти причины, наряду со значительным дефицитом платёжного баланса и высоким уровнем инфляции в Великобритании (в два раза превышавшим уровень инфляции ФРГ) не позволяли ей присоединиться к механизму регулирования обменных курсов валют – т.н. европейской валютной змее, введённом в действие в 1972 г. после отмены Бретон-Вудской системы. К тому же в Британии считали, что «проблемы монетарного характера европейских стран могли быть решены только в мировых рамках»⁷.

В Великобритании доказывали, что для продвижения к экономическому и валютному союзу требовалось не совпадение экономических политик стран Сообщества, а совпадение экономических показателей. С этой целью необходимо было, прежде всего, организовать передачу ресурсов от богатых к более бедным членам Сообщества посредством дешёвых кредитов и финансирования из различных фондов Сообщества, таких как фонд регионального развития (ФРР), социальный фонд и др. Однако при фиксированных обменных курсах и расхождении эконо-

⁶Annex A. Degree of Divergence Between the Economic Performance of the United Kingdom and Other Member States / EEC White Paper, 21 March 1975 /CABINET. CAB 129-182. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> (accessed 10.09.2018).

⁷EEC: RENEGOTIATION STOCKTAKING. Memorandum by the Secretary of State for Foreign and Commonwealth Affairs. 14 March 1975. CABINET. CAB 129-182. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> (accessed 02.02.2019).

номических показателей, даже крупные суммы из внутрирегиональных фондов, смогли бы не более чем «смягчить последствия от расхождения экономических показателей стран ЕЭС»⁸.

Выравниванию экономических показателей должны были также способствовать новые более справедливые формы финансирования и распределения бюджета. Существовавшая с апреля 1970 г. система формирования «собственных ресурсов» Сообщества, средства которой шли, главным образом, на финансирование сельскохозяйственной политики и собирались из таможенных пошлин и сборов на импорт сельскохозяйственной продукции, а в случае необходимости привлекались дополнительные ресурсы в размере до 1 % от НДС, не учитывала экономических показателей Соединённого Королевства относительно других стран ЕЭС и его доли в ВВП Сообщества. Правительство Великобритании призывало Сообщество сбалансировать чистый вклад Британии, который к 1980 г. должен был составлять 24% «собственных ресурсов» Сообщества, в то время как доля Британии в ВВП стран ЕЭС составляла всего 14%. В реальных цифрах сумма британского вклада составляла в первый год членства – 100 млн.ф.ст. и должна была увеличиваться до 200 млн.ф.ст. в 1975 г.⁹ или в расчётных единицах Сообщества 300-350 млн. экю в 1975 г., 550-600 млн. экю в 1977 г., 700-800 млн. в 1980 г., что в сумме составило бы 3 млрд. 500 млн. экю за период с 1974 – по 1980 гг.¹⁰.

В качестве компенсации Великобритания рассчитывала на увеличение выделяемых для Великобритании средств из ФРП и предложила увеличить его объём с 1 млрд. 750 млн. экю до 2 млрд. 250 млн. экю для всех членов ЕЭС на трёхлетний период создав фонд уже к 1 января 1974 г.¹¹. Однако Сообщество не смогло принять рекомендации Комиссии по организации такого фонда вследствие противодействия со стороны ФРГ. Уве-

⁸Degree of divergence between the economic performance of the United Kingdom and other member states /ANNEX A. British Objectives in the European Community. Note by the Secretary of the Cabinet. 19 March 1976. CAB 129-188. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> (accessed 10.09.2018).

⁹European Economic Communities / CONCLUSIONS of a Meeting of the Cabinet. 24 June, 1971. CAB 128-49. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> (accessed 10.09.2018).

¹⁰EEC White Paper. 21 March 1975 /CABINET. CAB 129-182. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> (accessed 10.09.2018).

¹¹MATTERS RELATING TO THE EEC. Memorandum by the Secretary of State for Foreign and Commonwealth Affairs. CABINET. 19 June, 1974. CAB 129-177. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> (accessed 02.02.2019).

личение финансовых ресурсов фонда существенно увеличивало сумму взноса ФРГ в бюджет Сообщества. В ФРГ же считали увеличение расходов на региональные и социальные нужды «простой формой благотворительности, которую Германия едва ли могла себе позволить»¹².

Нерешённость этого и ряда других существенных для Британии вопросов привела к началу переговоров о пересмотре условий членства, а программа по продвижению к ЭиВС, принятая в 1971 и 1972 гг. была отклонена с всеобщего молчаливого согласия. Вторая этап, запланированный на 1 января 1974 г., так и не был начат¹³. Пересмотр условий британского членства в Общем рынке стало основным мотивом в предвыборной агитации лейбористов. Одержав победу на выборах новый премьер-министр Великобритании Г. Вильсон в 1974 г. заявил, что Британия достаточно сильна, чтобы находиться вне Сообщества и при этом процветать. Он пообещал, что, если после завершения переговоров условия окажутся не подходящими, то Британия выйдет из него. Но это решение должно было быть принято на общенародном референдуме.

Условия Британии были рассмотрены на заседании глав правительств в Париже в декабре 1974 г. и в Дублине в марте 1975 г. После встречи в Дублине премьер-министр Великобритании заявил, что обсуждение новых условий прошло успешно¹⁴. В ходе переговоров были улучшены условия по наиболее важным для Великобритании вопросам. Выравниванию экономических показателей способствовало достигнутое соглашение по корректировке механизма формирования бюджета, который предусматривал рефинансирование, в случае, если вклад Великобритании в бюджет Сообщества «значительно выходил за справедливую цифру» от доли в ВВП Сообщества. Причём новые правила должны были применяться к любому члену ЕЭС, которые удовлетворяли следующим основным условиям: имели ВВП на душу населения менее чем 85% от среднего по Сообществу; имели реальные темпы роста менее чем 120% от средних по Сообществу; вносили сумму «собственных ресурсов» пре-

¹²Annex B. Possible form of Resource Transfers to Aid Industrial Development / EEC White Paper, 21 March 1975. CABINET. CAB 129-182. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> (accessed 10.09.2018).

¹³EEC: RENEGOTIATION STOCKTAKING. Memorandum by the Secretary of State for Foreign and Commonwealth Affairs, 14 March 1975. CABINET. CAB 129-182. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> (accessed 02.02.2019).

¹⁴EEC White Paper. 21 March 1975 /CABINET. CAB 129-182. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> (accessed 10.09.2018).

вышающую собственную долю вклада в бюджет Сообщества на 110 %, имели превышение взносов в бюджет над прямыми поступлениями из бюджета Сообщества¹⁵. В результате в 1975 г. при общей сумме взноса в бюджет 305 млн. ф.ст. и сумме средств полученных из Сообщества 230-240 млн. ф.ст., чистый вклад Великобритании должен был составить 65-75млн. ф.ст., в то время как в 1973 г. чистый вклад Великобритании в бюджет Сообщества составлял 104 млн. ф.ст., при сумме общего взноса 181 млн. ф.ст. и сумме средств полученных из бюджета Сообщества равной 77 млн. ф.ст.¹⁶.

Накануне предстоящего в Великобритании референдума по вопросу дальнейшего пребывания страны в ЕЭС, правительство Г. Вильсона, в отличие от правительства Д. Кэмерона перед референдумом 2016 г.¹⁷, приняло широкую пропагандистскую программу за сохранение членства. Опираясь на данные министерства финансов, Г. Вильсон привел цифры, которые, по его убеждению, должны были окончательно склонить общественное мнение в поддержку членства в ЕЭС. Так, с 1 января 1973 г. Великобритании ежегодно выделялось 20 млн. ф. ст. на финансирование программы по переподготовке специалистов; из фонда регионального развития было выделено 60 млн. ф. ст. из расчета на три года; из фермерского фонда к началу 1975 г. было получено 40 млн. ф. ст. на снижение цен на сахар в розничной торговле; из фондов Сообщества угля и стали, а также Европейского инвестиционного банка с момента вступления было предоставлено займов и грантов на сумму свыше 250 млн. ф. ст.¹⁸. Кроме того Британия и в дальнейшем рассчитывала на стабильный рост ежегодных поступлений из различных фондов. В частности, от Европейского инвестиционного банка до 150 млн. ф.ст. к 1977 г. и последующее увеличение инвестиций до 300 млн. ф.ст. к 1980 г. при ежегодной сумме собственных взносов в фонд банка 58 млн. ф.ст.¹⁹.

¹⁵Ibid.

¹⁶Ibid.

¹⁷Более подробно см.: *Glencross, A. Why the UK Voted for Brexit. David Cameron's Great Miscalculation. Palgrave Studies in European Union Politics*, 2016. xi + 84 p.

¹⁸Harold Wilson. If we say 'yes'. Referendum Pamphlet, 1975. URL: <http://www.harvard-digital.co.uk> (accessed 06.05.2017).

¹⁹EEC: RENEGOTIATION STOCKTAKING. Memorandum by the Secretary of State for Foreign and Commonwealth Affairs. 14 March 1975. CABINET. CAB 129-182. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> (accessed 02.02.2019)

Используя в качестве главного аргумента новые условия, Г. Вильсон попытался развеять опасения британцев перед неизбежным подчинением всей их жизни законам, принимаемым в Брюсселе. В правительстве по-прежнему надеялись, что благодаря праву вето, ни одно важное решение не будет принято в Брюсселе без согласия Великобритании. «Если мы останемся в Общем рынке, мы сможем играть полноправную роль в определении будущего направления его развития, которое мы выберём исходя из собственных интересов», – убеждал Г. Вильсон, британцев накануне референдума²⁰.

Общие итоги референдума, состоявшегося 5 июня 1975 г. показали, что большинство граждан Великобритании поддержали членство в ЕЭС. Почти единогласно за сохранение членства в Общем рынке высказались представители крупного бизнеса и средств массовой информации. В качестве полноправного члена Европейского Сообщества, Британия рассчитывала как на экономические, так и на политические выгоды. В частности: 1) на поддержку со стороны Сообщества своей внешней политики; 2) на возможность предотвратить доминирование Германии и франко-германской оси в Сообществе и обеспечить приемлемую для Запада модель объединения Германии; 3) на существенное увеличение внутреннего рынка, а за счёт отмены таможенных пошлин, на улучшение конкурентоспособности своей продукции; 4) на финансовую помощь Сообщества, в случае возникновения реальных экономических проблем²¹. И, если в краткосрочном периоде целью Британии являлась «бдительная защита британских интересов, используя любую возможность, что бы изменить отдельные программы и ситуацию в свою пользу и сформировать общественное мнение против более тесной интеграции на принципах федерализма, то в долгосрочной перспективе Британию вместе с другими членами Сообщества ожидало «путешествие к неизведанной цели»²². Этой целью на тот момент являлась идея Европейского союза, проект которого был представлен на рассмотрение Европейской Комиссии в докладе бельгийского премьер-министра Л. Тиндеманса в декабре 1975 г.

²⁰Harold Wilson. The time for you to decide. Referendum Pamphlet, 1975. URL: <http://www.harvard-digital.co.uk> (accessed 06.05. 2017).

²¹British Objectives in the European Community. Note by the Secretary of the Cabinet. 19 March 1976. CAB 129-188. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> (accessed 10.09.2018).

²²Ibid.

ЛИТЕРАТУРА

Annex A. Degree of Divergence Between the Economic Performance of the United Kingdom and Other Member States / EEC White Paper, 21 March 1975 /CABINET. CAB 129-182. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> (accessed 10.09.2018).

Annex B. Possible form of Resource Transfers to Aid Industrial Development / EEC White Paper, 21 March 1975. CABINET. CAB 129-182. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> (accessed 10.09.2018).

British Objectives in the European Community. Note by the Secretary of the Cabinet. 19 March 1976. CAB 129-188. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> (accessed 10.09.2018).

Degree of divergence between the economic performance of the United Kingdom and other member states /ANNEX A. British Objectives in the European Community. Note by the Secretary of the Cabinet. 19 March 1976. CAB 129-188. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> (accessed 10.09.2018).

Economic and Monetary Union. 1971. FCO 30/789 URL: <http://www.pro.gov.uk/releases/nyo2001/europe4-al.htm> (accessed 02.02.2019).

European Economic Communities / CONCLUSIONS of a Meeting of the Cabinet. 24 June, 1971. CAB 128-49. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> (accessed 10.09.2018).

EEC: RENEGOTIATION STOCKTAKING. Memorandum by the Secretary of State for Foreign and Commonwealth Affairs. 14 March 1975. CABINET. CAB 129-182. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> (accessed 02.02.2019).

EEC White Paper. 21 March 1975 /CABINET. CAB 129-182. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> (accessed 10.09.2018).

Glencross, A. Why the UK Voted for Brexit. David Cameron's Great Miscalculation. Palgrave Studies in European Union Politics, 2016. xi + 84 p.

Harold Wilson. If we say 'yes'. Referendum Pamphlet, 1975. URL: <http://www.harvard-digital.co.uk> (accessed 06.05.2017).

Harold Wilson. The time for you to decide. Referendum Pamphlet, 1975. URL: <http://www.harvard-digital.co.uk> (accessed 06.05.2017).

Member State Perspective Report: United Kingdom, 9 Nov. 2000. URL: <http://www.library.pitt.edu> (accessed 02.02.2017).

MATTERS RELATING TO THE EEC. Memorandum by the Secretary of State for Foreign and Commonwealth Affairs. CABINET. 19 June, 1974. CAB 129-177. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> (accessed 02.02.2019).

Transcript of a conversation, 1970 Transcript of a conversation between the Prime Minister and the President of the United States. June 19, 1970. URL: <http://www.pro.gov.uk/releases/nyo2001> (accessed 10.09.2018).

THE EUROPEAN ECONOMIC COMMUNITIES. Memorandum by the Prime Minister. CABINET. 2 August 1971. Cab 129-158. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> (accessed 02.02.2019).

The EEC Negotiations – Strategic Review. 1971. PREM 15/62 URL: <http://www.pro.gov.uk/releases/nyo2001/europe1-al.htm> (accessed 23.01.2017).

Ченук В. Н., Борисенко В. Н. Проблема западноевропейской интеграции во внешней политике Великобритании: военно-политический аспект (1961-1975). – СПб.: Изд-во РХГА, 2016. – 160 с.

Ченук В. Н. Германский фактор в интеграционной политике Великобритании (1961–1973) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2016. № 16(1). С. 157–168.

Ченук В. Н., Ченук Л. В. Федерализм как теория европейской интеграции // Гражданский мир — гражданская война: осмысление и прогнозы. Материалы международной научной конференции. Под ред. В. М. Доброштан. 2018. С. 297–300.

REFERENCES

Annex A. Degree of Divergence Between the Economic Performance of the United Kingdom and Other Member States / EEC White Paper, 21 March 1975 /CABINET. CAB 129-182. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> (accessed 10.09.2018).

Annex B. Possible form of Resource Transfers to Aid Industrial Development / EEC White Paper, 21 March 1975. CABINET. CAB 129-182. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> (accessed 10.09.2018).

British Objectives in the European Community. Note by the Secretary of the Cabinet. 19 March 1976. CAB 129-188. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> (accessed 10.09.2018).

Чепик В.Н., Борисенко В.Н. Проблема западноевропейской интеграции во внешней политике Великобритании: военно-политический аспект (1961-1975). – СПб.: Издательство РХГА, 2016. – 160с. (In Russian).

Чепик В. Н. Германский фактор в интеграционной политике Великобритании (1961–1973) [German factor in the integration policy of Great Britain], in *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni [Proceedings of the Department of Modern and Contemporary history]*. 2016. № 16(1). P. 157–168. (In Russian)

Chepik V. N., Chepik L. V. Federalizm kak teorija evropejskoj integracii [Federalism as a theory of European integration], in *Grazhdanskij mir — grazhdanskaja vojna: osmyslenie i prognozy* [Civil Peace — Civil War: Understanding and Forecasting]. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Edited by V. M. Dobroshtan. 2018. P. 297–300. (In Russian)

Degree of divergence between the economic performance of the United Kingdom and other member states /ANNEX A. British Objectives in the European Community. Note by the Secretary of the Cabinet. 19 March 1976. CAB 129-188. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> (accessed 10.09.2018).

Economic and Monetary Union. 1971. FCO 30/789 URL: <http://www.pro.gov.uk/releases/nyo2001/europe4-al.htm> (accessed 02.02.2019).

European Economic Communities / CONCLUSIONS of a Meeting of the Cabinet. 24 June, 1971. CAB 128-49. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> (accessed 10.09.2018).

EEC: RENEGOTIATION STOCKTAKING. Memorandum by the Secretary of State for Foreign and Commonwealth Affairs. 14 March 1975. CABINET. CAB 129-182. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> (accessed 02.02.2019).

EEC White Paper. 21 March 1975 /CABINET. CAB 129-182. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> (accessed 10.09.2018).

Glencross, A. Why the UK Voted for Brexit. David Cameron's Great Miscalculation. Palgrave Studies in European Union Politics, 2016. xi + 84 p.

Harold Wilson. If we say 'yes'. Referendum Pamphlet, 1975. URL: <http://www.harvard-digital.co.uk> (accessed 06.05.2017).

Harold Wilson. The time for you to decide. Referendum Pamphlet, 1975. URL: <http://www.harvard-digital.co.uk> (accessed 06.05.2017).

Member State Perspective Report: United Kingdom, 9 Nov. 2000. URL: <http://www.library.pitt.edu> (accessed 02.02.2017).

MATTERS RELATING TO THE EEC. Memorandum by the Secretary of State for Foreign and Commonwealth Affairs. CABINET. 19 June, 1974. CAB 129-177. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> (accessed 02.02.2019).

Transcript of a conversation, 1970 Transcript of a conversation between the Prime Minister and the President of the United States. June 19, 1970. URL: <http://www.pro.gov.uk/releases/nyo2001> (accessed 10.09.2018).

THE EUROPEAN ECONOMIC COMMUNITIES. Memorandum by the Prime Minister. CABINET. 2 August 1971. Cab 129-158. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> (accessed 02.02.2019).

The EEC Negotiations – Strategic Review. 1971. PREM 15/62 URL: <http://www.pro.gov.uk/releases/nyo2001/europe1-al.htm> (accessed 23.01.2017).

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. П. Таньшина

Таньшина Наталья Петровна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории отделения истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; профессор кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета, ведущий научный сотрудник лаборатории западноевропейских и средиземноморских исторических исследований исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук.

E-mail: nata.tanshina@mail.ru

“ЗАБЫТАЯ” ИЮЛЬСКАЯ МОНАРХИЯ: К ВОПРОСУ О “МОДНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ” В ИСТОРИОГРАФИИ¹

Статья посвящена анализу режима Июльской монархии во Франции (1830-1848 гг.) в отечественной историографии. Автор выходит на проблему о «модных» и «немодных» историографических темах и делает вывод, что Июльская монархия, «зажатая» между войнами, революциями и империями, не являлась приоритетной темой ни французских, ни российских исследователей. Советская историография Июльской монархии, можно сказать, не сложилась, а работы, в которых анализировался бы этот период в истории Франции, ограничивались рядом статей,

¹*Исследование осуществлено по гранту Правительства РФ в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013 – 2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045.*

монографией О.В. Орлик о передовой России и революционной Франции, а также работами о революциях 1848 г., промышленной революции во Франции и общественной мысли левого направления. Во французской историографии на протяжении долгого времени ситуация была во многом сходная. Работ, конечно, написано было гораздо больше, но этот период в истории Франции не являлся приоритетной темой для исследователей. С 1980-х годов ситуация во французской историографии во многом изменилась, появилось много работ по Июльской монархии, изменились подходы к ее интерпретации, но, все равно, отношение к периоду правления короля Луи-Филиппа остается настороженным и неоднозначным. В статье рассматриваются основные этапы развития российской историографии Июльской монархии и выделяются ключевые исследовательские проблемы, а также подводятся итоги современному состоянию отечественной историографии проблемы. Делается вывод о том, что на современном этапе развития исторической науки режим Июльской монархии трактуется как время формирования современных политических институтов Франции. Именно тогда были сформулированы политические правила и традиции, пережившие режим Июльской монархии, а парламентаризм, который Франция практикует до сих пор, своими корнями уходит в конституционную монархию.

Ключевые слова: отечественная историография новой истории, Июльская монархия, король Луи-Филипп Орлеанский, Франсуа Гизо, французский либерализм Июльской монархии.

N. Tanshina

Natalia Petrovna Tanshina, Dr Hab. (History), professor of the Department of General History of the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; professor of the Department of Modern History of Moscow Pedagogical State University; Leading Researcher of the Laboratory of Western European and Mediterranean Historical Studies of the Faculty of History of State academic university for the humanities.

E-mail: nata.tanshina@mail.ru

THE «FORGOTTEN» JULY MONARCHY: FOR THE QUESTION OF “FASHION TRENDS” IN HISTORIOGRAPHY

The article is devoted to the analysis of the regime of the July Monarchy in France (1830-1848) in the national historiography. The author touches the issue of “fashionable” and “unfashionable” historiographic themes and concludes that the July monarchy, “sandwiched” between wars, revolutions and empires, was not a priority topic of either French or Russian researchers. The Soviet historiography of the July monarchy, one might say, did not work out, and the works that analyzed this period in the history of France were limited to a number of articles, the monograph of O.V. Orlik on advanced Russia and revolutionary France, as well as works on the revolutions of 1848, the industrial revolution in France and the social thought of the left. In French historiography for a long time the situation was largely similar. Of course, much more works were written, but this period in the history of France wasn't a priority topic for researchers. Since the 1980s the situation in French historiography has changed in many ways, a lot of works on the July monarchy have appeared, the approaches to its interpretation have changed, but all the same, the attitude to the period of King Louis-Philippe's rule remains wary and ambiguous. The article discusses the main stages of the development of Russian historiography concerning the July monarchy and highlights the key research problems, as well as summarizes the current state of the national historiography of the problem. It is concluded that at the present stage of development of historical science the regime of the July monarchy is interpreted as the time of the formation of modern political institutions of France. It was the time when those political rules and traditions were formulated that survived the regime of the July monarchy. And parliamentarism, which France still practices, has its roots in a constitutional monarchy.

Keywords: Russian historiography of modern history, the July monarchy, King Louis-Philippe of Orleans, Francois Guizot, French liberalism of the July monarchy.

В исторической науке, как известно, бывают темы «модные» и «немодные». Тематика войн, революций, кардинальных потрясений, деятельности крупнейших политиков (особенно, если она сопряжена с войнами и революциями), вызывает неизменный научный и общественный

интерес, ознаменованный регулярными конференциями, коммеморативными мероприятиями, спросом на публикации, как научные, так и научно-популярные, и, соответственно, вниманием читателей. Но даже на революции бывает мода. Французская революция конца XVIII, которую в нашей стране было принято именовать «Великой французской буржуазной революцией», всегда была одной из приоритетных тем для российской исторической науки, причем не только франковедения, поскольку параллельно создавались концепции двух революций, Французской и Октябрьской. Казалось бы, с конца 1990-х годов открылись блестящие перспективы для свободного изучения этой темы, без политической ангажированности, однако, как выяснилось, мода на революцию прошла. И хотя Французской революцией продолжают заниматься, особенно в рамках «новой исторической школы», былого интереса к этой теме, по крайней мере в российской науке, наверное, уже нет.

А есть темы, которым, по разным причинам, не повезло изначально. И к таким сюжетам относится мой любимый, необычайно интересный и важный, но «немодный» период в истории Франции, а именно годы существования в этой стране режима Июльской монархии (1830—1848) во главе с королем Луи-Филиппом Орлеанским².

Когда я получила приглашение принять участие в конференции и подумала, что я могу подготовить сообщение об историографии Июльской монархии, я несколько растерялась. Ведь советская историография Июльской монархии, можно сказать, не сложилась, а работы, в которых анализировался бы этот период в истории Франции, ограничивались рядом статей, монографией О.В. Орлик о передовой России и революционной Франции, а также работами о революциях 1848 г. То есть размышлять можно не о том, что написано, а о том, почему не написано.

Во французской историографии на протяжении долгого времени ситуация была во многом сходная. Работ, конечно, написано было гораздо больше, в том числе фундаментальный труд П. Тюрю-Данжена «Июльская монархия», но этот период в истории Франции не являлся приоритетной темой для исследователей. С 1980-х годов ситуация во французской историографии во многом изменилась, появилось много

²Таньшина Н.П. Июльская монархия во Франции в исторической науке: интерпретация и реинтерпретация // Научные труды МПГУ. Серия: Социально-исторические науки. Сб. статей. М., 2005. С. 276–284; *Ее же*. Июльская монархия во Франции: новые подходы к изучению // Преподавание истории в школе. 2006. № 4. С. 16–24.

работ по Июльской монархии, изменились подходы к ее интерпретации, но, все равно, отношение к периоду правления короля Луи-Филиппа остается настороженным и неоднозначным³. Даже когда я говорю своим французским коллегам о том, что занимаюсь Июльской монархией, они смотрят на меня с некоторой долей удивления, а когда рассказываю, что начинала с изучения взглядов и деятельности Франсуа Гизо, это их просто обескураживает, и они говорят: «Гизо? Но это же пуританин, аскет, это же скучно!» А потом обращаются к своим друзьям и говорят: «Знаете, наша русская коллега изучает Гизо», а те буквально слово в слово повторяют: «Гизо? Это же пуританин, аскет, это скучно?»

В какой-то степени, их можно понять. «Франция — это скучающая нация», — эти слова были сказаны поэтом-романтиком Альфонсом Ламартином, а люди творческие, как правило, очень тонко чувствуют ситуацию. Такой же итог правлению короля Луи-Филиппа подвел воспитатель сына короля, герцога Омальского, А. Кювийе-Флери, писавший о короле: «Это был хороший политик, человек серьезный и положительный, очень активный и предвидящий, стремившийся править согласно законам и говоривший людям: «Живите спокойно, будьте трудолюбивы, торгуйте, обогащайтесь, будьте свободными, уважая свободу и не потрясая государство». Король, который говорит подобным языком, который требует от народа только того, чтобы быть счастливым, который не предлагает ему никаких экстраординарных спектаклей, никаких эмоций, — и это легитимный король свободной нации? И подобный режим длился восемнадцать лет? Не слишком ли?!»⁴.

Действительно, это объясняет непопулярность в исторической памяти короля Луи-Филиппа и режима Июльской монархии, несмотря на то, что теперь французские исследователи именно в Июльской монархии усматривают наброски современных политических институтов Франции. Именно тогда были сформулированы политические правила и традиции, пережившие режим Июльской монархии. Как отмечал видный французский исследователь Рене Ремон, стоявший у истоков ревизии Июльской

³*Broglie G.* L'Orleanisme. La ressource libéral de la France. Paris, 1981; *Broglie G. de.* La Monarchie de Juillet. 1830—1848. Paris, 2011; *Rosanvallon P.* La monarchie impossible. Les Chartes de 1814 et de 1830. Paris, 1994; *Remond R.* La vie politique en France. 1789—1848. T. 1—2. Paris, 1965.

⁴Цит. по: *Lucas-Dubreton J.* Louis-Philippe. Paris, 1938. P. 225.

монархии, «парламентаризм, который Франция практикует до сих пор, своими корнями уходит в конституционную монархию»⁵.

По словам крупного современного исследователя Патриса Генифе, сама идея либерализма, либеральной идеологии, в том виде, в каком ее исповедовал Луи-Филипп, непопулярна во Франции. У французов, как живших при Луи-Филиппе, так и живущих при президенте Э. Макроне, другие герои. Даже Луи-Наполеон, с именем которого связана катастрофа Седана и поражение во франко-прусской войне, более популярен у французов, нежели миролюбивый и умеренный Луи-Филипп. Зато дядя Луи-Наполеона по сей день остается для французов национальным героем, несмотря на желание правящих кругов дистанцироваться от его имени. «Невозможно — это не по-французски» — эти слова Наполеона, которые туристы могут прочесть на сувенирных кружках в Доме Инвалидов — вот что воспламеняет французскую нацию. Луи-Филипп же призывал действовать именно в рамках возможного.

Действительно, Июльской монархии (да и Реставрации), не повезло в историографии, как французской, так и отечественной. Июльская монархия как период относительно стабильного, мирного развития, выпала из бурного французского XIX века, перенасыщенного революциями, войнами и социальными потрясениями. Период Июльской монархии рассматривался как некий переходный этап между войнами, революциями и империями, когда не было достигнуто важных позитивных результатов, а, напротив, зрели причины для очередного революционного взрыва.

Что касается либерализма Июльской монархии, то после утверждения во Франции Республики и расцвета парламентской демократии политическая философия либералов-орлеанистов рассматривалась либо как нежизнеспособная, либо как порочная. Как отмечал известный французский исследователь Пьер Розанваллон, с именем которого связан пересмотр подходов к Июльской монархии и личности Ф. Гизо, почти в столетнем «карантине» оказался не только Гизо, но и многие другие философы и публицисты первой половины XIX в., в основном представители либеральной или либерально-консервативной политической мысли. По мнению историка, современный интерес к либерализму начала XIX века связан с определенным кризисом политической культуры, стремившейся «забыть Июль». Розанваллон справедливо рассматривает эпоху Реставрации и Июльской монархии как важный этап в процессе модернизации Франции, укрепления основ либерализма, ставшего доминиру-

⁵Rémond R. La vie politique en France. 1789—1848. Т. 1-2. Paris, 1965. Т. 2. P. 319.

ющей идеологией индустриального общества. Для него Гизо является неким проводником, изучая политическое наследие которого, можно понять развитие либеральной политической культуры во Франции XIX в.⁶. Притом, что к самой либеральной идеологии, как я уже отмечала, французы по сию пору относятся неоднозначно. Думаю, здесь ситуация сходная с нашей страной: классический либерализм и современный т. н. «либерализм» — это две большие разницы.

Что касается отечественной историографии, то в России до 1917 г., особенно в публицистике пореформенного периода (блестящие статьи Феокистова) и начала XX века интерес представляла как раз французская либеральная идеология. Об этом свидетельствуют работы Н.И. Кареева и особенно монография В.А. Бутенко о либералах эпохи Реставрации, которая, на мой взгляд, не потеряла своей научной значимости и сейчас⁷. Характерно, что в советское время были написаны блестящие работы по истории общественно-политической мысли Франции, я имею в виду работы Б.Г. Реизова и М.А. Алпатов⁸. То есть и в это время можно было написать работы не в соответствии с генеральной линией, а в соответствии с исторической правдой и объективностью.

Что касается непосредственно Июльской монархии, то отношение к этому периоду в истории Франции было вполне объяснимым. Режим Реставрации воспринимался как крайне консервативный, когда, якобы, произошло чуть ли не возвращение к Старому порядку. Июльская монархия трактовалась как период стяжательства, обогащения одной группы лиц, а именно крупной буржуазии, и соответственно, вызревания классовых конфликтов, в полную мощь проявившихся в ходе революции 1848 г. Да, наши историки отмечали значительный экономический рост Франции (всем хорошо известна работа «Промышленная революция во Франции»), но с упором на то, что экономическая политика Луи-Филип-

⁶Rosanvallon P. Le moment Guizot. Paris, 1985. P. 29.

⁷Новгородцев П.И. Введение в философию права. М., 1996; Чичерин Б.Н. История политических учений. М., 1869-1902. Т. 1-5; Бутенко В.А. Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации. СПб., 1913; Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. Т. 1-5. СПб, 1904-1908; Кареев Н.И. Происхождение современного народно-правового государства. Исторический очерк конституционных учреждений и учений до середины XIX века. СПб., 1908.

⁸Алпатов М.А. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в. М.-Л., 1949; Реизов Б.Г. Романтическая французская историография. 1815-1830. Л., 1956.

па в итоге привела страну к кризису 1848 г., в то время как современные французские, да и отечественные авторы говорят о поступательном росте французской экономики вплоть до 1846 г. и в целом пересматривают взгляд на особенности экономического развития Франции, которые раньше трактовались как факторы негативные (прежде всего, система протекционизма)⁹.

Собственно, именно как царство банкиров, господства крупной буржуазии, и воспринималась Июльская монархия в советской историографии. Между тем, во Франции начиная с работ Рене Редона Июльская монархия интерпретируется как правление нотаблей, «новой аристократии» — влиятельных лиц, представителей знати, крупных землевладельцев, богатых предпринимателей. Сама же категория «буржуазия» воспринимается гораздо более широко, нежели в марксистском понимании этого термина.

В годы Июльской монархии под «буржуазией» понималась достаточно разнородная социальная группа: к этой категории относили как торгово-промышленные, финансовые круги (рантье), так и различные круги чиновников, так называемую «административную буржуазию», а также профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений, то есть «университетскую» буржуазию». Принадлежность к буржуазии определялась не только (и не столько) богатством, состоянием, сколько достатком, позволяющим «жить буржуазно».

Что касается легендарного лозунга «Обогащайтесь!», то это из ряда штампов и мифов, которые в истории часто укореняются и превращаются в аксиому¹⁰. Известный в кратком варианте как «Обогащайтесь!», этот лозунг понимается подчас искаженно и неверно, символизируя якобы господство духа стяжательства, жажду неумеренного обогащения и денег. В полном варианте эти слова Франсуа Гизо звучат следующим образом: «Обогащайтесь посредством труда и бережливости и вы станете избирателями!». Как видим, Гизо подчеркивал два момента обогащения: обогащение, получение прибыли является естественным

⁹Таньшина Н.П. Протекционизм или свобода торговли? К вопросу об экономической политике Франции в годы Июльской монархии // CLIO-SCIENCE: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза. Сб. научных трудов. Вып. III. М., 2012. С. 135–141.

¹⁰Гизо также приписывают фразы: «Мир принадлежит оптимистам, пессимисты — только зрители»; «Самое короткое расстояние между двумя точками — это мечта», — слоган AirFrance; я, правда, у Гизо этого не встречала.

вознаграждением за труд, и, кроме того, постепенная эволюция условий жизни посредством труда представляется для него, несомненно, более надежной, чем импровизированная трансформация и революционные потрясения. До настоящего времени остается спорным вопрос, когда Гизо мог произнести оба этих выражения. Сам Гизо не сообщает об этом ни в своих «Мемуарах», ни в переписке, ни в многочисленных статьях. Во время обсуждения в палате депутатов 1 марта 1843 г. вопроса о секретных фондах Гизо произнес речь об «истинных инновациях», откуда можно было извлечь урезанный лозунг: «Обогащайтесь!». Но эти слова нельзя вырывать из общего контекста его речи: «Было время, славное время, когда нация боролась за обретение социальных и политических прав... Это дело свершилось, права завоеваны, надо переходить к следующему этапу. Вы хотите продвинуться вперед, вы хотите совершить то, что не успели сделать ваши отцы. Вы правы... создавайте правительство, укрепляйте институты власти, просвещайтесь, обогащайтесь, улучшайте моральные и материальные условия нашей Франции: вот истинные инновации»¹¹.

Июльскую монархию в нашей стране изучали, как правило, в контексте причин революции 1848 г., отметим двухтомник Ф.В. Потемкина и А.И. Молока, книгу Н. Застенкера¹². А.И. Молок и Ф.В. Потемкин опубликовали стенограммы лекций по периоду Реставрации и Июльской монархии¹³ и, как мне рассказывала И.А. Никитина, собрал большое количество материалов по Июльской революции, которые, однако, не вылились в книгу. Только Орлик опубликовала работу «Передовая Россия и революционная Франция»¹⁴, посвященную влиянию событий Июльской революции на российское общество. Понятно, Июльская революция, которую сами орлеанисты считали аналогом Славной революции, не могла быть приоритетной темой для советских исследователей.

¹¹См.: *Brogie G. Guizot. Paris, 1990. P. 126.*

¹²Революции 1848-1849 гг. в Европе / под ред. *Ф.В. Потемкина и А.И. Молока. Т.1-2. М., 1952; Застенкер Н. Революция 1848 года во Франции. М., 1948.*

¹³*Молок А.И. Венский конгресс и Священный союз. Франция в период реставрации Бурбонов (1815-1830 гг.). Стенограмма лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1949; Молок А.И., Потемкин Ф.В. Европа в 1794-1847 гг. Лекции, прочитанные в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1952.*

¹⁴*Орлик О.В. Передовая Россия и революционная Франция: первая половина XIX в. М., 1973.*

Даже революция 1848 г. не стала таковой. Сейчас на дворе 2018 год, юбилейный для революций 1848—1849 гг., однако коммеморативного бума, на мой взгляд, не наблюдается. Во Франции, да, на книжных полках магазинов стоят новинки, но не то, чтобы множество книг, хотя вопрос о причинах революций гг. нуждается в серьезном переосмыслении¹⁵.

Что касается либералов-орлеанистов, то в советской историографии их именовали не иначе как консерваторами, а режим Луи-Филиппа — консервативным, особенно во второй половине его царствования. На волне перемен, захлестнувших нашу страну в конце 1980-х —1990-х гг., возрос интерес и к либеральной идеологии как таковой, и тогда появился целый ряд работ, как историков, так и политологов, посвященных проблемам западноевропейского либерализма¹⁶.

Но весьма быстро эта волна спала, а с учетом того, что либеральные реформы в нашей стране в том виде, в каком они проводились, провалились, за либерализмом как таковым закрепились дурная репутация. Хотя классический французский либерализм не только весьма сильно отличается от современного, но и от классического англо-саксонского варианта, о чем как раз шла речь в работах наших исследователей рубежа веков. В отличие от либерализма англо-саксонского, французский либерализм имел доктринерский, бескомпромиссный характер, что дает основание говорить о некоем «консервативном либерализме». Такая верность изна-

¹⁵Таньшина Н.П. Революция от скуки или как французы изменили своей традиции не устраивать революцию зимой // Родина. 2012. № 3. С. 78–81.

¹⁶Европейский либерализм в новое время. Теория и практика. М., 1995; Федорова М.М. Классический французский либерализм. М., 2000; Согрин В.В., Патрушев А.И., Токарева Е.С., Фадеева Т.М. Либерализм Запада XVII - XX веков. М., 1995; Французский либерализм в прошлом и настоящем. Отв. ред. В.П. Смирнов. М., МГУ, 2001; Подробно о дискуссиях по современному либерализму и консерватизму см.: Консерватизм и либерализм: история и современные концепции. СПб., 2002; Мирошников С.Н. Место Июльской революции 1830 г. в процессе становления и развития буржуазной государственности во Франции // Новое в изучении и преподавании истории в ВУЗах. Томск, 1994; Гаджиев К.С. Либерализм и современность // Новая и новейшая история. 1995. № 6. Отметим также статьи Е.И. Федосовой: Федосова Е.И. Франсуа Гизо: историк и государственный деятель // Новая и новейшая история. 1997. № 2; Ее же. Ф. Гизо во главе МИД Франции (1840-1847 гг.) // Вопросы истории. 1993. № 10; Ее же. Франция и Венская система (К вопросу о постоянно действующих и временных факторах внешней политики) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1996. № 5; Ее же. Либералы у власти // Французский либерализм в прошлом и настоящем. Отв. ред. В.П. Смирнов. М., 2001.

чально провозглашенным принципам и доктринам имела для него двоякие последствия: снискала ему репутацию негибкого, чуждого духу реформ, в первую очередь социального плана, но это же доктринерство позволило ему избежать конъюнктурных изменений на крутых поворотах истории.

Несмотря на то, что современные ученые порой склонны определять политику орлеанистов в 1840-е гг. как политику «социального консерватизма», на мой взгляд, мы имеем дело с вариантом либерально-консервативного синтеза. Кстати, именно таковой считали свою идеологию и сами орлеанисты. В частности, Гизо именовал свою политику «либеральной, консервативной и антиреволюционной». А девиз орлеанистов, «Свобода и порядок», прекрасно иллюстрирует соединение важнейших ценностей либерализма и консерватизма. Каково состояние современной историографии Июльской монархии? Нас мало, как в свое время было мало либералов-доктринеров периода Реставрации, про которых была в ходу такая шутка: «Они говорят, что их пятеро, когда хотят поразить врагов своей численностью; и что их четверо, если хотят показать, что нет в мире больше умов такого масштаба». Про доктринеров говорили, будто они могли поместиться на одном диване, а Гизо именовали «диванным Монтескье». Во Франции исследователей больше, можно назвать целый ряд имен: Э. Робер, П. Розанваллон, Г. де Брой, А. Мартен-Фюжье; несомненен интерес к ведущим политикам Июльской монархии: А. Тьеру, Ф. Гизо, А. Ламартину; королю Луи-Филиппу и его семье посвящен целый ряд новых биографий¹⁷; во Франции активно переиздаются мемуары времен Июльской монархии: Ш. Ремюза, Р. Аппоньи, Д. Дино, А. Буань, принца Жуанвильского¹⁸. То есть интерес, на мой взгляд, есть, и немалый, хоть мои коллеги-французы и говорят, что это скучный и малоинтересный период (замечу, это все историки, занимающиеся другими периодами). У нас же можно выделить И. В. Игнатченко, который на основе кандидатской диссертации написал монографию

¹⁷Antonetti G. Louis-Philippe. Paris, 2002.

¹⁸Joinville, prince de. Vieux souvenirs. 1818—1848. Paris, 2008; Dino Dorothee (duchesse de Talleyrand et de Sagan). Souvenirs et chronique de la duchesse de Dino: nièce aimée de Talleyrand / édition établie, présentée et annotée par Anne et Laurent Theis. Paris, 2016; Apponyi R. Les Français envient notre bonheur. Journal. 1826—1848. Présenté et annoté par Nicolas Mietton. Paris, 2008; Boigne E-A. Mémoires de la comtesse de Boigne. T. 1—2. Paris, 2005.

об Адольфе Тьере¹⁹. Известный российский филолог и переводчица В.А. Мильчина на мой взгляд, очень грамотно использует моду на историю повседневности, а тем более, Парижа, который всегда будет объектом притяжения²⁰. Т.Н. Гончарова успешно разрабатывает проблематику двусторонних дипломатических контактов²¹; П.П. Черкасов является автором ряда блестящих очерков и статей по истории двусторонних отношений в годы Реставрации и Июльской монархии²². Ну и ваша покорная слуга: политическое развитие Франции в годы Июльской монархии, внешняя политика, двусторонние отношения, и, прежде всего, люди, французы и русские, государи, дипломаты, интеллектуалы, путешественники. В принципе, мы тоже вполне можем поместиться на одном диване, главное, чтобы не толкались, а, взаимодействовали.

Все мы знаем, что в истории есть неразрывно связанная пара: память и забвение. Что-то забывается, будто его и не было, но это вовсе не значит, что уходит что-то недостойное и неважное. Во Франции Луи-Филиппа жили и творили великие писатели: Бальзак, Дюма, Гюго, Стендаль, и список можно продолжать. Но, как правило, эти люди не были сторонниками Луи-Филиппа, а легитимист Бальзак свой гений использовал для

¹⁹Игнатченко И.В. Адольф Тьер. Судьба французского либерала первой половины XIX века. М., 2016.

²⁰Мильчина В.А. Париж в 1814-1848 годах: Повседневная жизнь. М., 2013; *Ее же*. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб., 2004; *Ее же*. «Французы полезные и вредные». Надзор за иностранцами в России при Николае I». М., 2017.

²¹Гончарова Т.Н. Опыт самодержавия. Поль де Бургуан в России (1828–1832) // Международные отношения в новое и новейшее время. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора К.Б. Виноградова. СПб., 2005. С.94–99; *Ее же*. Ориентализм и политическое наблюдение французских дипломатов в Новороссии в 20-30-е гг. XIX в. // Актуальные проблемы истории нового и новейшего времени. Сборник материалов международной конференции преподавателей, аспирантов и студентов по проблемам истории XVIII–XX вв. СПб., 2006; *Ее же*. Посольство Франции и светская жизнь Санкт-Петербурга в первой половине XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. Выпуск 2. СПбГУ, 2008. С. 141–147; *Ее же*. Французские дипломаты в России (1814-1848): персоналии и карьеры // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2008. Выпуск 4. Ч. 1. С. 130–136; *Ее же*. Между Парижем и Санкт-Петербургом. Посольство Франции и России (1814-1848). СПб., 2017 и др.

²²Черкасов П.П. Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791-1867). М., 2008; *Его же*. Шпионские и иные истории из архивов России и Франции. М., 2015.

дискредитации «гнусной», по его словам, Июльской монархии. То есть литераторы задавали тон, формировали моду на восприятие Июльской монархии. Луи-Филипп потерял свой трон, ушел из жизни, а романы продолжали читать. Наверное, именно детский интерес к романам Стендаля, Гюго, Бальзака и определил мои взрослые, профессиональные интересы. Но в романах Бальзака я увидела не «гнусную» Июльскую монархию, а нечто другое. Но это уже к вопросу о том, что у книги столько интерпретаций, сколько у нее читателей.

ЛИТЕРАТУРА

Алтов М.А. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в. М.-Л., 1949.

Бутенко В.А. Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации. СПб., 1913.

Гаджиев К.С. Либерализм и современность // Новая и новейшая история. 1995. № 6.

Гончарова Т.Н. Между Парижем и Санкт-Петербургом. Посольство Франции и России (1814-1848). СПб., 2017.

Гончарова Т.Н. Опыт самодержавия. Поль де Бургуан в России (1828–1832) // Международные отношения в новое и новейшее время. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора К.Б. Виноградова. СПб., 2005. С.94–99

Гончарова Т.Н. Посольство Франции и светская жизнь Санкт-Петербурга в первой половине XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. Выпуск 2. СПбГУ, 2008. С. 141–147.

Гончарова Т.Н. Французские дипломаты в России (1814-1848): персоналии и карьеры // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2008. Выпуск 4. Ч. 1. С. 130–136

Застенкер Н. Революция 1848 года во Франции. М., 1948.

Игнатченко И.В. Адольф Тьер. Судьба французского либерала первой половины XIX века. М., 2016.

Европейский либерализм в новое время. Теория и практика. М., 1995.

Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. Т. 1-5. СПб, 1904-1908.

Кареев Н.И. Происхождение современного народно-правового государства. Исторический очерк конституционных учреждений и учений до середины XIX века. СПб., 1908.

Консерватизм и либерализм: история и современные концепции. СПб., 2002.

Мильчина В.А. Париж в 1814-1848 годах: Повседневная жизнь. М., 2013.

Мильчина В.А. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб., 2004.

Мильчина В.А. «Французы полезные и вредные». Надзор за иностранцами в России при Николае I». М., 2017.

Мирошников С.Н. Место Июльской революции 1830 г. в процессе становления и развития буржуазной государственности во Франции // Новое в изучении и преподавании истории в ВУЗах. Томск, 1994.

Молок А.И. Венский конгресс и Священный союз. Франция в период реставрации Бурбонов (1815-1830 гг.). Стенограмма лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1949.

Молок А.И., Потемкин Ф.В. Европа в 1794-1847 гг. Лекции, прочитанные в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1952.

Орлик О.В. Передовая Россия и революционная Франция: первая половина XIX в. М., 1973.

Реизов Б.Г. Романтическая французская историография. 1815-1830. Л., 1956.

Согрин В.В., Патрушев А.И., Токарева Е.С., Фадеева Т.М. Либерализм Запада XVII - XX веков. М., 1995.

Революции 1848-1849 гг. в Европе / под ред. *Ф.В. Потемкина и А.И. Молока.* Т.1-2. М., 1952.

Танышина Н.П. Княгиня Д.Х. Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М., 2009.

Танышина Н.П. Протекционизм или свобода торговли? К вопросу об экономической политике Франции в годы Июльской монархии // CLIO-SCIENCE: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза. Сб. научных трудов. Вып. III. М., 2012. С. 135–141.

Танышина Н.П. Революция от скуки или как французы изменили своей традиции не устраивать революцию зимой // Родина. 2012. № 3. С. 78–81.

Танышина Н.П. Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии. М., 2005.

Танышина Н.П. Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского. М.: Политическая энциклопедия, 2018.

Танышина Н.П. Франсуа Гизо: Политическая биография. М., 2016.

Федорова М.М. Классический французский либерализм. М., 2000.

Федосова Е.И. Франсуа Гизо: историк и государственный деятель // Новая и новейшая история. 1997. № 2. С. 57-68.

Федосова Е.И. Ф. Гизо во главе МИД Франции (1840-1847 гг.) // Вопросы истории. 1993. № 10.

Федосова Е.И. Франция и Венская система (К вопросу о постоянно действующих и временных факторах внешней политики) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1996. № 5. С. 71-82.

Французский либерализм в прошлом и настоящем. Отв. ред. В.П. Смирнов. М., МГУ, 2001.

Черкасов П.П. Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791-1867). М., 2008. Черкасов П.П. Шпионские и иные истории из архивов России и Франции. М., 2015.

Чичерин Б.Н. История политических учений. М., 1869-1902. Т. 1-5.

Antonetti G. Louis-Philippe. Paris, 2002.

Apponyi R. Les Français envient notre bonheur. Journal. 1826—1848. Présenté et annoté par Nicolas Mietton. Paris, 2008.

Boigne E.-A. Mémoires de la comtesse de Boigne. Т. 1—2. Paris, 2005.

Broglié G. Guizot. Paris, 1990.

Joinville, prince de. Vieux souvenirs. 1818—1848. Paris, 2008.

Dino Dorothee (duchesse de Talleyrand et de Sagan). Souvenirs et chronique de la duchesse de Dino: nièce aimée de Talleyrand / édition établie, présentée et annotée par Anne et Laurent Theis. Paris, 2016.

Lucas-Dubreton J. Louis-Philippe. Paris, 1938.

Rémond R. La Vie Politique En France. 1789—1848. Т. 1-2. Paris, 1965.

Rosanvallon P. Le Moment Guizot. Paris, 1985.

REFERENCES

Alpatov M.A. *Politicheskie idei francuzskoj burzhuznoj istoriografii XIX v. [Political ideas of French bourgeois historiography of the XIX century]*. Moscow-Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1949, 408 p. (In Russian)

Antonetti G. Louis-Philippe. Paris: le Grand livre du mois, 2002. 992 p.

Apponyi R. Les Français envient notre bonheur. Journal. 1826—1848. Présenté et annoté par Nicolas Mietton. Paris: Tallandier, 2008. 697 p.

Boigne E.-A. Mémoires de la comtesse de Boigne. Т. 1—2. Paris: Mercure de France, 2005.

Broglié G. Guizot. Paris: Perrin, 1990. 549 p.

Butenko V.A. *Liberal'naya partiya vo Francii v ehpohe Restavracii* [*Liberal Party in France in the era of Restoration*]. Saint-Petersburg: Tip. Stasyulevicha, 1913, 630 p. (In Russian)

Cherkasov P.P. *Russkij agent vo Francii. Yakov Nikolaevich Tolstoj (1791-1867)*. Russian agent in France. Yakov Nikolaevich Tolstoy (1791-1867). Moscow: KMK, 2008, 453 p. (In Russian)

Cherkasov P.P. *Shpionskie i inye istorii iz arhivov Rossii i Francii*. Spy and other stories from the archives of Russia and France. Moscow: Lomonosov, 2015, 304 p. (In Russian)

Chicherin B.N. *Istoriya politicheskikh uchenij*. History of political doctrines. Moscow: Tip. Gracheva, 1869-1902. (In Russian)

Dino Dorothee (duchesse de Talleyrand et de Sagan). *Souvenirs et chronique de la duchesse de Dino: nièce aimée de Talleyrand / édition établie, présentée et annotée par Anne et Laurent Theis*. Paris: Robert Laffont, 2016, 1149 p.

Evropejskij liberalizm v novoe vremya. Teoriya i praktika [*European liberalism in the new time. Theory and practice*]. Moscow: IVI, 1995, 271 p. (In Russian)

Fedorova M.M. *Klassicheskij francuzskij liberalizm* [*Classic French Liberalism*]. Moscow: Rosspehn, 2000, 592 p. (In Russian)

Fedosova E.I. Fransua Gizo: istorik i gosudarstvennyj deyatel' Francois Guizot: historian and statesman in *Novaya i novejschaya istoriya* [*New and recent history*]. 1997. № 2, p. 57-68. (In Russian)

Fedosova E.I. F. Gizo vo glave MID Francii (1840-1847 gg.) Guizot at the head of the French Foreign Ministry (1840-1847) in *Voprosy istorii* [*Questions of history*]. 1993. № 10. (In Russian)

Fedosova E.I. Franciya i Venskaya sistema (K voprosu o postoyanno dejstvuyushchih i vremennyh faktorah vneshnej politiki) France and the Vienna system (On the issue of permanent and temporary factors of foreign policy) in. Series 8. History. in *Vestnik MGU*. Seriya 8. Istoriya. [Vestnik MGU]. 1996. № 5, p. 71-82. (In Russian)

Francuzskij liberalizm v proshlom i nastoyashchem. Otv. red. V.P. Smirnov. French liberalism in the past and present. Moscow: MGU, 2001, 224 p. (In Russian)

Gadzhiev K.S. Liberalizm i sovremennost' [Liberalism and modernity] in *Novaya i novejschaya istoriya* [*New and newest history*]. 1995. № 6. (In Russian)

Goncharova T.N. Mezhdru Parizhem i Sankt-Peterburgom. Posolstvo Frantsii i Rossii (1814-1848). [Between Paris and St. Petersburg. The Embassy of France and Russia (1814-1848)]. St. Petergourg, 2017. (In Russian)

Goncharova T.N. Opyt samoderzhaviya. Pol' de Burguan v Rossii (1828-1832) [The experience of autocracy. Paul de Bourgoïn in Russia (1828-1832)] in *Mezhdunarodnye otnosheniya v novoe i novejshee vremya. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*,

posvyashchennoj pamyati professora K.B. Vinogradova [International Relations in New and Modern Times. Proceedings of the international scientific conference dedicated to the memory of Professor K. B. Vinogradov]. St. Petergourg, 2005. S. 94–99. (In Russian)

Goncharova T.N. Posol'stvo Francii i svetskaya zhizn' Sankt-Peterburga v pervoj polovine XIX v. [The Embassy of France and the high life of St. Petersburg in the first half of the nineteenth century] in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Vypusk 2.* [Vestnik of Saint- Petersburg State University]. 2008. P. 141–147. (In Russian)

Goncharova T.N. Francuzskie diplomaty v Rossii (1814-1848): personalii i kar'ery [French diplomats in Russia (1814-1848): personalities and careers] in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2.* [Vestnik of Saint- Petersburg State University]. 2008. Vypusk 4. CH. 1. P. 130–136. (In Russian)

Ignatchenko I.V. *Adolf T'er [Adolf Thiers. Sud'ba francuzskogo liberala pervoj poloviny XIX veka].* Moscow: Izd. Dom Delo, 2016, 464 p. (In Russian)

Joinville, prince de. *Vieux souvenirs. 1818—1848.* Paris: Mercure de France, 2008. 418 p.

Kareev N.I. *Istoriya Zapadnoj Evropy v novoe vremya [The history of Western Europe in the new time].* T. 1-5. Saint Petersburg: Tip. Stasyulevicha, 1904-1908. (In Russian)

Kareev N.I. *Proiskhozhdenie sovremennogo narodno-pravovogo gosudarstva. Istoricheskij ocherk konstitucionnyh uchrezhdenij i uchenij do serediny XIX veka [The origin of the modern nation-law state. Historical sketch of constitutional institutions and teachings until the middle of the XIX century].* Saint Petersburg: Tip. Stasyulevicha, 1908, 506 p. (In Russian)

Konservativizm i liberalizm: istoriya i sovremennye koncepcii [Conservatism and liberalism: history and modern concepts]. Saint Petersburg: SPBGU, 2002, 180 s. (In Russian).

Lucas-Dubreton J. *Louis-Philippe.* Paris. Fayard, 1938. 703 p.

Mil'china V.A. *Parizh v 1814-1848 godah: Povsednevnyaya zhizn' [Paris 1814-1848: Everyday Life].* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013, 939 p. (In Russian)

Mil'china V.A. *Rossija i Francija. Diplomaty. Literaturny. Shpiony. Sbornik statej [Russia and France. Diplomats. Writers. Spies].* Saint Petersburg: Giperion, 2004, 528 p. (In Russian).

Mil'china V.A. "Francuzy poleznye i vrednye". Nadzor za inostrancami v Rossii pri Nikolae I [«» The French are useful and harmful. « Supervision of foreigners in Russia under Nicholas I]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017, 400 p. (In Russian)

Miroshnikov S.N. Mesto Iyul'skoj revolyucii 1830 g. v processe stanovleniya i razvitiya burzhuažnoj gosudarstvennosti vo Francii [Place of the July Revolution of 1830 in the process of formation and development of bourgeois statehood in France] in *Novoe v izuchenii i prepodavanii istorii v VUZah [New in the study and teaching of history in universities].* Tomsk, 1994. (In Russian)

Molok A.I. *Venskij kongress i Svyashchennyj soyuz. Franciya v period restavracii Burbonov (1815-1830 gg.)*. Stenogramma lekcij, pročitannyh v Vysshej partijnoj shkole pri CK VKP(b) [Congress of Vienna and the Holy Alliance. France during the restoration of the Bourbons (1815-1830)]. Moscow: Tip. Vyssh. part. Shkoly, 1949, 35 p. (In Russian)

Molok A.I., Potemkin F.V. *Evropa v 1794-1847 gg. Lekcii, pročitannye v Vysshej partijnoj shkole pri CK VKP(b) [Europe in the years 1794-1847]*. Moscow: Tip. Vyssh. part. Shkoly, 1952. (In Russian)

Orlik O.V. *Peredovaya Rossiya i revolyucionnaya Franciya: pervaya polovina XIX v. [Advanced Russia and revolutionary France: the first half of the nineteenth century]*. Moscow: Nauka, 1973, 299 p. (In Russian)

Reizov B.G. *Romanticheskaya francuzskaya istoriografiya. 1815-1830 [Romantic French historiography. 1815-1830]*. Leningrad: LGU, 1956, 536 s. (In Russian)

Rémond R. *La Vie Politique En France. 1789—1848. T. 1-2*. Paris: Librairie Armand Colin, 1965.

Revolyucii 1848-1849 gg. v Evrope / pod red. F.V. Potemkina i A.I. Moloka [Revolution of 1848-1849 in Europe]. T.1-2. Moscow: AN SSSR, 1952. (In Russian)

Rosanvallon P. *Le Moment Guizot*. Paris: Gallimard, 1985. 414 p.

Sovremennyj liberalizm [Modern liberalism]. Moscow, 1998. (In Russian)

Sogrin V.V., Patrushev A.I., Tokareva E.S., Fadeeva T.M. *Liberalizm Zapada XVII - XX vekov [Liberalism of the West XVII - XX centuries]*. Moscow : IVI, 1995, 227 s. (In Russian)

Tan'shina N.P., Knyaginya D.H. Liven. Lyubov', politika, diplomatiya [Princess D.H. Liven. Love, politics, diplomacy]. Moscow: KMK, 2009, 304 p. (In Russian)

Tan'shina N.P. *Protekcionizm ili svoboda trgovli? K voprosu ob ehkonomicheskoj politike Francii v gody Ijul'skoj monarhii [Protectionism or free trade? On the question of the economic policy of France in the years of the July monarchy]* in *CLIO-SCIENCE: Problemy istorii i mezhdisciplinarnogo sinteza. Sb. nauchnyh trudov [CLIO-SCIENCE: Problems of history and interdisciplinary synthesis] Vyp. III*. Moscow, 2012. P. 135–141. (In Russian)

Tan'shina N.P. *Revolyuciya ot skuki ili kak francuzy izmenili svoej tradicii ne ustraivat' revolyuciyu zimoj [The revolution from boredom or how the French changed their traditions not to make a revolution in winter]* in *Rodina [Motherland]*. 2012. № 3. S. 78–81. (In Russian)

Tan'shina N.P. *Politicheskaja bor'ba vo Francii po voprosam vneshnej politiki v gody Ijul'skoj monarhii [Political struggle in France on foreign policy issues]*. Moscow: Prometej, 2005. 511 p. (In Russian)

Tan'shina N.P. *Samoderzhavie i liberalizm: ehpoха Nikolaya I i Lui-Filippa Orleanskogo [Autocracy and Liberalism: the era of Nicholas I and Louis-Philippe of Orleans]*. Moscow: Politicheskaya ehnciklopediya, 2018. (In Russian)

Tan'shina N. P. *Fransua Gizo. Politicheskaja biografija [François Guizot. Political biography]*. Moscow: MPGU, 2016. 362 p. (In Russian)

Zastenker N. *Revoluciya 1848 goda vo Francii [The Revolution of 1848 in France]* Moscow: Uchpedgiz, 1948, 203 p. (In Russian)

В. В. Сергеев

Сергеев Виктор Владимирович, доктор исторических наук, профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта (г. Калининград)

E-mail: viktsergeev@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКИЕ ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ДИПЛОМАТИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НОВОГО ВРЕМЕНИ: СИСТЕМАТИЗАЦИЯ И ТЕМАТИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ

Объектом рассмотрения в статье являются современные диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора исторических наук по истории дипломатии и внешней политики ведущих западных стран и России XVII-начала XX века, а также глобальных международных отношений Нового времени. Они воспринимаются автором статьи как один из индикаторов исследовательской активности современных российских историков в рамках данной научной тематики. По электронным базам данных в статье составлена и систематизирована полная статистика диссертационных исследований по внешнеполитической тематике, защищенных в Российской Федерации за период 2000-2018 годов. Всего за 18 лет XXI века по четырем историческим специальностям (07.00.02 – Отечественная история, 07.00.03 - Всеобщая история (новая и новейшая история), 07.00.09 - Историография, источниковедение и методы исторического исследования, 07.00.15 - История международных отношений и внешней политики) было защищено 12438 диссертаций, из них 233 диссертации по истории международных отношений, внешней политике и дипломатии (201 кандидатская и 33 докторских). В статье осуществлена систематизация диссертационных исследований по хронологическому, географическому, тематическому, квалификационному и содержательному принципам. Главная цель автора состояла в том, чтобы выявить распределение научного интереса и внимания молодых и маститых ученых России к различным проблемам отечественной и зарубежной внешнеполитической истории XVII - начала XX в. Реализация данной цели

позволила сделать определенные выводы относительно степени ее изученности, выявить как позитивные, так и негативные тенденции в современной российской историографии истории дипломатии, внешней политики и международных отношений Нового времени и на этой основе увидеть перспективные направления и актуальную для последующего исследования проблематику. В статье делается общий вывод о том, что, вопреки распространенному мнению, внешнеполитическая проблематика по истории нового времени представлена весьма скромно в диссертационных исследованиях за 2000-2018 годы, особенно на уровне докторских диссертаций.

Ключевые слова: российская историография, история дипломатии, история международных отношений, Новое время, диссертационное исследование, библиометрический метод, статистический метод.

V. Sergeev

Sergeev Viktor Vladimirovich – Doctor Habil. in History, Professor at the Institute of the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: viktsergeev@yandex.ru

LATTER RUSSIAN DISSERTATION RESEARCHES ON THE HISTORY OF DIPLOMACY AND INTERNATIONAL RELATIONS OF MODERN HISTORY: SYSTEMATIZATION AND THEMATIC TRENDS

This article looks into recent PhD theses on the history of diplomacy and foreign policy of the leading Western countries and Russia, as well as global international relations in Modern times. They are considered by the author of this article as one of the indicators of research activity of contemporary Russian historians. Based on the electronic database of theses, the article gives a full and systemized account of research theses written on the subject within the period of 2000-2018. Over this period there were 12,438 theses completed on the subject within four historical directions (07.00.02 - Russian history; 07.00.03 - Universal history (modern and contemporary history); 07.00.09 - Historiography, source

study, and methods of historical research; 07.00.15 - History of international relations and foreign policy), including 233 theses on foreign policy. The main purpose of the article is to reveal the distribution of research interest and attention among young and aspiring Russian historians to various issues of the foreign history of XVII-early XX century. In order to identify both positive and negative trends in the modern Russian historiography of the history of diplomacy, foreign policy and international relations, the author of the article examines whether the subject has been given substantial attention. He also defines new and promising directions for further research. The article concludes that, contrary to popular opinion, foreign policy issues on the history of modern times are presented very modestly in research conducted within the period of 2000-2018, especially in doctoral theses.

Keywords: Russian Historiography, *History of Diplomacy*, *History of International Relations*, *Modern History*, Dissertation Research.

С формальной точки зрения защита кандидатской и докторской диссертации (квалификационной работы) представляет собой обязательную государственную научную аттестацию, важное звено в системе подготовки кадров для российской науки. По ее результатам соискателю присваивается искомая ученая степень по соответствующей специальности, и он становится членом научного сообщества. При всех многочисленных бюрократических проявлениях процесса подготовки и защиты диссертационных работ и проявляющемся в современном российском обществе скепсисе относительно их научной значимости они составляют, тем не менее, существенный и неотъемлемый сегмент любой отрасли науки, важный ресурс ее развития.

Кроме того нужно учитывать, что помимо самого текста диссертации и автореферата соискатель представляет научному сообществу основные результаты своего исследования в виде опубликованных статей и монографий. Это является требованием ВАК РФ и необходимым условием для выхода на защиту. Таким образом, количественная динамика и тематика защищенных кандидатских и докторских диссертаций в совокупности с публикациями диссертантов могут рассматриваться

как своего рода индикаторы исследовательской активности ученых в той или иной научной области. По совокупности диссертаций, выполненных за определенный период времени в рамках определенного научного направления, можно оценивать кадровый потенциал этого направления, выявлять преобладающую в нем исследовательскую тематику и видеть тенденции его развития.

В статье предпринята попытка на основе анализа максимально полного массива кандидатских и докторских диссертаций, защищенных в России в 2000-2018 годах по отечественной и зарубежной внешнеполитической истории XVII - начала XX века¹, показать распределение научного интереса и внимания молодых и маститых ученых к различным ее аспектам и проблемам, оценить степени ее изученности, увидеть как позитивные, так и негативные тенденции в современной российской историографии истории дипломатии, внешней политики и международных отношений Нового времени.

Решение этих задач с учетом специфики изучаемого объекта предусматривало необходимость преимущественного использования в статье библиометрического и статистического методов. На первом этапе с их помощью был осуществлен сбор и измерение научной информации по трем количественным параметрам: первый параметр составило общее число диссертаций российских ученых по отечественной и всеобщей истории, защищенных за 18 лет XXI века по всем историческим специальностям; второй параметр - это количество диссертационных исследований различных проблем Новой истории России и зарубежных стран, третий параметр - диссертации, посвященные изучению внешнеполитической истории XVII - начала XX в.

В результате по четырем историческим специальностям (07.00.02 – Отечественная история, 07.00.03 – Всеобщая история (Новая и Новейшая история), 07.00.09 - Историография, источниковедение и методы истори-

¹В статье по возможности учтены все диссертации (за исключением работ по военной истории) по конкретно-историческим, источниковедческим и историографическим аспектам истории дипломатии, внешней политики и международных отношений в Новое время (с XVII века до начала Первой мировой войны). Автор не претендует на абсолютную точность приведенных количественных показателей, допуская возможную максимальную статистическую погрешность в пределах 1 % от общего числа диссертационных работ. Тем не менее, полученная выборка диссертаций является вполне репрезентативной и дает возможность с большой степенью точности делать оценочные суждения и обобщающие выводы.

ческого исследования и 07.00.15 - История международных отношений и внешней политики) было выявлено 13066 диссертационных работ. Из них 4563 диссертации (почти 1/3) по Новой истории и 233 диссертации по внешнеполитической тематике Нового времени (201 кандидатская и 32 докторские), что составляет менее 2 % от общего количества диссертационных исследований по истории и чуть более 5 % от числа диссертаций по Новой истории².

В разрезе специальностей ситуация с диссертационными исследованиями характеризуется следующими показателями:

07.00.02 – Отечественная история: первый параметр – 9432 диссертации, второй параметр – 3792 диссертации (более 40 %), третий параметр – 74 диссертации (65 кандидатских, 10 докторских), что составляет лишь около 2 % от показателей второго параметра.

07.00.03 – Всеобщая история (Новая история): первый параметр – 2406 диссертаций, второй параметр – 481 диссертация (20 %), третий параметр – 124 диссертации (108 кандидатских, 15 докторских), что составляет более 25 % от показателей второго параметра.

07.00.09 - Историография, источниковедение и методы исторического исследования: первый параметр – 781 диссертация, второй параметр – 269 диссертаций (свыше 34 %), третий параметр – 14 кандидатских диссертаций, что составляет чуть более 5 % от показателей второго параметра.

07.00.15 - История международных отношений и внешней политики: первый параметр – 447 диссертаций, второй параметр – 21 диссертация, третий параметр – 21 диссертация (14 кандидатских, 7 докторских) что составляет 4, 7 % от показателей второго параметра.

Приведенная статистика свидетельствуют о том, что в диссертационных исследованиях за 2000-2018 годы по всем историческим специальностям, за исключением работ по всеобщей истории, внешнеполитической тематика количественно представлена весьма скромно, тем более на

²Подсчеты и тематическая выборка производились по материалам Научной библиотеки диссертаций и авторефератов с использованием других электронных баз данных: Научная библиотека диссертаций и авторефератов / Режим доступа: <http://www.dissercat.com/catalog/istoricheskie-nauki/istoriografiya-istochnikovedenie-i-metody-istoricheskogo-issledovaniya/p28#ixzz5ag8sQn38>; Электронный каталог диссертаций / Режим доступа: dslib.net (Дата обращения: 20 февраля 2019 г.)

уровне докторских диссертаций. Особенно обращает на себя внимание тот факт, что в рамках специальности «Отечественная история», вопреки предположениям, зафиксирован наименьший процент диссертационных работ по дипломатии и внешней политике России XVII - начала XX века. Еще более неожиданными можно признать итоги подсчета по специальности «История международных отношений и внешней политики». Они свидетельствуют о явном перекосе в тематике диссертационных работ, защищенных по данной специальности, в пользу Новейшего времени.

География городов, где были подготовлены и состоялись защиты 233 диссертаций по внешнеполитической тематике, весьма обширна – 44 города Российской Федерации от Владивостока до Калининграда. Безусловно первое место по количеству защит с большим отрывом занимает Москва – 91 диссертация (39 %). Следом идет Санкт-Петербург – 32 защиты (13, 7 %), затем Рязань – 10, Иркутск и Махачкала – по 7, Брянск, Волгоград, Самара, Саратов – по 6 защит. В остальных городах отмечено по 1-3 защита диссертационных работ. Данная статистика свидетельствует о весьма позитивной тенденции укрепления региональных вузовских центров в области истории и возрастания их роли в подготовке кадров для российской исторической науки.

Количество защищенных диссертаций по внешнеполитической истории Нового времени, естественно, варьируется по годам - от 26 работ в 2006 году до 3 работ в 2018 году. При этом обнаруживается нежелательная тенденция заметного сокращения по всем историческим специальностям числа представленных к защите диссертационных исследований после 2011 года: в 2012 году - 8, в 2013 году – 7, в 2014-2017 годах – по 5, в 2018 году – всего 3 диссертации.

На втором этапе решения стоявших перед автором статьи задач выявленный массив диссертационных работ подвергся тематической систематизации: все диссертации, защищенные в Российской Федерации в 2000-2018 годах по истории глобальных международных отношений, внешней политики и дипломатии западных стран и России XVII - начала XX века, были сгруппированы по хронологическому, географическому, тематическому, жанровому и другим критериям.

Выявлено, что в хронологическом отношении соискатели ученых степеней по всем историческим специальностям отдавали явное предпочтение международным отношениям, внешней политике и дипломатии XIX века - 106 работ (более 45 %) и началу XX века - 50 работ (более 21 %). XVIII столетие представлено 41 диссертацией (17, 5 %). Реже всего иссле-

дователи обращались к внешнеполитической истории России и западных стран XVII века – всего 25 работ (около 11 %). Тематика 11 диссертаций (более 4 %) находится на стыке столетий.

По специальностям эти показатели распределились следующим образом:

07.00.02 (74 диссертации): XVII век – 6 работ, XVIII век – 20 работ, XIX век – 31 работы, 1900-1914 годы – 12 работ, на стыке столетий – 5 работ.

07.00.03 (124 диссертации): XVII век – 13 работ, XVIII век – 15 работ, XIX век – 60 работ, 1900-1914 годы – 30 работ на стыке столетий – 6 работ.

07.00.09 (14 диссертаций): XVII век – 4 работы, XIX век – 8 работ, 1900-1914 годы – 2 работы.

07.00.15 (21 диссертация): XVII век – 2 работы, XVIII век – 6 работ, XIX век – 7 работ, 1900-1914 годы – 6 работ.

С точки зрения распределения исследовательского интереса диссертантов к важнейшим регионам международных отношений вне конкуренции находится Европа – дипломатии и внешней политике европейских стран, включая Россию, посвящена львиная доля диссертаций – 141 (свыше 60 %): 07.00.02 – 49 работ (более 66 %), 07.00.03 – 75 работ (более 60 %), 07.00.09 – 7 работ (50 %), 07.00.15 – 11 работ (52 %). Второе место занимает дальневосточная проблематика - 40 диссертаций (17, 1 %): 07.00.02 – 11 работ (около 15 %), 07.00.03 – 18 работ (14, 7 %), 07.00.09 – 4 работы (50 %), 07.00.15 – 7 работ (33, 3 %). По истории Восточного вопроса написано 28 диссертационных исследований (12 %): 07.00.02 – 8 работ (почти 11%), 07.00.03 – 17 работ (13, 7 %), 07.00.09 – 1 работа (7, 1 %), 07.00.15 – 2 работы (9, 5 %). По международным отношениям в Средней Азии защищено 19 диссертаций (8 %): 07.00.02 – 4 работы (5, 4 %), 07.00.03 – 14 работ (11, 2 %), 07.00.09 – 2 работы (14, 2 %). И только 4 соискателя (менее 2 %) обратились к изучению внешнеполитической истории Африки: 07.00.03 – 3 работы (2, 4 %).

По содержанию в подавляющем большинстве диссертаций исследуются преимущественно политические и дипломатические аспекты международных отношений - 166 работ (более 70 %). Торгово-экономические аспекты представлены в 20 диссертациях (8, 5 %), колониальные – в 16 (6, 8 %), научно-культурные – в 12 работах (чуть более 5 %). Очень мало внимания диссертантами уделено историографическим и источниковедческим вопросам внешнеполитической истории: 10 (4, 2 %) и 9 (3, 8 %) работ соответственно. 15 диссертационных исследований выполнены в биогра-

фическом жанре, что составляет 6,4 % от общего числа. Данная статистика подтверждает мнение ряда авторов о том, что история международных отношений – «одна из наиболее консервативных отраслей исторической науки»³, что она «нуждается в содержательном обновлении» и что сохраняется «традиционная склонность нашей историографии толковать историю международных отношений с позиции внешней политики отдельных государств»⁴.

Профессор Смоленского гос. университета Ю. Е. Ивонин в 2010 г., рассматривая авторефераты диссертаций по истории международных отношений Нового времени, обратил внимание еще на один их традиционный изъян - на слабое и во многом стандартное методологическое обеспечение⁵. Его наблюдение в полной мере подтверждается и применительно к большинству диссертационных работ, защищенных в 2011-2018 годах. В связи с этим является показательным, что среди 233 диссертационных работ нет ни одной, в которой бы предметом специального изучения выступали теоретико-методологические вопросы истории международных отношений.

Столь же традиционным для диссертантов является первостепенный интерес к главным субъектам международных отношений. Это прежде всего Россия – истории ее внешней политики и дипломатии в XVII - начале XX века суммарно по всем специальностям посвящена 161 работа (почти 70 %): 07.00.02 – Отечественная история - 100 %, 07.00.03 - Всеобщая (Новая и новейшая история) - около трети, 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования - 93 %, 07.00.15 – История международных отношений и внешней политики - 58 %. Внешнеполитическая история Великобритании на разных этапах Нового времени избрана объектом изучения в 53 диссертациях (22,7 %), Франции – в 29 работах (12,4 %), Пруссии-Германии – в 18 исследованиях (7,7 %). США – в 17 работах (7,2 %). При этом буквально единичные дис-

³Всемирная история. В 6 томах. Гл. ред. А.О. Чубарьян. Том 4. Мир в XVIII веке. М.: Наука, 2013. 787 с.

⁴Ревякин А. В. Вестфальская система международных отношений в новейшей отечественной литературе // История международных отношений: актуальные проблемы отечественной историографии. М., 2017. С.130.

⁵Ивонин Ю. Е. Исследования по истории международных отношений раннего нового времени в Западной и Центральной Европе в России последних двух десятилетий и перспективы создания сообщества специалистов в этой области // Электронный научно-образовательный журнал «История». Выпуск 1. Историческая наука в современной России. №1 (1). 2010. С.101.

сертационные исследования выполнены по истории дипломатии и внешней политики Австрийской империи, Италии, Испании, скандинавских и так называемых малых стран Европы, очень ограниченно и выборочно представлена латиноамериканская внешнеполитическая тематика и т.д.

В результате при сопоставлении и обобщении всех диссертационных статистических показателей выявляются очевидные «белые пятна» в диссертационном багаже современной российской историографии истории дипломатии, внешней политики и международных отношений Нового времени. Вот некоторые из них: проблемы имагологии в сфере международных отношений (исследования образа другого), теоретико-методологические аспекты истории дипломатии и внешней политики, состояние зарубежной историографии международных отношений, системный подход к истории международных отношений, заполнение хронологических и географических лакун в изучении внешнеполитической тематики Нового времени.

Анализ диссертационной статистики выявил еще одну настораживающую тенденцию с точки зрения систематичности и последовательности исследований соискателями истории международных отношений после защиты кандидатских диссертаций. Дело в том, что за 18 лет только четыре человека, которые защитили кандидатскую диссертацию в этот период времени, продолжили свои исследования и вышли впоследствии на защиту докторской диссертационной работы. Отсюда напрашивается вывод об отсутствии должной преемственности в деле подготовки специалистов высшей квалификации - докторов исторических наук.

ЛИТЕРАТУРА

Всемирная история. В 6 томах. Гл. ред. А.О. Чубарьян. Том 4. Мир в XVIII веке. М.: Наука, 2013. 787 с

Ивонин Ю. Е. Исследования по истории международных отношений раннего нового времени в Западной и Центральной Европе в России последних двух десятилетий и перспективы создания сообщества специалистов в этой области //

Электронный научно-образовательный журнал «История». Выпуск 1. Историческая наука в современной России. №1 (1). 2010. С.198-204.

Маришкова-Шайкевич И. В. Вклад России в развитие науки: библиометрический анализ. М.: Янус, 1995. 248 с.

Научная библиотека диссертаций и авторефератов / Режим доступа: disserCat <http://www.dissercat.com/catalog/istoricheskie-nauki/istoriografiya-istochnikovvedenie-i-metody-istoricheskogo-issledovaniya/p28#ixzz5ag8sQn38> (Дата обращения: 20 февраля 2019 г.).

Ревякин А. В. Вестфальская система международных отношений в новейшей отечественной литературе // История международных отношений: актуальные проблемы отечественной историографии. М., 2017. С.128-147.

Селетков С. Г. Диссертация как феномен научного исследования // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. Том 2. Философия. 2013. № 1. Т.2. С.156-163.

Электронный каталог диссертаций / Режим доступа: dslib.net (Дата обращения: 20 февраля 2019 г.).

REFERENCES

Ivonin Ju. E. Issledovaniya po istorii mezhdunarodnykh otnoshenij rannego novogo vremeni v Zapadnoy i Centralnoj Evrope v Rossii poslednich dvuch desyateletij i perspektivy sozdaniya soobshchestva specialistov v etoj oblasti [A study on the history of International relations of the early Modern times in Western and Central Europe and Russia over the past two decades and the prospects for creating a community of specialists in this field], in *Elektronnij nauchno-obrazovatelnyj zhurnal «Istorija» [Electronic scientific and educational journal History]*. Vypusk 1. Istoricheskaja nauka v sovremennoj Rossii. №1 (1). 2010. P. 98-104. (In Russian)

Marshakova-Shaykevisch I. V. *Vklad Rossii v razvitie nauki: bibliometricheskij analiz [Russia's contribution to the development of science]*. Moscow: Janus Publ., 1995. 248 p. (In Russian)

Nauschnaja biblioteka dissertacij i aftoreferatov [Scientific library of dissertations and abstracts] / Rezhim dostupa (URL): disserCat <http://www.dissercat.com/catalog/istoricheskie-nauki/istoriografiya-istochnikovvedenie-i-metody-istoricheskogo-issledovaniya/p28#ixzz5ag8sQn38> (Data obraschenija: 20 fevralja 2019 g.).

Revjakin A. V. Vestfalskaja sistema mezhdunarodnykh otnoshenij v novejshej oteschestvennoj literature [Westphalian system of Internationasl relations in the latest domestic literature], in *Istorija mezhdunarodnykh otnoshenij: aktualnie problemy oteschestvennoj*

istoriografii [History of International Relations: Actual Problems of Russian Historiography]. Moscow: Mgimo-Universitet Publ., 2017. P.128-147. (In Russian)

Seletkov S. G. Dissertacija kak fenomen nauschnogo issledovanija [Thesis as a phenomenon of scientific research], in *Vestnik LGU im. A.S.Pushkina*. Tom 2. Filosofija. 2013. № 1. P. 156-163. (In Russian)

Elektonnij katalog dissertacij [The electronic catalog of dissertations) / Rezhim dostupa (URL): dslib.net (Data obraschenija: 20 fevralja 2019 g.).

В. Е. Возгрин

Возгрин Валерий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Нового и новейшего времени Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: valerijvozgrin@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ШВЕДСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ – XVIII В.

В статье рассматривается история становления исторической науки в Швеции. Приводятся типологические различия между летописями, хрониками и историческими трудами. Далее анализируются средневековые и более поздние Истории Швеции, созданные шведскими историками. Прослеживается влияние на шведскую историческую науку идей Ренессанса, а также собственной правящей элиты. Раскрывается значение и особенности жанра «истории-в-примерах» (Exempelhistoria). Анализируется система университетской подготовки шведских историков XVII в. Историк Олаус Петри и поиски исторической истины в шведской науке. Значение антиквариев для развития исторической науки в раннее Новое время. Значение для шведской самоидентификации и исторической науки падения великодержавия в сер. XVIII в. Датский историк Людвиг Хольберг и начало истории шведского народа. Особенности прагматической истории в Швеции на фоне европейского Просвещения. Х.Г. Портан как выдающийся историк финской провинции Швеции. Готский союз интеллектуалов, созданный в 1811 г., означил начало нового периода в эволюции шведской исторической науки.

Ключевые слова: летописи, хроники, историческая наука, Средневековье, Новое время, Ренессанс, прагматическая история, Готский союз.

Vozgrin Valerij Evgenjevitsh – Doctor of History, Professor of the Department of Modern and Contemporary history, Institute of history, Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation.

E-mail: valerijvozhgrin@mail.ru; v.vozgrin@spbu.ru

FEATURES OF THE SWEDISH HISTORIOGRAPHY OF THE LATE MIDDLE AGES – 18TH CENTURY

The article deals with the history of the formation of historical science in Sweden. Typological differences between chronicles and historical works are given. Further, medieval and later Swedish History, created by Swedish historians are analyzed. The influence of the ideas of the the ruling elite on the Swedish historical science is traced. The meaning and peculiarities of the “history Renaissance and -in-examples” genre (Exempelhistoria) are revealed. The system of university training of Swedish historians of the 18th century is analyzed. Historian Olaus Petri and the search for historical truth in Swedish science. The value of antiquaria for the development of historical science in the early modern times. Significance for the Swedish identity and historical science of the fall of the great power in the middle of the 18th century. Danish historian Ludwig Holberg and the beginning of the history of the Swedish people. Features of pragmatic history in Sweden against the backdrop of the European Enlightenment. H.G. Porthan as an eminent historian of the Finnish province of Sweden. The Gothic Union of Intellectuals, created in 1811, marked the beginning of a new period in the evolution of Swedish historical science.

Keywords: Chronicles, Historical Science, the Middle Ages, Modern Times, the Renaissance, Pragmatic History, the Gothic Union.

Начала научной историографии Севера. В Скандинавии теоретики исторической науки подходят к оценке своих далёких предшественников совершенно по-разному. Так, в Дании существует чёткое членение

на историописцев (*historieskrivere*) и историков в полном смысле этого слова, то есть учёных. К первым относились летописцы и хронисты, не имевшие специальной подготовки. Они излагали цепь событий в хронологическом порядке, не заботясь, по крайней мере явно, о каких-то практических выводах или теоретических заключениях научного или политического плана.

Историки-учёные, напротив, являлись людьми хорошо подготовленными – если даже они жили во времена, когда не существовало исторических факультетов. Нужные познания в складывавшейся (или состоявшейся) исторической науке они получали на иных факультетах, где дисциплины строились отчасти на исторической основе. Это относится и к теологии, и к правоведению, и даже к ряду естественных наук. Кроме того, они, обладая научной любознательностью, читали в оригинале великих историков и древности, и раннего Средневековья, черпая их опыт, методы и композиционные приёмы. После чего их собственные труды нередко могли отвечать требованиям фактографической точности и даже объективности – что далеко не всегда было свойственно летописцам и, тем более, хронистам. Этот рывок от нарратива к научному подходу потомки тех новаторов, современные датчане, относят приблизительно к XII в¹.

Летописи в Дании создавались спонтанно, их авторы не нуждались в примерах. Хронисты же имели образец для подражания в творчестве нормандца Дудо Сен-Кантенского, создавшего труд о норманнах (ок. 1020 г.). Он ясно выразил цель сочинения: дать в руки датчанам историю их прошлого на уровне историй других народов, например, римлян. Но вот на смену летописцам и хронистам пришли историки, целью которых, в отличие от первых, стала осознанная прагматичность. То есть стремление сделать выводы из прошлого опыта с тем, чтобы не повторять старые ошибки, избирая путь, оптимальный для страны и людей. Эта цель стала актуальной для культурного общества в Средние века – впрочем, далеко не впервые. Понятие «прагматическая история» легко обнаружить у Полибия, а основоположником её стал Фукидид, что явствует уже из его «Истории». Далеко неслучайно оба они являлись прежде всего военными историками – и оба вполне прагматично стремились устранить в будущем причины поражений былых времён.

¹Возгрин В.Е. Летописцы и историки Дании: эволюция национальной историографии от Средневековья до современности. СПб.: Изд. КРИГА, 2019. С. 42-43. Далее: Возгрин, 2019.

Вторая замечательная черта истории как науки – её линейное, поступательное движение, сменившее принцип цикличности бытия. Правда, вначале новая историческая идея обретала мистическую форму движения к цели, определённой Богом, то есть к состоянию вечного блаженства². Да и полный отказ от идеи циклического развития являлся делом будущего. В Дании пока таких авторов не было – до XII в., когда Саксо Грамматик объединил в своём творчестве черты хрониста и первого историка Дании.

В целом же датчане хронологически членят свою историографию на четыре части. Первая из них – так называемый синкопический период, завершившийся в приблизительно в 700 г. Вторая часть закончилась полным переходом историографии на латынь (около 1100 г.) и переходом учёных от изысканий в прошлом к фиксации настоящего. И если историки ранее являлись прежде всего исследователями, то учёные первой половины XIII в. стали, главным образом, свидетелями. Третий период – расцвет историографии, выразившийся в нескольких наиболее известных средневековых шедеврах, и множестве переведённых на латынь исландских и датских преданий (сагнов) и саг, также имеющие высокую историческую ценность. Это увлечение продлилось до 1300-1350 гг., после чего наступает пора упадка или увядания средневековой историографии. Но на смену ей идут историки Нового времени с их совершенно иными целями. За этим членением, сложившимся в датской науке, стояли крупнейшие европейские историки Анри Пиренн (серия статей 1914 г.) и Йохан Хейзинга со своей эпохальной «Осенью Средневековья».

Так, с опорой на высшие авторитеты теоретиков историописания, в Дании сложилась системная история науки, Тем не менее, шведские историки, не игнорируя этот выверенный опыт, пошли иным путём. Они ошеломили скандинавских коллег, перенеся начало исторической науки с XII на XIX вв.: «Тех, кто до XIX в. посвящал себя истории мы называем историописцами. Историки появляются только в этом веке. В чём различие между первыми и вторыми? Историописец лишь повествовал, он был необъективен и риторичен, не отличал первоисточники от повествовательного наследия, не использовал он и критику источников. Историк, в противоположность ему – это объективный, профессионально подго-

²Аверинцев С.С. Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья // Античность и Византия. М.: Наука, 1975. С. 270-274.

товленный методичный и критичный аналитик»³. Таким образом, главное отличие между историками и их предшественниками сводилось к уровню профессионализма. Согласно шведской теории, лишь в XIX в. отмечено историческое исследование, ставшее профессиональным в том смысле, что историки обучались своему ремеслу и к тому же опирались на разработанные и апробированные нормы, чего не было раньше. Здесь сам термин профессионализм подчёркивает, что различие проходит скорее в структурной или культурной сферах, чем в когнитивном плане.

Так что, если говорить о историописании в Швеции с раннего Нового времени и далее (XVI-XVIII вв.), то оно являлось, по мнению самих шведов, «донаучным». Хотя и в ту эпоху историческая литература являлась в Швеции крупнейшей – конечно, если не считать богослужебные и теологические сочинения. Историописание отражало тенденции эпохи и общества. Они менялись: в эпоху династии Вас, то есть государственного строительства и серии завоеваний до сер XVII в. Понятно, что в такой ситуации следовало всячески восхвалять Швецию прошлого в историях, рассчитанных и на зарубежного читателя. Те же требования выдвигало и установившееся во вт. пол. XVII в. **великодержавие, но они удовлетворялись скорее через антикварские исследования** (то есть выявление, описание и разъяснение далёкого прошлого любого рода через его материальные следы), а не посредством историописания в собственном смысле. Позднее великодержавие не было временем расцвета для объективного историописания прошлого, отчего оно и не составляет отдельного периода.

Истории Швеции и шведов. В XVIII в., после падения шведского великодержавия, сама его идея редуцируется в пользу патриотического утилитаризма, а историки оборачиваются лицом к отечественному читателю. Эти различия позволяют разделить раннемодерную историю историописания на две основные части:

1. Период Реформации и великодержавия;
2. Эра свобод и густавианская эпоха.

В эпоху Саксо и позднее никто не брался за историю Швеции. Ситуацию изменили ренессансные идеи. Итальянские гуманисты не только описывали истории своих городов, их приглашали за рубеж – это было нужно хотя бы для установления границ национальных держав. но не

³Lindberg B. *Ära och nytta // Historieskrivningen i Sverige / red. G. Artéus och K. Åmark. Lund: Studentlitteratur AB, 2012. S. 9-40. S. 9.* Далее: Lindberg, 2012.

гасла и церковная история, точнее история католической церкви в различных странах. Беда Достопочтенный создал историю церкви англо-норманнских стран начиная с VII в. Писалась церковная история и в Швеции, и также в ранне-средневековом времени. Но она являлась и национальной историей. Это важно отметить – история народов долго и одинаково прочно сопрягалась с церковью и державой. Первое шведское общенародное собрание, которое можно назвать национальным, состоялось в 1593 г. в Упсале, где был по сути переход державы в лютеранскую веру.

Нормальным для той эпохи оставалось соотношение народа и политической власти, то есть неотделимость масс от державы или короля. Поэтому уже в XIII в. делались попытки составить самое необходимое – элементарную хронологию шведских королей за последние века. Она основывалась на доступных документах, законах и этимологических исследованиях. Чем, кстати, и отличалась от более поздних спекулятивных учёных историописаний, в которых прошлое страны воссоздавалось с помощью античных повествовательных источников. Первая попытка создать комплексную историю (то есть и на отечественных источниках) – хроника Эрика Олауса о государстве готов, законченная в 1470-х гг., но изданная лишь в Новое время⁴. Именно с этого труда началась многовековая историография готов как предков шведского народа. И чуть позже – столь же нескончаемая антагонистичная ей традиция развенчания «готского» начала шведской истории.

Двумя веками спустя последовал ряд других попыток создания шведской национальной истории: Олауса Петри, Йоханнеса Магнуса, Олауса Магнуса, Лаурентиуса Паулиуса Готуса (1636) и Йоханнеса Локкениуса (1647 и 1654). А также известного Самуэля Пуфендорфа. Все эти труды, естественно, писались на латыни (на шведский перевели лишь О. Петри и С. Пуфендорфа). Объяснение здесь простое – не слишком родовитый Густав I Васа и его преемники нуждались в международном реноме, и книги о великой шведской истории предназначались, прежде всего, образованной Европе⁵.

Примечательно, что топоним «Швеция» или этноним «шведский» в титулах книг не использовались, их заменяли более широкие географиче-

⁴Tjällén B. Church and nation: the discourse on authority of Ericus Olai's *Chronica regni Gotrhorum* (c. 1471). Stockholm: Department of history, 2007.

⁵Tjällén B. *Ericus Olai // Svenska historiker: från medeltid till våra dagar / redaktörer: Ragnar Björk och Alf W. Johansson. Stockholm: Norstedts, 2009. S. 59- 60. Далее: Tjällén, 2009.*

ческие понятия «Север» или «Скандия». Так, Иоханнес Мессениус назвал свою историю *Scondia illustrata*, имея в виду весь Балтийский регион и даже атлантические острова включая Гренландию, а своих земляков он именовал скандиотами. Да и Лаурентиус Паулиус Готус сначала описал всю северо-восточную Европу и лишь после этого приступил к шведской истории, отчего и назвал её *Historiae arctoae libri tres*.

За таким словоупотреблением отнюдь не крылась мысль о скандинавском единстве – уже завязывались и обострялись вечные шведско-датские распри. Но шведская история вплеталась в судьбу остального Севера, страна не имела какой-либо собственной, ясно отграниченной (сейчас мы бы сказали «национальной») истории. Кроме того, повсюду использовалось понятие «Север», и в литературе тоже, обозначавшее для европейского читателя холодный край с необычными природой, людьми и культурой. Особенно отличился в этом смысле Олаус Магнус. В его истории превалировали чисто культурные темы и их анализ, а не политические события и процессы. По этой причине его труд до сих пор – этнологическая классика. Очевидно, что в ту эпоху, чтобы возбудить интерес европейцев, всё шведское следовало сопрягать с общесеверной экзотикой⁶.

Королевские историографы. Между прочим, Густав Васа был недоволен хроникой Олауса Петри, и печать её была отложена. Эту реакцию короля вызывало не отсутствие в книге развёрнутых сведений о предках его соотечественников (конкретно – готского сюжета), а некоторые пассажи, граничившие с критикой его самого. И, как упоминалось, у Иоханнеса Магнуса также встречались колкости в адрес монарха – с ожидаемым результатом. Историописание должно было не только обращать внимание мира на державу и народ. От историков на протяжении всего раннемодерного времени ожидалось и служение господствующей государственной идеологии. Поэтому Густав Васа вначале приказал брату Олауса Петри переработать хронику последнего, а затем ещё один автор, Педер Сварт, получил задание написать историю короля такой, какой монарх желал её видеть⁷.

Затем, уже после смерти этого короля, появилось четыре варианта истории его правления. Но изо всех их был в ту эпоху напечатан лишь один, а именно законченный в 1622 г. труд Эрика Ёранссона Тегеля, сына

⁶Johannesson K. *Gotisk renässans. Johannes och Olaus Magnus som politiker och historiker*. Stockholm: Almqvist & Wiksell international, 1982. -334 s. . S. 75-94

⁷Lindberg, 2012. S. 17.

Ёрана Перссона. В такой ситуации при европейских дворах стало принято держать королевских историографов (в Швеции – риксисториографов), задачей которых являлось отображение подвигов своих господ и судьбы их держав. Те, кто выдерживали нужный тон в составлении истории Густава Васы, становились королевскими историографами фактически, если формально. В Швеции должность риксисториографа была впервые учреждена в 1618 г., до конца столетия её несколько раз занимали и иностранцы. Все они сосредоточивались на внешней политике и войнах, то есть темах, в этом веке актуальных и временно затмивших тему готской предыстории.

Самый известный риксисториограф XVII в., Самуэль Пуфендорф (1632-1694), писал о войне Густава II Адольфа в Германии, а затем о подвигах Карла X Густава, с тем, чтобы позже, вернувшись в Германию, взяться за историю курфюрста Бранденбурга Фридриха Вильгельма, принесшую ему неугасающее признание. Но С. Пуфендорф стал известен ещё находясь в Швеции. Он писал книги не только о войнах Швеции, но и о всей истории шведского народа, упоминая в качестве его далёких предков библейского Магога. Эта книга, первоначально созданная по-немецки, но вскоре переведённая и на шведский язык, обрела широкую популярность и повлияла на дальнейшее историописание как в Швеции, так и за рубежом. Собственно, она была задумана как часть всемирной истории, огромного проекта, отметившего наступление новых времён. Но прямых последователей-«всеобщников» у С. Пуфендорфа в Швеции не появилось, здесь занимались собственной историей.

История в примерах. Авторы книг о шведских королях XVI-XVII вв., как правило, не слишком заботились о теоретической основе своих трудов. То, чем они занимались, не выходило за рамки по-человечески понятного желания заказчика оставить о себе память, и вообще спасти от забвения то, что стоило помнить. Эту мотивацию встречаем у Геродота и Ливия, а много веков спустя – у шведа Иоханнеса Магнуса⁸. Но такой принцип касался почти исключительно истории собственного народа – что разумелось само собой и ни в какой мотивировке не нуждалось.

Утверждение национальной чести, что и ныне – часто вполне откровенный мотив исторической науки, в ту пору эксплицитно не фигурировало. Скрытой, но основной её целью было повышение собственного достоинства повествованием о подвигах предков. Важным стимулом

⁸Johannesson K. Från Sverige erövrades verden // Svenska historiker: från medeltid till våra dagar. Stockholm: Norstedts, 2009. S. 62

в стремлении к подвигам всегда являлась надежда на славу, поэтому и были востребованы авторы, способные донести подвиги героев до потомков. Можно в этом смысле говорить о монументалистском использовании истории, обращённой вспять, вызывающей восхищение и стремление следовать примерам предков. Но Иоханнес Магнус полагал также, что современность должна учиться *на примерах* предков. И если неукоснительно заимствовать их опыт, то это, по крайней мере, не допустит рокового расслабления, постигшего в известное время Юг Европы.

Эта мотивация исторических исследований со времён античности и классицизма объяснялась стремлением чему-то научиться (как известно, по Цицерону история – *magistra vitae*). Из деяний в прошлом можно было заключить, как вести себя в настоящем. Такая мысль встречалась и ранее – у Фукидида (V в. до н.э.) и Полибия (III в. до н.э.). Очевидно, при них и сложилось отношение к истории, которое в XVIII в. получило определение прагматического.

Оно выражалось практике, которую получила определение *Exempl-historia*, то есть буквально история-в-примерах, которая основывалась на пользе истории, а не её функции увековечивания прошлого или воодушевления на будущее. В прошлом имелись как примеры, достойные подражания, так и предосудительные деяния, из чего современники могли извлечь уроки. Кроме того, история-в-примерах предлагала иллюстративный материал для руководства в этике и политике. Она давала конкретные примеры политической мудрости и бездарности. Наконец, она демонстрировала экклезиастическую брэнность успеха и переменчивость счастья в жизни людей и стран.

Из представляемых уроков наибольший интерес вызывал политический, а именно примеры умных (то есть, результативных) и провальных действий политиков и полководцев, чёткие иллюстрации продуманной тактики в борьбе за власть или правильного выбора в сложной ситуации. Наиболее часто приводимым примером являлся переход Рима от республики к монархии, как и умение римских императоров проводить реформы, не вызывая противодействия элиты или мятежных настроений у народа. История изобиловала примерами тому, как государь может добиться любви подданных, как установить контроль над завоёванной провинцией и – обратный случай – как похороны могут привести к мятежу.

Чтобы сделать такой опыт доступным для современников, история должна сочиняться в иной композиции, чем хроника. Автору следовало не только сообщать, что именно произошло, но и описывать обстоятель-

ства, причины и мотивы, стоящие за конкретными действиями, а также их следствия. В некоторых формулировках прагматического целеположения встречается попытка увидеть в историческом опыте некие закономерности, а также надежды на то, что из памяти о былом и оценки сущего можно сделать заключения о будущем. И нередко при этом выдвигалось сравнение с медициной: знание, которое даёт история, того же рода, которые накапливает лекарь. Исследуя обстоятельства болезни, он набирается опыта о том, как различные состояния души и тела развиваются со временем, и какие меры обычно помогают пациенту. Предпосылкой для такого использования истории являлось убеждение в неизменности человеческой природы во все времена, в том, что мотивы деяний, страсти и виды реагирования на удары рока одинаковы в античности и современности. История – театр, где можно следить за человеческими метаниями.

Но драма остаётся той же, меняются лишь персонажи. Это представление о неизменяемости человека вело к мысли о предсказуемости будущего и в какой-то мере даже управляемости грядущим. Но эта оптимистичная идея приходила в противоречие с более распространённой мыслью о переменчивости и зыбкости всего сущего. Наиболее частый итог исторических штудий в кровавом и мрачном XVII в. – **не возможность предугадать будущее, а необходимость быть готовым к чему угодно.**

Итак, польза истории-в-примерах была прежде всего прагматической, что выходило на первый план в политическом дискурсе XVI-XVII вв. Образование в шведском университете XVII в. основывалось по большей части на примерах, заимствованных у античных авторов. Готовя чиновников, профессора Упсалы сами не писали историю, лишь использовали её. И историю-в-примерах находим не у них, а в труде более чем вековой давности, в шведской хронике Олауса Петри. Тот чувствовал себя своим среди немецких гуманистов эпохи Реформации – Меланхтона и других – и легко ориентировался в античном историописании. Может быть, он читал и Полибия в латинском переводе. Об этом свидетельствует его критика «готской» гипотезы шведского этногенеза, как и его энергичные призывы к поискам при историописании причин и следствий поступков. Однако уроки О. Петри были этического и религиозного, а не политического характера. То, что он связывал непредвзятость историка с определённым теологическим аспектом, показывает, что объективность нечасто руководила новатором. Как правило, она комбинировалась с теологическим резонансом, что, однако, не воспринималось как предвзятость. Именно

эта конфессионально-критическая перспектива придавала его текстам остроту, более эффективную, чем внешняя отстранённость⁹.

Сведения, которое О. Петри передавал читателю, часто являлись практически или прагматически ориентированными, но такой познавательный комплекс строился на основе всеобщих обстоятельств жизни, а также на уверенности во всемогуществе Бога. Многое зависит от монархов: хороший – благодать для страны, плохой – её наказание. Но плохие короли получают возмездие на земле. Пример – Анунд, который неумным правлением утратил Сконе, а когда хотел вернуть – погиб. И потом его стали звать Анунд Гадкий (*Anund Slemme*) – и из этого ясно видно, как свободные подданные говорят о наследии своих господ после их смерти. Все акценты расставлены: Олаус никогда не был двусмысленным автором или надмирным резонёром.

Всё, по его мнению, говорит о конечной цели жизни – человеческом Спасении. Это понимание он называет «знанием спасения» (или «блаженства» - *salighetens kunskap*)¹⁰. И чтобы никто из его читателей не забывал эту благую весть, он излагает в одном из своих введений личное кредо, где подчёркивает, что берётся за историческое наследие как провозвестник слов господних: «Все, кто будут читать или слушать эту хронику, желаю я, Олаус Петри, проповедник в Стокгольме, спасительного познания»¹¹. В этой конечной цели виделась ему истинная цель истории, которую, впрочем, не следует отождествлять с исторической истиной.

Учение об истине. Исторические исследования и в раннее Новое время встречались с известными методическими осложнениями. Прежде всего они связывались с поисками истины – требование её достижения (или постижения) уже в ту эпоху обрело актуальность. Обычно все историки гласно или негласно утверждают, что сообщают истину. Но мотивы к этому целеположению меняются. Ныне большинство историков уверено в самоценности исторической истины. Она сама по себе может служить политическим, идеологическим (или, уже, критическим) целям, но в основе – это стремление обогатить общество верными представлениями о прошлом. В исследовательской риторике иногда слышно, что наука служит сама себе. Напротив, в прагматических исторических шту-

⁹Ferm O. *Religiös reformator och historiker // Svenska historiker: från medeltid till våra dagar*. Stockholm: Norstedts, 2009. S. 85. Далее: Ferm, 2009.

¹⁰Westin G. *Olavus Petri // Svenskt biografiskt leksikon*. Bd. 28. Stockholm: Riksarkivet, 1992-1994. S. 151

¹¹Цит. по: Ferm, 2009. S. 84.

дях мотивация потребности в истине была иной: правда должна непосредственно применяться в поисках морального идеала или в политической деятельности. Если бы сведения о деяниях и событиях прошлого не были адекватными, то опыты, о которых они сообщали, нельзя было бы использовать. История как *magistra* утратила бы весь свой авторитет.

Итак, историописание обязано быть правдивым. Оно должно доносить до читателя события и явления в том виде и содержании, как они имели место на самом деле – это касается как действий, так и обстоятельств, в условиях, когда они происходили, а не расплываться в драматизированных сценах и приукрашенных оценках. История – не поэзия, основанная на баснях, её пишут не для читательского удовольствия. История не должна судить о об оправданности действий своих героев, но исследовать сами события, сказал Фукидид, провозвестив современное требование объективности, а Тацит известен своим призывом писать *sine ira et studio*. В Ренессансе подобные требования актуализировались. Практическая же заинтересованность в истине могла также мотивировать более критический подход к источникам. Французский политик и философ Жан Бодэн писал ещё в 1566 году, что в истории лучше опираться на документ и памятник, чем на чьи-то сообщения, а в источниках следует предпочитать деловую сторону, игнорируя славословия королям.

Но история-в-примерах немислима без оценочных суждений, поскольку она должна указывать на морально и политически полезные примеры. Основой метода была дихотомия – что мудро, а что глупо, этически верно или порочно. Желанная комбинация объективности и полезности была бы реальна, если придерживаться лишь описаний примеров, иллюстрирующих тактику и стратегию, политический и военный ум и порядочность. То есть всё то, что мы называем целесообразными категориями. Это было нелегко, когда примеры использовались, чтобы выставить остро ценностные категории, как честь или позор. Тут оценки рисковали стать доминантой, отчего страдало исследование причин и следствий.

Требование истины, лежавшее в основе истории-в-примерах, осложнялось также тем, что в её педагогической цели был заложен риторический момент, противоречащий делу. Поучающий эффект исторического сообщения был бы большим при его риторическом заострении, впечатляющем читателя. Иоханнес Магнус подчинился требованиям ретирики. У него связанная история держалась на цепи королей, а не детально описанных примерах, на которых можно основываться в современности. Там, где источники умолкали, дозволялось дополнять их действиями или

событиями, которые могли быть вероятными или приемлемыми. Риторика в его сочинении служила скорее монументалистскому, чем прагматическому интересу к истории¹².

Теория исследований обсуждалась не авторами историй, а университетскими профессорами. В их диспутах выявлялась странная амбивалентность. История являлась престижным понятием в учёном мире, но была она гораздо шире, включая в себя не только судьбы людей и царств былого, но и знание природы. В античности слово «история» часто означало то же, что эмпирические знания, а учёные Ренессанса актуализировали это значение. Эмпирические знания включали в себя и человеческий, и природный миры.

Понятие истории в эпоху позднего Ренессанса стало соответствовать естественным наукам; этому явно содействовал тогдашний расцвет опытных исследований, что стало частью естественно-научной революции XVII в. **Которая, возможно, стимулировала те исторические исследования, что стали доминирующими в конце века, а именно антикварские.** Уже при Густаве II Адольфе общество охватила страсть собирательства. Разыскивались все старые деяния и рукописи, могущие служить к прославлению отечества. Собирали или выявляли всё: своды законов, цеховые уставы, гильдийные статуты, стихи, письма, монеты и рунические памятники. Это была пора эмпирических исследований, направленных на анализ и публикацию письменных источников и иных артефактов любой старины.

Антикварское исследование в предзакатную пору шведского великодержавия являлось престижным занятием. В 1662 г. в Упсале была учреждена антикварная кафедра, через 4 года преобразованная в отдельный университетский институт (*Antirvitetskollegiet*). Антикварские исследования пользовались большей заботой, чем историописание. Памятники прошлого давали лучшее представление о величии отечества, чем повествования, созданные на основе античных и более поздних произведений. Эти исследования привлекали к себе лучшие силы и оригинальные таланты: Иоханнеса Буреуса, Олофа Верелиуса, Улофа Рюдбека и других. Фундаментальная ретроутопия *Atlantica* У. Рюдбека, первая часть которой вышла в 1679 г., не являлась последовательно изложенным историческим сочинением, но представляла собой междисциплинарную эмпирическую панораму экскурсов в подтверждение древности и величия Швеции, бывшей обители гиперборейцев – по античным

¹²Tjällén, 2009. S. 60.

источникам. Риксантикварий и крупнейший скальд Георг Шернфельм привёл дополнительный аргумент в пользу величия родины, утверждая, что шведский язык напрямую идёт от праязыка Адама и оттого более близок к изначальным культурным достояниям человечества, чем даже древнееврейский¹³.

Читать и писать историю. Связь между аристотелевским постижением/пониманием истории и исследованием в духе истории-в-примерах очевидна. Ей была присуща свобода передвижения по сцене истории в поисках иллюстраций к этическим и политическим генерализациям. Поэтому в XVII в. не было никакой нужды писать *новую* историю для прагматического использования. Вместо этого учёные составляли комментарии к классикам, включая Тацита. А на университетских лекциях, касавшихся истории, говорилось о том, как её *читать*, не меньше, чем о том, как её *писать*. Такое соотношение активных и более пассивных занятий историей конкретно показывает, что исторические исследования ещё не стали действительностью, отделившись от педагогического использования результатов таких штудий.

У истории-в-примерах имелось явное общественно-научное значение – хотя бы в поисках исторических закономерностей, причём отнюдь не всегда тщетных. Но эта черта затрудняла объединение её с практикой национального историописания. В последней главным делом был строго последовательный рассказ о судьбах королей и народа. Полезные уроки можно было подбирать по дороге, но этот поиск не должен был подавлять диахроническое повествование, отчего и работа с примерами не могла обрести нужную степень систематичности. Сохраняло свою значимость расхождение между хронологическим изложением исследовательского и иного материала и поиском исторических примеров, между диахронической национальной историей и философски ориентированной историей-в-примерах.

Эта пропасть отчасти объясняет, почему изучение шведской истории с таким трудом внедрялось в университетские программы. Как упоминалось, «Историю» Иоханнеса Магнуса перевели в нач. 1620-х гг. на шведский, но в учебный курс она не вошла. И хотя Густав Адольф призывал профессуру к утверждению всего шведского, а университетские уставы («конституции») рекомендовали шведскую историю к обязательному изучению, но упсальские профессора продолжали читать лекции

¹³Stiernhielm G. Gambla swea- och götha-måles fatebur. Stockholm, 1646. Passim.

об античных авторах историй и рекомендовать диссертационные темы (исторические, политические, этические и иные) по ним же. И дело было не в отсутствии у академиков патриотизма – просто их познания в политике, морали и прочих гуманитарных дисциплинах и науках базировались на античных текстах. Шведская же история, способная воспитать любовь к родине и страсть к подвигам, не могла предложить методически разработанных примеров тактики, стратегии и политической мудрости в сложнейших ситуациях.

Итак, в целом в эпоху великодержавия контакта между исторической теорией и историописанием практически не существовало. История-в-примерах прочно связывалась с античностью и не вписывалась в круг национальных исторических проблем. Глубинной причиной этого расхождения являлось противоречие между ориентацией ренессансного гуманизма на транснациональное наследие античности и стремлением государства раннего Нового времени создать собственную, национальную репрезентативную культуру.

XVIII век. Падение великодержавия в сер. XVIII в. изменило шведскую самоидентификацию и самооценку. До того историописание откровенно служило державным амбициям, а теперь перспектива сузилась. Не стало причины искать корни в прошлом, по возможности наиболее глубоко или вводить Швецию в круг библейских историй и описывать её, пользуясь античными трудами. Фантазии о далёком прошлом утратили свою привлекательность. Удар настиг и тех, кто, исполняя заказ эпохи великодержавия собирал, описывал и истолковывал артефакты, способные осветить великое прошлое державы. В наступившую эру свобод распространилось даже такое явление, как презрительно-пренебрежительное отношение к материальным артефактам любой старины и даже к антикварным памятникам. Взамен обострилось внимание к современности. Как оказалось, оптимизация экономических отраслей державы была результативнее и реализовывалась легче, чем территориальная экспансия; прагматический утилитаризм опустил до нижней точки все гиперборейские мифы и установку на репрезентативные жесты, необходимые великой протестантской державе и подпитывавшиеся ею¹⁴.

Эта смена декораций не стала неожиданностью – как не была она и полной. Интерес в милитаристской внешней политике не исчез, а в некоторых кругах выжила готская традиция, хотя и в форме сокровенного подводного течения. Не оборвалась и традиция восхищения геройскими

¹⁴Lindberg, 2012. S. 26.

подвигами, в том числе и трагически завершившимися: сочинения Йорана Нурдберга и Вольтера об истории Карла XII пользовались огромным спросом. Но под этими внешне неизменными симпатиями ширилось предпочтительное отношение к политике более скромных запросов и манер, прагматичной и трезвомыслящей, а также удовлетворяющей требованиям широких кругов сограждан, многие из которых не испытывали ностальгии по традиционным установкам.

История наций. Между тем историописание по-прежнему оставалось важным сочинительским жанром, оно даже пользовалось выгодами нового идейного климата, установившегося под влиянием современных вкусов и тенденций в Европе. Исторические труды Вольтера стали общеизвестными, за чем последовал вывод: занятие историей предполагает интерес авторов отнюдь не только к политическим и военным событиям. Проводником новых импульсов служила Дания; образцом стал Людвиг Хольберг¹⁵. Новое историописание заглушило претензии на всемирно-историческое значение деяний предков и на глазах редуцировало шведскую древнейшую историю. Готский шовинизм явно поблёк, отчего и историописание в целом утратило многое (хоть и не всё) от своего национализма.

Напротив, в более глубоком понимании оно оставалось национальным в том, что оно – с одним примечательным исключением – использовало шведский язык, а не латынь, при этом обращаясь не к Европе, а к соотечественникам. Уже имелась собственная образованная публика, достаточно многочисленная для того, чтобы авторы-историки могли быть обеспечены рынком сбыта, не слишком большим, но для которого вполне можно было писать по-шведски. Общественность стала менее репрезентативной, то есть демонстрирующей свою власть и благородное происхождение, как это было при великодержавии. Она обрела гражданский характер, что давало место появлению общественного мнения и обмена точками зрения – а последний едва ли был возможен без обладания историческими знаниями. Тематика исследований пока концентрировалась на королях, но ещё более на государстве. И Улоф Далин, и Свен Лагербринг назвали свои труды *Svea rikets historia*, а последний стал употреблять в исторических текстах местоимение «мы», совсем как некогда Олаус Петри. Об ещё одном шаге по направлению к истории народа сигнализировал титул труда Андерса аф Ботина *Udkast till svenska folkets his-*

¹⁵О Людвиге Хольберге как историке см. в: Возгрин, 2019. С. 90-96 и др.

toria (1757) – в котором само словосочетание «шведский народ» являлось для национального языка не совсем привычным.

Ещё одной стороной конкретизации национальной истории и укрепления её фундамента стала практика публикации множества источников – на протяжении всего XVIII в. В эпоху великодержавия публиковались исландские тексты – чтобы поддержать нордической историей готскую гипотезу. Теперь к ним добавились собрания источников по истории Средневековья и наступившего Нового времени. Они публиковались бессистемно, чаще сериями, носившими самые разнообразные наименования: «архив», «библиотека», «цветы», «кладовая» и т.д. Вкупе они были труднообозримы и оттого малодоступны для нового читателя. В то же время, но они стали материальным телом, плотью шведской истории и перспективной предпосылкой для написания более научной истории. Самым известным (и до сих пор используемым) изданием такого рода стал трёхтомник А. А. Шернмана, содержавший «все решения риксдага, сословных собраний, а также документы контор по наследованию, акты правительства и т.д.»¹⁶.

Таким образом, национальная история на глазах становилась более глубокой и конкретной. Одновременно всё чётче определялась граница между шведской и Всеобщей историей. Сам этот термин, «Всеобщая история», едва ли не впервые был сформулирован в титуле учебника Ю.Х. Эберхардта «Проспект ко всеобщей истории старого и нового времени»¹⁷, вслед за чем он и был принят в качестве учебного пособия – прежде всего в системе высшего образования. И этому признанию не помешала полемичность книги, где автор показывал на конкретных акциях и иных примерах, как сложилось шведское дворянство и процесс урзупации им неправомерных привилегий.

Просвещение и прагматическая история. В XVIII в. история-в-примерах ещё существовала, хоть и приобрета иной оттенок. «История – это философия, которая учит с помощью примеров, как вести себя в любых обстоятельствах частной и общественной жизни»¹⁸ – подобные

¹⁶Anders Anton von Stiernman. Alla riksdagars och mötens beslut samt arfföreningar, regements-former, försäkringar och bewillningar... . Bd. I-III. Stockholm: Werner (tryk), 1728-1731.

¹⁷Eberhardt J.H. Utkast till allmänna historien i äldre och nyare tider. Bd. I-IV. Stockholm: P. Hesselberg, 1766-1781.

¹⁸Болингброк Г.С. Письма об изучении и пользе истории. М.: Наука, 1978. С. 25.

высказывания можно обнаружить у Улофа фон Далина, Свена Лагербринга и других шведских историков той эпохи. Тогда же появился термин «прагматическая история», обозначивший поучающую историю в примерах. Термин стал общепринятым, обозначая различные варианты предполагаемо полезного историописания.

Некогда Якоб Вильде (1679-1755) назвал свою латинскую работу о развитии шведского основного закона *Historia pragmatica*, подчеркивая этим, что она реалистична и направлена на описание государственных отношений какими они были, а не такими, какими должны бы стать. История О. Далина называлась прагматической оттого, что в ней были разбросаны ассоциации политического и этического характера, а действия прослеживались от их причинных корней. Третий, более спорный смысл термина – в ситуации, когда история превращается в аргумент при политических дебатах¹⁹.

Радикальный вариант прагматической истории вышеупомянутого Ю.Х. Эберхардта был чуть позже снова связан с претензией на обладание исторической истиной Андешом Нурденкрантцом (1697-1772), историком и радикальным политиком из партии колпаков. Он придал историческому знанию о причинах подъёма и упадка государства ключевую роль в логичной критике предрассудков и ошибочных представлений, которые затемняют актуальную политику. Истина, найденная историей, должна запустить правильный политический и экономический процессы, полагал А. Нурденкрантц, чей просвещенческий пафос не признавал рамок приличия и ограничений в публицистических дебатах. Основная доля этих идей вошла в его сочинение о величии и упадке готского государства в Испании²⁰.

Свен Лагербринг также стал известен благодаря своей идее обучения на исторических примерах. И он подчёркивал значение исторической истины: история функционирует, давая неприкрашенную картину прошлого, но польза, достигаемая при этом – скорее морального, чем политического характера: правдивые примеры учат молодёжь разбираться в добродетели и пороке – вот в чём её главный результат. Таким образом, представление С. Лагербринга об истории изобилует комментариями о морально неверном и политически разумном в действиях исторических

¹⁹Wilde J. Första Delen eller Förberedelsen... Stockholm: Historiographi Regni Tryckeri, 1738. S. II.

²⁰Nordencrantz A. En kort historisk beskrifning om the rätta orsakerne til götiska rikets undergång i Spanien... Stockholm: Kgl. tryckeriet, 1743

лиц. Между тем, в его комментариях звучат повторяющиеся точки зрения, демонстрирующие прагматику истории. С. Лагербринг был монархистом и не доверял аристократам, всякую попытку возвыситься вопреки верховенству закона. Он полагал, что аристократ Магнус Ладулос (1240-1290), который стал, в целом, способным королём, ввёл порочный обычай силового смещения монархов тем, что отнял власть у своего брата Вальдемара²¹.

Второй постоянный объект нападок С. Лагербринга – католицизм. Власть прелатов, богатство монастырей, гарантированное папой, были постоянным источником зла в средневековой Швеции. Эту критику С. Лагербринг разделял с другими шведскими историками, антикатолицизм вообще являлся частью шведского самосознания²². Странно лишь, что он был более выражен в XVIII в., чем в XVII в., когда шла война с католиками. Дело, видимо, в Просвещении с его критикой прошлого в целом: суеверия, невежества, низкого образования. Во всём этом обвинялась папская церковь: когда с презрением, а когда с иронией. Познания, которые принесло прагматическое историописание, стало в XVIII в. строительным материалом для осторожно просвещённого отражения шведской действительности.

Таким образом, прагматическая история могла представлять в самых разных направлениях и темах исследования. А если взять варианты XVI и XVII вв., то картина станет ещё пестрее. У Олауса Петри история должна учить людей тому, что счастье переменчиво, что дьявол ведёт свою игру, но Господь всё же побеждает. В XVII в. профессора-гуманисты находили прагматическую цель в том, чтобы учить политическому искусству на хорошо выписанных примерах истории. Здесь подразумевалось, что познания должны найти немедленное применение в административной, военной или политической областях. Радикальные критики дворянства эры свобод стремились использовать историю для доказательства неправомочности и неестественности аристократических привилегий, но были обусловлены ходом исторических обстоятельств; для них в прагматической истории стояла политически-идеологическая цель.

Проходным мотивом в прагматическом историописании было требование правдивости исторического отражения и отсутствия в нём басен-

²¹Walette Anna. National histories: Sven Lagerbring and his channels of communication // *Negotiating pasts in the Nordic countries: interdisciplinary studies in history and memory*. Stockholm: Nordic Academic Press, 2910. P. 99-120.

²²Lindberg, 2012. S. 33.

ных, украшательских или прямо подстрекательских мотивов, так как лишь истина может принести пользу человечеству.

С. Лагербринг умер в 1787 г., но с ним в шведском историописании не кончилась эпоха раннего Нового времени. Более уместное её завершение – риксисториограф Юнас Халленберг (1748-1834). Огромный четырёхтомник о правлении Густава Адольфа он довёл лишь до 1626 г., утонув в море источников. Он совершенно не критиковал католицизм, как С. Лагербринг – в период раннего великодержавия эта тема утратила актуальность. В его научно-исследовательской программе не нашлось былого места и античности. Древние авторы не годились в качестве истинных свидетелей истории не только Севера, но и всего окружавшего их мира. Они смешивали истину с мифами, суевериями, сказками и были преданы слепой глорификации родины. А для прагматической истории требовалась строгая независимость от политики (*ув. opartiskhet*, букв. беспартийность), что для древних было недостижимо. Биографы Ю. Халленберга часто цитируют его декларацию: настоящий историк должен быть «вне отечества, вне религии, вне сословия»²³.

Поздний XVIII в. характерен ростом внимания к методическим вопросам и более скромными надеждами на достижение исторической истины. Просвещённая критика эпохи не щадила историю как таковую. В университете снова и снова защищались диссертации о том, что знание прошлого покоится на сагах и догадках, так что невозможно вычлнить оттуда истину. Один из таких трактатов был откровенно посвящён невозможности отыскать историческую истину (*De scepticismo historico*). Он был подготовлен в Або в 1798 г. под руководством профессора элоквенции Хенрика Габриэля Портана (1739-1804), ведущего гуманитария финской провинции.

Первый аргумент Х.Г. Портана был направлен против научного скептицизма. Последний прагматичен, но не научен: если исчезнет доверие к истории, то никакой пользы это не принесёт. Её отчётливые картины блестящих и позорных деяний просто утратят свою ценность. Никто не сможет основывать свои мысли на исторических примерах, и мы не сможем научиться ничему из исторического опыта, даже не узнаем, как державы возникают, развиваются и приходят в упадок. Этот аргумент доказывает, что прагматическая мотивация исторических исследований была всё ещё жива. Это следует и из того, что чтение истории, как и в XVII в., продол-

²³Lindberg, 2012. S. 35.

жала считаться столь же важным, как и искусство писать её. Ещё одной темой в его размышлениях стала теория вероятности.

Х.Г. Портан искал критерии, по которым историческое знание может стать достойным доверия, и его выводы более, чем достойны историка XVIII в. Истину можно отыскать, писал он, лишь запрос следует уточнить. Точность, достоверность (*certitudo*) истории, несравнима с метафизической или математической, которые основываются однозначно на разуме. Историческая достоверность – низшего порядка, она лишь вероятна, лишь возможна (*probabilitas*). Вероятность же относится к сущностям, недоказуемым бесспорными аргументами, но которые обладают рядом признаков того, что они скорее истинны, чем фальшивы.

Вероятность бывает двух видов. С одной стороны, она – внутренняя, и касается поступков или вообще всего случившегося. При нашем знании обстоятельств, присущих эпохе, её обычаев, привычек и институций – приемлемо ли предположение, что всё шло так, как будто это подтверждалось источниками? Такого рода вероятность Х.Г. Портан называл философской, ведь она основана на том, что событие было возможно²⁴.

С другой стороны – степень объективности автора: мог ли он знать всё, о чём пишет и хотел ли он сказать правду? Такая вероятность называется также исторической, и она подкрепляется очевидцем, синхронным источником и критически воспринятой молвой. В сравнении с Ю. Халленбергом, который игнорировал античные источники, Х.Г. Портан проявил большее понимание: древние авторы не обладали современными техническими возможностями, ещё не существовало аппарата ссылок на источники (Библия – исключение, долго не находившее подражания). Но, с другой стороны, до начала книгопечатания не было цензуры, с которой приходилось бы считаться. Пусть тот же Ливий был неправ во многом (и он сам признавался в этом), и всё же его нельзя упрекнуть в двоедушии, и уже поэтому он достоин внимания.

Само собой, историк должен быть критичен, это Х.Г. Портан подчеркивал. Нельзя делать поспешные заключения, надо всегда практиковать «трезвое сомнение». И всё же ситуация явно перспективна. Вероятностное знание прошлого доступно – как и применение его опыта. Х.Г. Портан не видит никакого научного препятствия отрицать прагматическую пользу истории, как нет у него теоретических доводов, ведущих к историческому скепсису. Его сочинение целиком укладывается в русло тра-

²⁴Tarkiainen K. Henrik Gabriel Porthan // Svenskt biografiskt lexikon. Bd. 29. Stockholm: Riksarkivet, 1995-1997. S. 415.

диции исторического прагматизма, и оно фактически формулирует этот принцип более отчётливо и ясно, чем какой-либо из текстов, рассмотренных выше. Формулировка его имела место сразу после упадка прагматического историописания.

Вскоре крупнейший датско-немецкий историк Б.Г. Нибур вычеркнет Ливия из числа исторических источников (1811), что положит конец слепому доверию к античным авторам – и станет началом их критики. А его великий ученик и последователь, Леопольд фон Ранке, сформулирует свой, ныне общеизвестный принцип объективизма, интересный и как логичное увенчание стремлению прагматиков XVIII века фокусироваться на событиях и отказываться от украшательской аранжировки действительности. Но что именно, согласно Л. Ранке, должно отвергаться – это как раз та политическая и моральная полезность, на смысле которой строили свои доводы прагматики.

В 1811 г. в Швеции был на официальном уровне оформлен Гётский (или Готский – на латыни это звучит одинаково) союз интеллектуалов начала эпохи исторического Романтизма²⁵ - по сути, объединение не научное, а культурно-политическое. Но существеннее было начавшееся в эти годы обновление, открывшее для истории новую широкую перспективу. Его представлял прежде всего Эрик Густав Гейер, с которым и связывают начало отечественной исторической науки современные шведские историки²⁶. Но анализ процесса её становления, как и научной деятельности Э.Г. Гейера, выходит за рамки этой статьи.

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев С.С. Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья // *Античность и Византия.* М.: Наука, 1975. С. 266-285.

Барышников В.Н., Возгрин В.Е. У истоков современной российской «нордистики»: профессор А. С. Кан и история стран Северной Европы // *Клио.* 2015. № 10 (106). С. 227–231.

Боллингброк Г.С. Письма об изучении и пользе истории. М.: Наука, 1978. -359 с.

²⁵Не следует путать его с несколько ранее возникшим европейским литературным романтизмом, тесно связанным с германским движением «Бурия и натиск» и сентиментализмом.

²⁶Lindberg, 2012. S. 38.

Возгрин В.Е. Летописцы и историки Дании: эволюция национальной историографии от Средневековья до современности. СПб.: Изд. КРИГА, 2019. – 816 с.

Возгрин В.Е. История Швеции в новейших исследованиях ученых Санкт-Петербургского государственного университета // Актуальные проблемы истории и историографии стран Западной Европы и Америки в Новое и новейшее время. Памяти наших учителей — создателей ленинградской–петербургской школы историков: материалы научной конференции. Отв. ред. Н. П. Евдокимова. 2012. С. 55– 65.

Возгрин В.Е. Балтийский мир — результаты и перспективы научных исследований // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2013. № 14. С. 236–257.

Eberhardt J.H. Utkast till allmänna historien i äldre och nyare tider. Bd. I-IV. Stockholm: P. Hesselberg, 1766-1781.

Ferm O. Religjös reformator och historiker // Svenska historiker: från medeltid till våra dagar. Stockholm: Norstedts, 2009. S. 82- 89.

Johannesson K. Gotisk renässans. Johannes och Olaus Magnus som politiker och historiker. Stockholm: Almqvist & Wiksell international, 1982. -334 s.

Johannesson K. Från Sverige erövrades verden // Svenska historiker: från medeltid till våra dagar. Stockholm: Norstedts, 2009. S. 62-72.

Lindberg B. Åra och nytta // *Historieskrivningen i Sverige / red. G. Artéus och K. Åmark.* Lund: Studentlitteratur AB, 2012. S. 9-40.

Nordencrantz A. En kort historisk beskrifning om the rätta orsakerne til götiska rikets undergång i Spanien... Stockholm: Kgl. tryckeriet, 1743. -208 s.

Stiernhielm G. Gambla swea- och götha-måles fatebur. Stockholm, 1646. -52 s.

Stiernman Anders Anton von. Alla riksdagars och mötens beslut samt arfföreningar, regements-former, försäkringar och bewillningar... . Bd. I-III. Stockholm: Werner (tryk), 1728-1731. -1350 s.

Svenska historiker: från medeltid till våra dagar / redaktörer: Ragnar Björk och Alf W. Johansson. Stockholm: Norstedts, 2009 - 681 s.

Tjällén B. Ericus Olai // Svenska historiker: från medeltid till våra dagar. Stockholm: Norstedts, 2009. S. 55-61

Wallete Anna. *National histories: Sven Lagerbring and his channels of communication // Negotiating pasts in the Nordic countries: interdisciplinary studies in history and memory.* Stockholm: Nordic Academic Press, 2010. P. 99-120.

Westin G. Olavus Petri // Svenskt biografiskt leksikon. Bd. 28. Stockholm: Riksarkivet, 1992-1994. S. 151

Wilde J. Första Delen eller Förberedelsen...// Fordom Sweriges historiographi friherrens Samuelis von Puffendorff Inledning til swenska statens historie med

wederbörilige tilökningar, bewis och anmerkningar försedd af Jacob Wilde. ... Bd.1. Stockholm: Historiographi Regni Tryckeri, 1738. -380 s.

REFERENCES

Averincev S.S. Porjadok kosmosa i porjadok istorii v mirovozzrenii rannego srednevekov'ja [The order of space and the order of history in the worldview of the early Middle Ages], in *Antichnost' i Vizantija [Antiquity and Byzantium]*. Moscow: Nauka Publ., 1975. P. 266-285. (In Russian)

Baryshnikov V.N., Vozgrin V.E. U istokov sovremennoj rossijskoj «nordistiki»: professor A. S. Kan i istorija stran Severnoj Evropy [At the origins of modern Russian «Nordics»: Professor A. S. Kahn and the history of the Nordic countries], in *Klio*. 2015. № 10 (106). P. 227–231. (In Russian)

Bolingbrok G.S. *Pis'ma ob izuchenii i pol'ze istorii [Letters on the Study and Benefits of History]*. Moscow: Nauka Publ., 1978. -359 p. (In Russian)

Eberhardt J.H. *Utkast till allmänna historien i äldre och nyare tider*. Bd. I-IV. Stockholm: P. Hesselberg, 1766-1781.

Ferm O. Religiös reformator och historiker, in *Svenska historiker: från medeltid till våra dagar*. Stockholm: Norstedts, 2009. S. 82- 89.

Johannesson K. *Gotisk renässans. Johannes och Olaus Magnus som politiker och historiker*. Stockholm: Almqvist & Wiksell international, 1982. -334 s.

Johannesson K. Från Sverige erövrades verden, in *Svenska historiker: från medeltid till våra dagar*. Stockholm: Norstedts, 2009. S. 62-72.

Lindberg B. Ära och nytta, in *Historieskrivningen i Sverige / red. G. Artéus och K. Åmark*. Lund: Studentlitteratur AB, 2012. S. 9-40.

Nordencrantz A. *En kort historisk beskrifning om the rätta orsakerne til götiska rikets undergång i Spanien...* Stockholm: Kgl. tryckeriet, 1743. -208 s.

Stiernhielm G. *Gambla swea- och götha-måles fatebur*. Stockholm, 1646. -52 s.

Stiernman A. A. von. *Alla riksdagars och mötens beslut samt arfföreningar, regements-former, försäkningar och bewillningar...* . Bd. I-III. Stockholm: Werner (tryk), 1728-1731. -1350 s.

Svenska historiker: från medeltid till våra dagar / redaktörer: Ragnar Björk och Alf W. Johansson. Stockholm: Norstedts, 2009 - 681 s.

Tjällén B. Ericus Olai // *Svenska historiker: från medeltid till våra dagar*. Stockholm: Norstedts, 2009. S. 55-61

Vozgrin V.E. *Letopiscy i istoriki Danii: jevoljucija nacional'noj istoriografii ot Srednevekov'ja do sovremennosti [Chronicles and historians of Denmark: the evolution*

of national historiography from the Middle Ages to the present]. Saint-Petersburg: Izd. KRIGA Publ., 2019. – 816 p. (In Russian)

Vozgrin V.E. Istorija Shvecii v novejsih issledovanijah uchenyh Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta [The history of Sweden in the latest research by scientists of St. Petersburg State University], in *Aktual'nye problemy istorii i istoriografii stran Zapadnoj Evropy i Ameriki v Novoe i novejshee vremja* [Actual problems of history and historiography of the countries of Western Europe and America in modern and contemporary times]. Pamjati nashih uchitelej — sozdatelej leningradskoj–peterburgskoj shkoly istorikov: materialy nauchnoj konferencii. Edited by N. P. Evdokimova. 2012. P. 55– 65. (In Russian)

Vozgrin V.E. Baltijskij mir — rezul'taty i perspektivy nauchnyh issledovanij [Baltic World — results and prospects of researches], in *Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy* [Saint-Petersbourg and the Nordic countries]. 2013. № 14. P. 236–257. (in Russian)

Walette Anna. National histories: Sven Lagerbring and his channels of communication, in *Negotiating pasts in the Nordic countries: interdisciplinary studies in history and memory*. Stockholm: Nordic Academic Press, 2010. P. 99-120.

Westin G. Olavus Petri, in *Svenskt biografiskt lexikon*. Bd. 28. Stockholm: Riksarkivet, 1992-1994. S. 151

Wilde J. Första Delen eller Förberedelsen..., in *Fordom Sweriges historiographi friherrens Samuelis von Puffendorff Inledning til swenska statens historie med wederbörlige tilökningar, bewis och anmerkningar försedd af Jacob Wilde*. ... Bd.1. Stockholm: Historiographi Regni Tryckeri, 1738. -380 s.

РЕЦЕНЗИИ

Ли, Инин. Китайская народная республика, Пекин.

E-mail: lynkaqiusha@gmail.com

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ БИТВЫ ПОД ПОЛТАВОЙ (ПО ПОВОДУ МОНОГРАФИИ П. А. КРОТОВА)

Монографическое исследование Полтавской битвы (1709) профессора СПбГУ П.А. Кротова основано в значительной мере на вновь выявленных материалах из архивов Санкт-Петербурга и Москвы. Автор на основании изучения ведомостей о численности личного состава регулярных полков русской армии показал, что в день битвы у россиян было 57 200 чел., в том числе пехоты 32 600 бойцов, конницы 24 250 чел. и артиллеристов более 300 чел.; также имелось до 23 000 казаков, калмыков и валахов. П.А. Кротов выявил сведения, что в русской армии в ходе битвы имелось 310 артиллерийских орудий. Ранее считалось, что артиллерийских орудий было только 102. Выявлено, что россияне возвели больше фортификационных сооружений. В исторической литературе не сообщалось, что южнее земляного лагеря русской армии были сооружены несколько укреплений, в которых были размещены десять батальонов пехоты. Автор также показал, что в официальной русской реляции о битве приведены только предварительные данные о потерях россиян погибшими (1344 чел.). На самом деле с учётом выявленных сведений о скончавшихся от ран и пропавших без вести число погибших возрастает до не менее чем 1572.

Ключевые слова: Полтавская битва (1709), Пётр Великий, Карл XII, монография П.А. Кротова.

Li, Yining. People's Republic of China, Beijing city.
E-mail: lynkaqiusha@gmail.com

NEW STUDY OF THE BATTLE UNDER POLTAVA (ON THE MONOGRAPHY OF P. A. KROTOV)

The monographic research of the Poltava battle (1709) of professor of St. Petersburg State University P.A. Krotov is based considerably on again revealed materials from archives of St. Petersburg and Moscow. The author on the basis of studying of sheets about the number of staff of regular regiments of the Russian army showed that in day of fight Russians had 57,200 people, including infantry of 32,600 fighters, a cavalry 24,250 people and gunners more than 300 people; also there were about 23,000 Cossacks, Kalmyks and Valakhs. P.A. Krotov revealed data that in the Russian army during fight there were 310 artillery pieces. Earlier was considered that artillery pieces there were only 102. It is revealed that Russians built more fortification constructions. In historical literature it was not reported that to the south of the earth camp of the Russian army several strengthenings in which ten battalions of infantry were placed were built. The author also showed that only preliminary data on losses of Russians by the dead (1344 people) are provided in an official Russian report about battle. Actually taking into account the revealed data about died from wounds and missing persons the death toll increases to not less than 1572.

Keywords: Poltava battle (1709), Peter the Great, Charles XII, monography of P.A. Krotov.

Полтавская битва 1709 г. – баталия главных сил русской армии под командованием царя Петра I и полевой армии шведского короля Карла XII – стала поворотным событием в ходе Великой Северной войны

(1700–1721), привела к очевидному изменению соотношения сил в системе международных отношений Европы.

В последние десятилетия произошло бросающееся в глаза «перепиывание» казавшейся уже хрестоматийной картины одной из великих битв европейской военной истории – баталии при Полтаве. Видный историк стран Северной Европы в Новое и новейшее время профессор В.Н. Барышников в рецензии на предыдущий труд по истории Полтавской битвы (2014) отметил : «... даже такая весьма изученная в научном плане тема может преподносить новые знания о самом значительном сражении Великой Северной войны, которую профессор П.А. Кротов справедливо ставит в один ряд с самыми значительными сражениями не только отечественной, но и западноевропейской истории Нового и новейшего времени»¹.

Первая публикация П.А. Кротова, автора рецензируемой монографии, связанная с темой битвы под Полтавой, появилась ещё в 1989 г. Это был перевод с французского языка на русский воспоминаний личного гвардейца (драбанта) шведского короля К. де Турвиля о русском походе Карла XII. К. де Турвиль достаточно подробно описал ход битвы под Полтавой, сообщил ряд важных подробностей. Как отметил автор книги, это сочинение ранее даже не упоминалось в европейской историографии². Получается, что П.А. Кротов, ныне профессор Института истории СПбГУ, изучал генеральную баталию Великой Северной войны, на протяжении более трёх десятилетий. Итогами его исследований стала публикация трёх различных монографий по истории знаменитой баталии³.

Как автору рецензируемой монографии удалось прийти к научной новизне, казалось, по столь уже основательно изученной теме, никогда не выходявшей из числа тех, которым уделялось большое внимание в исследованиях историков России, Швеции, Финляндии и других стран?

¹Барышников В.Н. Одно сражение и «долгий путь в Европу»: Полтавская баталия – новый взгляд российского учёного // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2015. Вып. 3. С. 94.

²Кротов П.А. Воспоминания Константена де Турвиля о походе Карла XII в Россию // Вопросы истории. 1989. № 3. С. 125–133.

³Кротов П. А. 1. Битва при Полтаве (К 300-летней годовщине). СПб., 2009. 416 с.; 2. Битва под Полтавой. Начало Великой России. СПб.: Фонд содействия реставрации памятников истории и культуры «Спас», 2014. 568 с.; 3. Полтавская битва. Переломное сражение русской истории. М.: Яуза-каталог: Якорь, 2018. 640 с.

Во-первых, автор поставил задачей в наибольшей степени расширить круг использованных в исследовании надёжных материалов делопроизводства из архивов Санкт-Петербурга и Москвы. Во-вторых, он изучал достаточно нетрадиционные источники: рукописные карты баталии, музейные образцы артиллерийских орудий, официальные рассказы офицеров петровской армии о своей службе («сказки»), гравюры и др. В-третьих, большой эффект дало сопоставление иностранных источников (дневники, воспоминания участников баталии, сообщения в европейских газетах и др.) и русских материалов. Этот исследовательский подход особенно плодотворен при изучении военных событий: война предполагает участие не менее чем двух сторон. В-четвёртых, оказалось, что ход баталии был в очень большой степени мифологизирован одним человеком – петербургским писателем П.Н. Крёкшиным (1692/1693–1764). Вторая глава книги именно поэтому и посвящена тому, как Крёкшин до предела мифологизировал действительный ход битвы, насытил его придуманными им удачными с литературной точки зрения псевдо-фактами и показу того, как они проникли и закрепились в историографической традиции.

Так, автор монографии показал, что именно Крёкшин выдумал «факт» о том, что в решающий момент баталии, когда шведская гвардия якобы прорвала первую линию русских войск, именно Пётр Первый возглавил контратаку, в ходе которой шведы были отброшены назад. Вымысел писателя о прорыве шведами первой линии русских войск не отражён в современных событию источниках и впервые появился в рукописи Крёкшина 1753 года. Автор монографии Кротов выявил и другие выдуманные Крёкшиным «события», которые в исторической литературе и поныне считаются действительно произошедшими во время битвы.

Положительно, что автор монографии посчитал нужным рассмотреть Полтавскую битву в первую очередь не как событие в ходе войны со Швецией, но в контексте всей государственной и военной деятельности Петра Великого. П.А. Кротов считает, что для русского монарха победа в решающей битве над армией Карла XII-го стала **важнейшей предпосылкой** того, чтобы по завершении войны со шведами он имел право принять от Сената титул императора. В силу сказанного в книге охарактеризована концепция правления, которую избрал для себя Пётр I. Она предусматривала превращение отсталой Московии в передовое государство, а самого творца реформ из царя в первого императора России. Именно амбиции молодого монарха, помноженные на его многочисленные при-

родные дарования, позволили ему найти способы преодолеть отсталость России при наличии сравнительно скудных финансовых возможностей.

Пётр Великий является единственным русским царём Нового времени, одержавшим победу в генеральной баталии, и также единственным из российских правителей, победившим в морской баталии в качестве командующего (Гангутское сражение, 1714 г.). Именно поэтому особенно интересен анализ автором монографии особенностей его полководческого искусства, его стратегии и тактики, сравнение его со шведским королём Карлом XII.

Среди других достижений автора, которые, как представляется, смогут оценить читатели, можно выделить следующие.

Во-первых, как ни удивительно, численность русской артиллерии в Полтавской битве, составляла не 102 орудий (прочно утвердившиеся с 1959 г. в мировой историографии данные), но 310! Разница более чем существенная – более чем в три раза. Этот вывод сделан на основании изучения документов Архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге. Таким образом, становится понятным, что потрясающий воображение итог генеральной баталии при Полтаве был получен не в последнюю очередь за счёт создания Петром I колоссального преимущества в числе использованных им артиллерийских орудий. Шведский король, согласно исследованию, взял в атаку только 4 пушки, ещё две стреляли возле Полтавской крепости, но порох и заряды были у шведов в наличии для 34 орудий (из 41 имевшихся вообще). Такое решение Карл XII, согласно автору, принял, из неких мистических иррациональных соображений, веры в божественную магию чисел: победа при Клишове в 1702 г. была одержана им при наличии тоже только 4 пушек. Также король переоценил возможный эффект удара шведов по россиянам с холодным оружием в руках, без поддержки артиллерии.

Во-вторых, изучение списков и ведомостей личного состава показало, что на день битвы (считая только строевой состав и включая гарнизон Полтавской крепости) под рукой у Петра Первого имелось не 42 тысячи человек. Эти обычные в литературе цифры, как выяснилось, восходят к труду историка П.П. Карцова (1851), который всего лишь предположил, что в русских пехотных полках в среднем было по 500 строевых чинов, в конных – по 800 бойцов. Согласно выявленным П.А. Кротовым спискам личного состава, обнаруженным в архивах, в русской армии имелось 57 200 чел. регулярных войск, в их числе 32 600 пехоты, 24 250 конни-

цы, свыше 300 в полевой артиллерии. Современные исследования дают основания считать, что при регулярном войске также было до 23 000 чел. нерегулярных войск: казаков, калмыков и валахов. В строю шведской армии насчитывалось 24 300 чел. С учётом раненых и больных 26 550 чел. Таким образом, царь сумел создать перевес в численности регулярных войск над шведами более чем в два раза.

В-третьих, оказалось, что количество сооружённых россиянами редутов было больше, чем десять. Несколько земляных укреплений, которые были заняты десятью батальонами русской пехоты, как выяснилось, были построены к югу от главного русского земляного лагеря-крепости. Этот ранее неизвестный факт говорит о том, что роль фортификационных сооружений в получении победы была выше, чем ранее полагали.

В-четвертых, потери русской армии всё же оказались больше, чем сообщалось в официальной реляции (1344 павших и 3290 раненых) – они составили по выявленным данным (тоже не полным) более 1572 только погибших. Это число включает сведения об умерших от ран и о пропавших без вести. На основании изученных документов можно считать, что с русской стороны в битве погибли и получили раны не менее 4700 воинов. Также нет никаких сведений о погибших и раненых в битве казаках, калмыках, валахах и татарах – эти сведения просто не собирались.

Мне показалось также, что П.А. Кротов вполне закономерно впервые в историографии поставил вопрос о том, что Пётр I **загодя задумал применить** к шведской армии в случае прорыва её за две линии редутов (наиболее очевидный вариант наступления) разлагавшее боевой дух искушение так называемым «золотым мостом» для бегства. Автор монографии убедительно показал, что русский монарх был знаком с этим правилом военного искусства, и внедрению этой иллюзии в сознание шведов, прорвавшихся за редуты, должна была способствовать конфигурация русских укреплений и расположение войск, оставлявшее один путь отступления открытым для шведов. Н.Р. Славнитский тоже считает, что автор «привёл убедительные аргументы в подтверждение этого предположения»⁴. Однако отмечу, что всё-таки автор монографии не сумел обнаружить ни единого прямого указания на то, что Пётр I когда-либо вспоминал, что этот приём обратить в бегство неприятелей был им применён.

⁴См.: Труды кафедры истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: изд-во РХГА, 2011. № 6. С. 153–154.

П.А. Кротов справедливо считает, что славная победа 1709 г. показала Европе, что Российское государство к тому времени создало военно-экономический потенциал, достаточный для того, чтобы играть роль великой державы континента.

Книга П.А. Кротова, как мне представляется, является высокопрофессиональным серьёзным исследованием Полтавской битвы, пожалуй, лучшей книгой об этой баталии на сегодняшнее время. Монография имеет также документальное приложение, в котором опубликованы документы из архивов Москвы и Санкт-Петербурга.

ЛИТЕРАТУРА

Барышников В.Н. Одно сражение и «долгий путь в Европу»: Полтавская баталия – новый взгляд российского учёного // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2015. Вып. 3. С. 91–94.

Кротов П.А. Битва под Полтавой. Начало Великой России. СПб.: Фонд содействия реставрации памятников истории и культуры «Спас», 2014. 568 с.

Кротов П.А. Битва при Полтаве (К 300-летней годовщине). СПб.: Историческая иллюстрация, 2009. 416 с.

Кротов П.А. Воспоминания Константена де Турвиля о походе Карла XII в Россию // Вопросы истории. 1989. № 3. С. 125–133.

Кротов П.А. Полтавская битва. Переломное сражение русской истории. М.: Яуза-каталог: Якорь, 2018. 640 с.

Славитский Н.Р. Рецензия на : *П.А. Кротов.* Битва при Полтаве. К 300-летней годовщине. СПб., 2009. 416 с. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: изд-во РХГА, 2011. № 6. С. 153–157.

REFERENCES

Baryshnikov V.N. Odno srazhenie i «dolgiy put' v Evropu»: Poltavskaja batalija – novyj vzgljad rossijskogo uchjonogo [One battle and “a long journey to Europe”: Poltava battle — a new view of the Russian scientist], in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Serija 2: Istorija. 2015. Vyp. 3. P. 91–94.

Krotov P.A. *Bitva pod Poltavoj. Nachalo Velikoj Rossii [Battle of Poltava. The beginning of Great Russia]*. Saint-Petersburg: Fond sodejstvija restavracii pamjatnikov istorii i kul'tury «Spas» Publ., 2014. 568 p.

Krotov P.A. *Bitva pri Poltave (K 300-letnej godovshhine) [Battle of Poltava (on the 300th anniversary)]*. Saint-Petersburg: Istoricheskaja illjustracija Publ., 2009. 416 p.

Krotov P.A. Vospominanija Konstantena de Turvilja o pohode Karla XII v Rossiju [Memories of Constatin de Tourville about the campaign of Charles XII in Russia], in *Voprosy istorii*. 1989. № 3. P. 125–133.

Krotov P.A. *Poltavskaja bitva. Perelomnoe srazhenie russkoj istorii [Poltava battle. The crucial battle of Russian history]*. Moscow: Jauza-katalog: Jakor' Publ., 2018. 640 p.

Slavnikskij N.R. Recenzija na : P.A. Krotov. Bitva pri Poltave. K 300-letnej godovshhine [Review on the book: P. A. Krotov. Battle of Poltava. To the 300th anniversary]. Saint-Petersburg, 2009. 416 p., in *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni [Proceedings of the department of Modern and Contemporary history]*. 2011. № 6. P. 153–157.

ТРЕБОВАНИЯ К ПОДАЧЕ МАТЕРИАЛОВ В ЖУРНАЛ

Тексты научных статей, предлагаемые для публикации в журнале Труды кафедры истории Нового и новейшего времени, должны быть оригинальными, ранее не опубликованными произведениями по исторической тематике или смежным дисциплинам.

Рекомендуемый объем статьи – до 40 000 знаков (включая пробелы и сноски), для аспирантов – до 20 000 знаков.

Текст статьи представляется в электронном виде: Документ Word, шрифты группы Times New Roman, основной текст – выравнивание по ширине, 12 кегль, интервал полуторный, абзацный отступ 1,27. Сноски постраничные (внизу страницы), нумерация сквозная по всему тексту, выравнивание по ширине, шрифты группы Times New Roman, 10 кегль, интервал одинарный, отступ/выступ отсутствует.

Оформление сносок:

- фамилия автора выделяется курсивом;
- для обозначения промежутка между страницами используется НЕ ДЕФИС, а короткое тире: С. 33–58;
- в случае, когда в одной сноске указываются несколько работ одного автора, его фамилия указывается один раз, а работы перечисляются под номерами. Например:

Пленков О. Ю. 1) Мифы нации против мифов демократии. Немецкая политическая традиция и нацизм. СПб., 1997; 2) Третий Рейх. Социализм Гитлера. СПб., 2004; 3) Третий Рейх. Нацистское государство. СПб., 2004.

- в случае первой ссылки на работу приводятся ее полные данные, во второй и последующих – сокращенные. Использование обозначений Указ. соч., **Op. cit.** **применительно к монографиям и статьям НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.** При повторных ссылках употребляется сокращенное название, например:

¹*Пленков О. Ю.* Третий Рейх. Арийская культура. СПб., 2005. С. 25.

⁷*Пленков О. Ю.* Третий Рейх... С. 40.

Использование Там же, *Ibid.* возможно при нескольких ссылках подряд на один и тот же источник или литературу.

Указание редактора или составителя сборника в сносках является желательным.

- образцы оформления ссылок:

На монографию: *Пленков О. Ю.* Истоки современности (динамика и логика развития Запада в новейшее время). СПб., 2014. С. 55.

На статью в журнале: *Барышников В. Н.* О попытке создания в начале 1940 г. тройственного оборонительного союза северных стран // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2000. Вып. 2 (№ 9). С. 18–29.

На статью в издании: *Ушаков В. А.* К вопросу о социальном составе лоялистов (Массачусетс) // Американский ежегодник 1986. М., 1986. С. 202–220.

На статью в сборнике: *Возгрин В. Е.* Настоящее и будущее гренландских эскимосов // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная этнографическая наука / Под ред. Ю. В. Маретина и Б. Н. Путилова. Л., 1979. С. 177–184.

Ссылка на источник, документ: *Бобринский А. Г.* Дневник. 1779–1786 // Козлов С. А. Русский путешественник эпохи Просвещения / Отв. ред. Н. В. Кирюшенко. СПб., 2003. Т. 1. С. 356–447.

Ссылка на публикацию в Интернете: *Бовыкин Д. Ю.* Веронская декларация Людовика XVIII // Новая и новейшая история. 2013. № 3. С. 118–129. Режим доступа: annuaire-fr.narod.ru/Revolution.html (Дата обращения 25.05.14).

Статья подается в сопровождении информации, которая будет обработана и размещена в наукометрических базах данных для индекса цитирования и т.д. Она включает в себя:

- ссылку на грант, если работа выполнена по гранту или программе;
- индекс УДК (универсальной десятичной классификации) указывается рядом с фамилией автора слева, УДК должен отражать тематику статьи;
- Автор: фамилия, имя, отчество, ученая степень, место работы или учебы, должность, электронный адрес;
- заголовок статьи;
- резюме статьи на русском языке не менее 200 слов (200–250), рекомендуемый объем – от 0,3 до 0,5 стр.;
- ключевые слова (5–6 слов);

● литература, использованная в статье. Приводится перечень в алфавитном порядке ВСЕХ статей, монографий и др. произведений научной литературы, на которые в статье были ссылки или которые использовались при подготовке публикации. ПЕРЕЧЕНЬ НЕ НУМЕРУЕТСЯ.

Описание каждого издания делается следующим образом:

Фамилия автора, (ЗАПЯТАЯ) имя (для российских авторов имя + отчество) ПОЛНОСТЬЮ. ВСЕ ВЫДЕЛЯЕТСЯ КУРСИВОМ.

Заголовок работы.

Выходные данные: Место издания (ПОЛНОСТЬЮ, БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ): (двоеточие) ИЗДАТЕЛЬСТВО или ТИПОГРАФИЯ, (запятая) год издания.

ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО СТРАНИЦ или НОМЕРА СТРАНИЦ, на которых напечатана статья.

Образец списка:

Барышников, Владимир Николаевич. Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны. Санкт-Петербург: Издательство РХГА, 2012. 200 с.

Евдокимова, Нина Петровна. Просветы и тупики во франко-германских отношениях середины 1920-х годов: Туари. 17 сентября 1926 года // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 11. С. 106–123.

Соколов, Олег Валерьевич. Битва двух империй 1805–1812. Москва: Астрель; Санкт-Петербург: Астрель – СПб, 2012. 730 с.

Bouche, Denise. Quatorze millions de Français dans la Fédération de l'Afrique occidentale française? // Revue française d'histoire d'outre-mer. 1982. № 255. P. 97–113.

La fracture coloniale. La société française au prisme de l'héritage colonial / Sous la direction de Pascal Blanchard, Nicolas Bancel et Sandrine Lemaire. Paris: Editions La Découverte, 2006. 315 p.

Low, Donald Anthony. Eclipse of Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 375 p.

Статья подается также в сопровождении той же самой информации, но в переводе на английский язык.

● ссылка на грант на английском языке;
● индексы УДК на английский переводить НЕ НАДО, они есть только в русской версии;

● сведения об авторе, например, Author: Petrova Ariadna Alexandrovna. Ph.D. in History, Ass. Prof. of the Institute of History, Saint-Petersburg State

University, the Chair of Modern and Contemporary history, Saint-Petersburg, Russian Federation, a.petrova@spbu.ru;

- перевод заголовка статьи на английский (Title);
- резюме статьи на английском (Abstract). Это должен быть перевод вышеприведенного русского резюме или его расширенный вариант;
- ключевые слова на английском (Key words);
- **References – список использованной литературы, транслитерированный на латиницу и сопровождаемый переводом названия публикации на английский язык (в случае, если оригинал названия – на кириллице), дается в квадратных скобках. Для транслитерации рекомендуем использовать сайт <http://translit.ru>.**

Например:

Baryshnikov, Vladimir Nikolaievich. *Finny na sluzhbe v vojskah SS v gody Vtoroj mirovoj vojny* [Finns in service in the Waffen SS during the Second World War]. Sankt-Petersburg: Izdatel'stvo RHGA Publ., 2012. 200 p.

Evdokimova, Nina Petrovna. Prosvety i tupiki vo franko-germanskih otnoshenijah serediny 1920-h godov: Tuari. 17 sentjabrja 1926 goda [Clarifications and deadlocks in the French-German relations in the middle of 1920-s years], in *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni*. 2013. № 11. P. 106–123.

Sokolov, Oleg Valer'evich. *Bitva dvuh imperij 1805–1812* [Battle of Two Empires]. Moscow: Astrel'; Saint-Petersburg: Astrel'-SPb, 2012. 730 p.

ОБРАЩАЕМ ВАШЕ ВНИМАНИЕ, ЧТО В ТРАНСЛИТЕРИРОВАННОЙ ВЕРСИИ ЗНАК // ЗАМЕНЯЕТСЯ НА: , IN.

7. Все выпуски журнала находятся в свободном доступе на Интернет-сайте кафедры истории Нового и новейшего времени: <http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>.

8. Авторы несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, имен собственных, географических названий и прочих сведений, гарантируют наличие разрешения на публикации архивных и прочих материалов.

9. Статьи, не соответствующие тематике журнала и не удовлетворяющие требованиям редколлегии, на рассмотрение не принимаются.

10. Все статьи проходят двойное рецензирование, осуществляемое членами Редакционного совета и независимыми специалистами. Редколлегия оставляет за собой право отбора материалов.

Научное издание

**ТРУДЫ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ НОВОГО
И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ**

19 (1)

Печатается без издательского редактирования

Оригинал-макет: *Т. Н. Гончарова*

Подписано в печать с готового оригинал-макета 11.09.19.

Формат 60x84/16.

Бумага офсетная. Заказ 21-06/19. Усл. печ. л. 14

Тираж 300 экз.

Издательство РХГА

191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15,

Тел.: (812) 310-79-29, +7(981)699-65-95;

e-mail: rhgapublisher@gmail.com

URL: <http://irhga.ru>